

Л. Е. ГРИНИН

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ
И
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Л. Е. ГРИНИН

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ
И
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Издательство «Учитель»
Волгоград

ББК 87.3
Г 85

Гринин Л. Е.

Г 85 Производительные силы и исторический процесс. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград, 2003.– с.

ISBN 5-7218-0284-7

Книга «Производительные силы и исторический процесс» из числа тех редких, но очень нужных исследований, которые пытаются выявить роль сквозных факторов исторического процесса и причины изменения этой роли. Книга посвящена исследованию развития от первобытности до современности мировых производительных сил как важнейшей составной части исторического процесса. Особое внимание уделено рассмотрению производственных революций (аграрной, промышленной и научно-технической). Прослежена также взаимосвязь производственного и других аспектов исторического процесса: политического, социального, этнического и духовного.

Книга будет полезна не только специалистам в области социальной философии, исторической социологии и теоретической истории, но также всем интересующимся проблемами теории исторического процесса или развития мирового хозяйства. Она способна помочь преподавателям, аспирантам и студентам и может быть использована в качестве учебного пособия для отдельных спецкурсов.

ББК 87.3

ISBN 5-7218-0284-7

© Гринин Л. Е., 2000

© Гринин Л. Е., с изменениями, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Научный инструментарий исследования	13
§ 1. Соотношение философии истории, социологии истории и теории истории. Теория истории и теория исторического процесса.....	13
§ 2. Производительные силы в рамках социологии истории	21
§ 3. Мировые производительные силы и категория «принцип производства благ».....	33
§ 4. Формации и система формационных категорий	53
Глава 2. Принципы производства благ и исторический процесс	75
§ 1. Периодизация исторического процесса и смена принципов производства.	75
§ 2. Охотничье-собираТЕЛЬский (присваивающий) принцип производства.....	89
§ 3. Аграрная революция и первые этапы аграрно-ремесленного принципа производства.....	97
§ 4. Зрелые этапы аграрно-ремесленного принципа производства	109
§ 5. Промышленная революция. Первый этап. Начало промышленного принципа производства	
§ 6. Второй этап промышленной революции. Характеристика промышленного принципа производства ...	139
§ 7. Переход к научно-информационному принципу производства и некоторые его черты	
Глава 3. Соотношение принципа производства и других формационных категорий Краткие пояснения к главе	
§ 1. Тип отчуждения благ и личности	167
§ 2. Тип политической организации обществ.	190
§ 3. Тип социальной организации обществ.....	206

§ 4. Тип этнической организации обществ	
§ 5. Тип общественного сознания	
Заключение	
Summary	
Литература	

ВВЕДЕНИЕ

Один русский философ тонко подметил, что человеческий ум обращается к изучению наиболее привычных вещей в последнюю очередь. Так и в поиске причин исторического развития к производительным силам обратились гораздо позже, чем к религии, роли личности, войнам и интригам. Слишком далеко казалось производство от вершин политики, да и менялось оно медленно, представлялось почти незыблемым, а когда фундамент стоит прочно, о нем забывают.

Только в XVIII в. были сделаны также первые шаги к серьезному анализу географической среды (Ш. Монтескье, И. Гердер и другие), демографического давления (Т. Мальтус) и, особенно важно, производительных сил как важнейших факторов развития¹. Были и отдельные глубокие догадки об особой роли производительных сил в общественном прогрессе (А. Тюрго, Ф. Вольтер, А. Барнав, А. Фергюсон). Однако лишь в XIX в. исследования в этих направлениях стали действительно научными.

Перелом в вопросе о роли производительных сил в историческом развитии человечества связан с работами Маркса и Энгельса. Но достижения были и в других научных направлениях. Для нас важно, что в XIX в. получили дальнейшее развитие идеи формообразующего влияния на общество географической среды. Правда, было немало попыток довести эту концепцию до абсурда (В. Кузен, К. Риттер), но появились и достаточно взвешенные работы (Л. Мечников, Э. Реклю и другие), которые делали более ясными взаимоотношения природы и общества. Позже интерес к этой теме снизился.

---

¹ Конечно, какие-то истоки этого можно обнаружить и гораздо раньше, например у Геродота, Платона, Аристотеля, Страбона, Лукреция Кара, Тацита. Исследователь идеи прогресса Роберт Нисбет в числе пяти главных предпосылок исторических идей, прослеживаемых от античности до наших дней, выделяет и идею важной роли экономического и технологического роста (Nisbet R. History of Idea of Progress. P. 317).

Тем не менее, она продолжала разрабатываться в XX в. в самых разных аспектах (в работах Л. Февра, А. Пиренна, Ф. Броделя, К. Виттфогеля и других).

В конце XIX – начале XX в. появилось множество социологии, в которых авторы пытались охватить всю социальную жизнь разом, найти ведущие причины развития. О таких концепциях П. Сорокин говорил, что, выдвигая на первое место какой-то фактор, каждый из авторов одновременно и прав и односторонне неправ. Взаимная критика способствовала как устранению наиболее одиозных моментов, так и введению этих факторов в научный оборот. Соответственно и споры с представителями географического и экономического детерминизма уменьшили наивность простых представлений об историческом развитии, но в то же время прочно ввели в арсенал исследователей эти материальные факторы. И в конце XIX – начале XX в. наблюдается весьма бурное исследование проблем мировой экономической истории и этапов ее развития.

Однако в основной массе трудов по философии и социологии истории значение производительных сил все еще было недооценено, и идея эта закреплялась медленно. Одна из причин заключалась в том, что в первые десятилетия XX в. обострилась борьба материализма и идеализма в социологии, философии истории и историографии. Именно в это время оформляются концепции так называемых идеографических наук, цикличности в истории, получают популярность направления философии жизни и неокантианства, ряд вульгарных материалистических идей (например, социального дарвинизма или с уклоном в расизм). Все это затрудняло правильную интерпретацию роли производительных сил в историческом процессе, делало эти вопросы своего рода идеологическими тестами, поэтому от них или откшивались, или, напротив, преувеличивали их влияние.

Но поскольку влияние технического прогресса на все стороны жизни ощущалось все сильнее, неизбежно росло и внимание к производительным силам. Поэтому в XX веке интерес к исследованию роли производства возрастал, осо-

бенно начиная с 40-х годов. Все большая очевидность и острота многих современных проблем: экологической, необходимости оптимизации темпов экономического и демографического роста и других – делают такие исследования актуальными.

Но, несмотря на обилие литературы, в которой рассматриваются роль техники и взаимодействие общества с природой, в области философии и теории истории ощущаются недостаточность, несовершенство и незавершенность теоретической работы, которая бы дала возможность более четко представлять и точнее учитывать роль производственной сферы и географической среды в историческом процессе. Разумеется, не так, чтобы найти объяснение, годящееся «для всех времен и народов». Такие подходы опаснее всего. Именно поэтому и были отвергнуты географический, экономический и прочие детерминизмы, что они надеялись прописать силу и направление влияния какого-то фактора раз и навсегда. И до сих пор реакция отторжения на это в виде бесхребетного плюрализма дает себя знать.

Нет, необходимо проследить воздействие указанных факторов и на ход исторического процесса на всем его протяжении, и на отдельные его аспекты таким образом, чтобы стало яснее, когда, в какой степени и почему их влияние растет или уменьшается, когда является определяющим или не слишком важным, когда колеблется или остается стабильным. К сожалению, таких исследований почти нет. И это одна из причин написания данной книги.

Укажу еще на некоторые теоретически важные (в чем-то важнейшие) проблемы, которые требуют своего решения. Во-первых, несмотря на очевидность теснейшей связи географической среды и производительных сил, идея о том, что для многих научных задач их надо рассматривать как единую природно-производственную систему, по сути, не получила надлежащего развития и по сию пору². Конечно,

---

² В отдельных областях историко-теоретических исследований такой связи уделяется более серьезное внимание. Например, в работах, посвященных кочевничеству. Некоторые даже говорят об экологическом способе производства. Но это подается как нечто специфич-

внутри этой системы роль производства и природы по силе влияния постоянно меняется и варьируется в зависимости от времени, пространства и масштаба исследования. Однако некие тенденции на протяжении исторического процесса все же вырисовываются.

Во-вторых, в связи с колоссальными изменениями, вызванными научно-технической революцией, весьма важно понять природу производственных революций, что позволило бы хотя бы в самом приблизительном виде предполагать ближайшие тенденции развития.

В-третьих, хотя в современной жизни влияние производительных сил на все остальные стороны жизни стало совершенно очевидным, взаимоотношения между производственной и другими сферами анализируются недостаточно или вовсе превратно, а это уменьшает возможности адекватно понять многие исторические и современные реалии.

Данная работа и посвящена указанным (и другим) проблемам. Но для их решения необходима новая методология. Ибо вот уже много лет как автор осознал, что никакая (не только крупная, но даже средняя) концепция не будет работать по-настоящему, если не развернуть ее так, чтобы было понятно, как она преломляется на разных уровнях и в разных аспектах и как можно разрешить возникающие в таких случаях трудности. Ведь *главная*, на мой взгляд, *причина разрыва между теорией и историей – недостаточное развитие методологии приложения более масштабных идей к проблемам и ситуациям меньшего масштаба при согласовании первых с фактическим материалом*. Однако такой методологии не выработано, а генеральные концепции страдают догматизмом или односторонностью, а также объективизмом, то есть представлением, что логические конструкции и есть прямое отражение реальности (или даже сама реальность), описать которую иным способом невозможно.

ческое, между тем в конкретных обществах такая связка при всех вариациях сочетаний составляет важнейшую ось анализа.

Таким образом, получается: чтобы решить, казалось бы, частные вопросы, необходимо всерьез заняться методологией, коррективами терминологии и другой работой в области философии и теории истории. Поэтому и в данном исследовании автор вынужден был обосновывать как терминологию, так и методологию исследования, многое разрабатывать заново, затронуть множество разнообразных проблем, которые, однако, составляют единую систему и каждая из которых служит единому замыслу. Стоит подчеркнуть, что концептуальная и методологическая (терминологическая) части здесь неразрывны и составляют единое целое. «Метод образует единство с его применением. Даже на уровне чистой мысли размышление о методе должно оставаться активным», – говорил Гастон Башляр³. Методологическим аспектам особое место уделено в первой главе. Но поскольку эти и ряд других проблем были мной более обстоятельно исследованы в других произведениях, здесь я часто привожу аргументацию не полностью (иногда опускаю ее). Поэтому я отсылаю читателя, которого это не удовлетворяет, к более полной версии⁴.

Вторая глава связана с рассмотрением процесса развития мировых производительных сил как составной и в некоторых отношениях более фундаментальной части исторического процесса.

В методологическом плане сравнение исторического процесса с его частью помогает увидеть, как те или иные идеи могут быть приложимы к разным уровням. Важность данного исследования станет яснее, если вспомнить, что только с пониманием, какую роль играют в общем процессе (системе) те или иные его составляющие и как они соотносятся между собой, мы приходим от «созерцания» и описания процесса к его научному пониманию. Движение же в сторону большей точности знаний имеет приоритетным

---

³ Башляр Г. Новый рационализм. С. 124.

⁴ Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество – все номера за 1997–2001 годы, кроме № 4 за 1999 год и № 2, 4 за 2001 год. В дальнейшем при ссылках на эту работу название журнала «Философия и общество» будет опускаться.

направлением именно поиск более четких и ясных соотношений между какими-то отдельными силами, факторами и явлениями. Собственно научные законы в большинстве случаев как раз и показывают такое соотношение.

Чем точнее удастся понять, какое, когда, как и при каких условиях (а также и почему) оказывается воздействие одной частью действительности на другие и на систему в целом, тем глубже мы понимаем самую действительность и тем научнее наши представления о ней. В отношении же исторического процесса поле для такого рода исследований вовсе необъятное.

Поэтому мне и хотелось показать движение одного аспекта (линии) исторического процесса. Описать его сначала в рамках общего развития исторического процесса, чтобы наметить соотношения целого и части; а затем – в третьей главе – сопоставить исследуемый аспект с другими аспектами исторического процесса (экономическим, политическим, социальным, этническим, духовным).

Исследуемым аспектом будут мировые производительные силы, точнее, качественно отличные их состояния, которые я обобщил категорией **принцип производства**. Почему для соотношения целого и части избраны именно производительные силы? Бесспорно, в системе изменения в одной ее части не могут идти совершенно независимо от состояния других частей, и поэтому в качестве независимой переменной можно взять любую сферу. Значит, об одноподчиненной причинно-следственной связи не может быть и речи. *И все же влияние принципа производства на другие составляющие исторического процесса выглядит **относительно**⁵ более фундаментальным, чем наоборот.* Обоснованию этого положения в книге уделено много внимания.

Кроме того, производительные силы избраны из-за уве-

---

⁵ Я особо выделяю слово «**относительно**», так как считаю, что ни о каком абсолютном доминировании говорить невозможно. Вопрос стоит о том, насколько та или иная переменная, выделенная из общей системы, будет удобной при анализе, если считать изменения в ней более важными в плане качественного развития, чем в других; насколько, например, это продуктивно в качестве важного основания периодизации, и насколько ясны и обоснованны (объективны) рубежи и границы при таком выборе. Насколько такой взгляд позволяет глубже и лучше объяснять теоретические проблемы и полнее соответствует известным фактам, чем другие подходы.

личения их роли и влияния, из-за того, что сила их воздействия постоянно растет, причем в геометрической прогрессии. Это вынуждены признавать все больше людей. А значит, увидеть, как и по каким причинам роль одной части целого растет, становится важно со всех точек зрения.

На протяжении многих десятилетий философы и ученые пытались выявить силы или их комбинацию, которые определяют ход истории. Жизнь показала, что это непосильная задача. Можно считать, что и до сих пор нет еще правильной теории факторов или движущих сил. Попытки считать монизм священным принципом породили много ошибок и перекосов, в частности чрезмерное преувеличение одного фактора: сначала собственности, сегодня других, в частности духовных или этнических.

На уровне методологии это может выражаться, например, в идее, что «в онтологическом плане чистота парадигм означает их безусловный монизм... Онтологический монизм определяет гносеологическую чистоту парадигмы»⁶. И затем автор цитаты говорит о противоположности идеализма и материализма, то есть пытается возратить нас к уровню развития науки стопятидесятилетней давности.

О «чистоте парадигмы» речь может идти только в одном плане: понять, что реальность намного сложнее любых парадигм, что она, в отличие от них, не имеет ничего в чистом, идеальном виде, что познание ее и бесконечно, и возможно разными способами. Поэтому ценность любой теории не в онтологической или гносеологической (или партийной) «чистоте», а в том, насколько она продуктивна, универсальна и удобна. Следовательно, «онтологическая чистота парадигм» определяется логичностью установленных причинных связей и выводов, их соответствием фактам и реальности, а «гносеологическая чистота» тем, насколько точно определены цель и познавательные возможности ее достижения.

---

⁶ Макаров С. П. Философские основания построения экономической парадигмы. С. 126.

Итак, любой монизм, доведенный до логического конца, обречен на бессмыслицу. Но и постулировать плюрализм без общей теории также малопродуктивно. Когда речь идет о более или менее развернутой теории исторического процесса, просто говорить о том, что в разных случаях главными будут те или иные факторы, тем более каждый раз неповторимая совокупность таких факторов, совершенно недостаточно. Игнорирование этого ведет к рассыпанию науки, умножению односторонних и конкурирующих теорий среднего уровня обобщения чуть не по каждой проблеме, что часто наблюдается в западной науке, где вместо решения проблемы дается перечень разнообразных взглядов на нее.

Поэтому задача – *найти такую форму и меру сочетания монизма и плюрализма, которые бы не грешили явной односторонностью первого и концептуальной дряблостью второго.* Ценность настоящего исследования в том, что здесь сделана попытка связать плюрализм и монизм практически. Основные принципы этого совмещения в том, что нельзя говорить о преобладании всегда или в основном одного фактора, но можно выделять для достаточно широких теорий или задач относительно более важные. Однако лишь как общий принцип и в строго очерченных самим автором границах применения. Для этого нужно определить, в каком плане, в каких случаях и в какой пропорции следует говорить о большем влиянии определенных факторов, каким образом связать все это в достаточно ясную концепцию.

Такие методики и исследования позволят более точно и обоснованно определять причины и следствия событий, типичность и особенность явлений, иметь более тонкий инструмент анализа исторического процесса. Естественно, что разработка подобных методик или теорий, которые позволяют определять, в каких случаях и насколько те или иные факторы преобладают, – дело объемное и непростое. И тем более важны исследования, которые пытаются выявить роль сквозных факторов исторического процесса, направ-

ления изменения их роли, а равно и причины таких изменений.

Глава 1
**НАУЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**§ 1. СООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ,
СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ИСТОРИИ.
ТЕОРИЯ ИСТОРИИ
И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**1.1. Социология истории и теория истории
как области философии истории**

Если рассматривать всю огромную область, связанную с философским и теоретическим осмыслением исторического развития, то возникает дилемма сохранения единства предмета исследования и необходимости делить его на отдельные части. Поскольку историческая реальность едина, невозможно жестко разделить предметы, уровни и аспекты исследования, тем более ошибочно их абсолютизировать.

Но не менее ошибочно игнорировать пусть условные, но все же границы между отдельными областями исследования, выделение которых позволяет достичь важных результатов. Ибо невозможно продуктивно решать задачи сразу на всех уровнях, одновременно характеризовать и сходство, и различие, и стабильность, и развитие. Всякая теория, которая пытается ответить одним разом на все вопросы, обречена быть отвергнутой как догматическая.

Поэтому возникает методологическая проблема, как наилучшим образом разделить поле исследования и как обеспечить возможность свободного перехода из одной области в другие. Исходя из сказанного, автор хотел бы более четко обосновать границы той области, в которой сосредоточено исследование этой книги.

Традиционное деление на науки, которые так или иначе исследуют историю, закрепилось достаточно давно, а развитие общественнознания за это время шагнуло далеко вперед.

Поэтому такого разграничения, на наш взгляд, для решения многих проблем, связанных с исследованием исторического развития человечества в целом, явно недостаточно. Тем более что социология уже давно занимается в основном проблемами современного ей общества, антропология в значительной мере игнорирует историческую специфику, а историография лишь частично вступает в область теоретизирования над историей.

Разумеется, есть **философия истории**, благодаря которой не теряется единство предмета. Но оно осуществляется лишь на весьма абстрактном уровне обобщения, иначе бы не были общим местом утверждения о разрыве между теорией и историей. Колоссальная важность философии истории в том, что ее онтология разрешает наиболее общие проблемы законов, движущих сил истории, направления ее развития, основ сходства в различных человеческих коллективах и т. п. Ее гносеология и методология дают в руки инструменты познания и важные правила исследования.

Но по самому своему статусу она призвана работать, так сказать, на верхних этажах, решать наиболее общие проблемы. И очень важно понять, что *решения на уровне философии истории не могут давать готовые ответы на конкретные проблемы теории истории и тем более историографии, а способны лишь дать необходимые ориентиры в поисках этого ответа*. Общие выводы нуждаются в том, чтобы развернуть их в достаточно объемные и более практичные теории среднего уровня. Но прямо от философии истории сделать это затруднительно. Поэтому предварительно необходимо выделить как более самостоятельные отдельные области, имеющие внутреннее онтологическое и методологическое единство⁷.

Речь идет не о каком-то разрыве с философией истории, а о том, что необходимо выделить внутри нее более узкие области, однако имеющие и собственный предмет, и соб-

---

⁷ Отпочкование каких-то областей знаний от более общих происходит постоянно. Собственно, и из философии истории выделились, подобно тому как она сама выделилась из общей философии, такие области, как философия политики, философия цивилизации и т. п. И социология, и во многом антропология также вышли из несл. В нашей науке также достаточно часто говорят об историософии как об особой области философии истории, сосредоточившейся именно на глобальных концепциях объяснения истории.

ственные методы, и свои весьма важные особенности, игнорирование которых ведет к существенным ошибкам.

Первая задача здесь связана с необходимостью отделить от собственно историософских проблем социологические⁸. Но, помимо этой «границы» с философией, необходимо провести и «границу» с обычной социологией. Тогда область, которую мы выделяем, удобно будет назвать **социологией истории**. Этот термин, образованный по аналогии с философией истории, представляется достаточно удачным и емким. Социология истории «забирает» у философии истории проблемы: как исследовать общества разных эпох и регионов с позиций их сходства в структуре и функциях, поскольку здесь требуются специальные методы и уровень обобщения, несколько более низкий, чем в философии истории.

С другой стороны, необходимо четко отделить социологию истории, исследующую общества исторические, и общую социологию, которая предназначена для анализа главным образом живых обществ, при этом в первую очередь высокоразвитых и стабильных. Хотя социология, собственно, и родилась в трудах ее основоположников как наука о сравнении любых общественных систем и организмов, в своем нынешнем виде она стала обретать собственный предмет, сосредоточиваясь именно на современном ей обществе, тем самым уходя от анализа обществ исторических⁹. Поскольку эта наука давала важные практические результаты, через некоторое время она стала одной из наиболее развитых и престижных социальных наук.

Но в громаде ее литературы работы, посвященные тео-

---

⁸ В рамках исторического материализма проблема разделения собственно философии истории и социологии так и не была решена. И сегодня вполне справедливы слова Г. М. Андреевой, что «остается по-прежнему нерешенным труднейший... вопрос о том, в чем специфика социологического анализа общества по сравнению с философским и в чем неразрывная связь этих типов анализа» (Цит. по: Барулин В. С. Исторический материализм. С. 211).

⁹ При этом особую роль стала играть микросоциология, исследующая даже не общество в целом, а отдельные его явления, с помощью таких методов, как опрос, анкетирование, интервью, наблюдение и прочие.

ретическим обобщениям о сходстве в структуре и функциях, взаимоотношениях частей, о типах, законах функционирования бесчисленных **исторических** обществ, занимают весьма скромное место. Условно такое направление называется исторической социологией. Дело не только в недостаточном ее развитии, а в том, что она базируется главным образом на принципах и методах общей социологии. Однако изучение живого, современного нам и понятного общества очень сильно отличается от анализа обществ исторических. И наиболее плодотворное сравнение исторических обществ с позиции их сходств (отличий) возможно только на собственной базе.

Другими словами, особый предмет исследования, специфика материала требуют и особых, собственных методов, терминологии и теорий¹⁰, тем более что многое из необходимого уже есть, в том числе и в трудах классиков марксизма и основоположников научной социологии, многих социологов и историков. Игнорирование специфики социологии истории ведет к тому, что второстепенное или позднейшее в историческом развитии выставляется как главное, происходит модернизация или апологетика древности, а также к ошибочным посылкам и выводам и к недопустимому смешению понятий и подходов.

Во-первых, от многих обществ осталось очень мало следов, а те, что имеются, не всегда достоверны. Причем объяснение и истолкование их вызывает множество дискуссий, версий и гипотез. Во-вторых, те выводы, которые делают специалисты разного направления (включая антропологов, лингвистов и др.), нередко либо основываются на таких вещах, которые не дают возможности надежно проверить их, либо могут быть опровергнуты более тщательными поисками или новыми открытиями¹¹. В-третьих, древние об-

---

¹⁰ При том, что нельзя отрицать необходимости использовать, где это удобно, достижения, накопленные в общей социологии. Но только где удобно.

¹¹ Любой изучающий древнюю русскую и любую другую историю знает, сколько по одним и тем же источникам дается толкований, как от истолкования одного непонятного слова зависят вся теория, датировки в сотни лет и т. п.

щества по многим направлениям резко отличались от современных. Очевидно, общества, где нет частной собственности, или господствует стремление к военной добыче, или преобладают натуральные повинности, трудно анализировать, расставляя современные акценты. В-четвертых, цель современной социологии – выводы, касающиеся короткого периода в конкретном обществе, а то и просто в отдельных населенных пунктах. А чтобы обозреть множество обществ за тысячелетия, найти в них фундаментальные сходства, нужны иные методы¹².

Другая область, которую требуется отграничить от философии истории, – **теория истории** – де-факто существует давно. Но достаточно ясного методологического и теоретического обоснования такого выделения все еще не сделано. Кроме того, область исследования, которую обозначают как теорию истории, по сути, включает в себя и социологию истории. Однако, хотя у них имеются своего рода совместные и спорные территории, неразделенность отдельных участков и прочее, а в каких-то моментах и на определенных уровнях они смыкаются, все же они в познавательном плане имеют существенные особенности. Причем, чем выше уровень, на котором происходит исследование, тем яснее обоснованность такого разделения. Отсюда я сделал очень важный методологический вывод о том, что для каждой из них нужны существенно отличные методики и аналитические средства.

Первая задача социологии истории – найти сходства, «общий знаменатель» в очень непохожих обществах, но лишь в виде общих правил, принципов, подходов и широких терминов, чтобы не принуждать исследователя к готовым выводам, чтобы познавательный аппарат помогал, а не давил на него. Это позволит сравнивать между собой любые исторические общества, взятые как теоретически равноправные социальные системы или организмы. Но для

---

¹² О них см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 3.

этого необходимо абстрагироваться не только от исторического развития, но и от проблемы прогрессивности – регрессивности, перспективности – тупиковости обществ.

Тем не менее невозможно не учитывать усложнение и изменение обществ и их органов. Но делать это удобно, когда мы уже определились со сходством. Поэтому вторая задача – показать то общее, что появляется у обществ и их отдельных подсистем на крупных этапах исторического процесса.

Третья по важности задача – дать классификацию и типологию обществ по различным признакам в зависимости от поставленной цели. Это позволяет увидеть различия между группами обществ и выделить более и менее важные в историческом плане типы обществ и общественных институтов. Есть, конечно, и иные задачи, но они в общем плане менее значимы.

А вот в теории истории никак нельзя абстрагироваться от исторического развития. Напротив, это и будет главной задачей. Таким образом, то, что в социологии истории является вторым-третьим и далее второстепенным, в теории истории – поскольку теперь акцент и задачи во многом иные – становится главным. А поскольку проблемы различий, существования разных типов обществ и институтов, индивидуальные особенности и обстоятельства выходят на первый-второй план, то проблема обязательного сходства становится менее важной.

Значит, социология истории исследует общества разных эпох прежде всего с позиций их сходства в структуре и функциях, для чего в большой мере необходимо абстрагироваться от исторического развития. Теория истории, напротив, в первую очередь сосредоточивается на историческом развитии и причинах изменений в обществах.

Таким образом, выделенные области различаются прежде всего аспектом исследования и стоящими перед ними задачами. Это придает каждой из них онтологиче-

ское, гносеологическое и методологическое единство.

1.2. Теория истории и теория исторического процесса

Теория истории, однако, слишком широкое поле для многих проблем и концепций. Ведь здесь развитие рассматривается на самых разных уровнях, от отдельных аспектов отдельных обществ до глобального движения человечества. Решать их сразу невозможно, особенно если не игнорировать проблему разнообразия. Значит, надо выделить хотя бы два базовых уровня обобщения: уровень отдельного (но достаточно абстрактного) общества и уровень человечества в целом. В последнем исключительно важно видеть не только механическую совокупность множества различных обществ, но и то, что их взаимодействие, борьба, общение и прочее образуют некое надобщественное целое, тем более очевидное, чем ближе к нам эпоха.

Следовательно, продуктивно выделить из теории истории ту часть, которая изучает в первую очередь общечеловеческое развитие, а также решает проблемы выделения более или менее перспективных исторических линий. Важной задачей является также обнаружение общих черт в разнообразных социальных организациях на каждом крупном историческом этапе.

Эту область исследования можно определить как **теорию исторического процесса**, и она составляет в значительной мере как бы центральную часть, верхний уровень, фигурально выражаясь, крышу теории истории. Отсюда полагать, что термины «теория истории» и «теория исторического процесса» – синонимы, неправильно. Как неверно думать, что исторический процесс человечества – синоним термина «всемирная история».

Исторический процесс человечества – это определенная часть всемирной истории, точнее говоря, это понятие, содержание которого составляет часть понятия всемирная история, а именно – это всемирная история, представленная как процесс, то есть в таком аспекте, когда из огромно-

го потока фактов отобраны наиболее важные в указанном плане, и это множество упорядочено (согласно его тенденциям и внутренней логике) определенными законами, категориями и методологией.

По смыслу понятие «теория истории» предполагает анализ на базе и по поводу определенной совокупности исторических фактов, явлений и процессов, которые, однако, совсем не обязательно должны быть связаны между собой в рамках единой теоретической системы. Напротив, здесь есть автономные, параллельные, замкнутые, изолированные явления и процессы. Теория истории может быть охарактеризована как множество теорий, с помощью которых возможно сравнивать исторический путь разных обществ, моделировать определенные процессы, объяснять особенности каких-то эпох, вариантов развития, отдельных обществ, его подсистем, институтов и т. п.¹³ В теории истории наличие единого предмета исследования в большой степени есть «результат определенной техники видения предмета»¹⁴.

В анализе исторического процесса акцент делается как раз на поиске его единого русла, стремления представить определенный поток фактов как поток взаимосвязанных между собой процессов (или даже вовсе как единый процесс при определенном уровне задачи). При этом единство предмета обуславливается не просто удобством исследования, но и в значительной мере онтологической реальностью. Ведь налицо сегодняшний результат – значительная интеграция стран, которая набирает ход.

Важным выводом из такого разделения будет то, что для анализа общечеловеческого уровня требуются особые категории и методы. Конечно, еще раз повторимся: абсолютизировать уровни ни в коем случае нельзя, но и игнорировать их также невозможно. А значит, ряд традиционных терминов должен быть ограничен в объеме применения. В

---

¹³ На этом нижнем своем этаже теория истории превращается в теорию историографии.

¹⁴ Солонин Ю. Н. К проблеме единства научного знания. С. 33.

частности, термин «производительные силы» рационально будет оставить в социологии истории (и в аналогичном уровне теории истории). А для теории исторического процесса потребуется иной термин (о чем подробно в § 3)¹⁵.

Следует сразу оговориться, что в этой книге понятие «исторический процесс» употребляется в смысле мировой (всемирный) исторический процесс, а производительные силы исследуются в основном именно как ступени мировых производительных сил. Но прежде чем показать, как можно трансформировать понятие «производительные силы» для теории исторического процесса, необходимо проанализировать его на уровне отдельного общества в рамках социологии истории, чему и посвящен следующий параграф.

§ 2. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИИ

2.1. Производительные силы и географическая среда

Итак, социология истории рассматривает общества как социальные организмы (или системы) и ищет между ними сходство в строении и функциях. Как уже сказано, здесь в значительной мере необходимо абстрагироваться от исторического развития. Тем не менее, общество нужно рассматривать не как неподвижный объект, а в процессе его функционирования, определяя как главные формы взаимодействия его подсистем, так и способы, и каналы его взаимосвязи с окружающей средой. В настоящем параграфе это прежде всего географическая среда.

Для того чтобы обнаружить указанные сходства во множестве очень непохожих обществ, можно применить метод выделения относительно главного структурного элемента. Вести речь об абсолютно главном всегда и везде элементе неверно, так как в зависимости от разных причин, временных периодов и исследовательских задач в качестве более важных могут выступать те или иные. Поэтому мето-

---

¹⁵ Аналогично обстоит дело и с производственными отношениями, и с рядом иных терминов, о чем пойдет речь в главе 3.

дологически правильнее говорить об относительно главных в масштабах всей социологии истории, в то время как в масштабах какого-то периода, ситуации или общества относительно главными могут быть и другие элементы¹⁶.

В поисках такого относительно главного в рамках социологии истории элемента (то есть главного не в каждом случае и не в каждый момент) полезно обратиться к анализу роли производительных сил и географической среды.

Известно, сколь разнообразна географическая среда и как сильно она влияет на структуру и характер общества. Но хотя отдельные интересные наблюдения по этому поводу встречаются еще у античных историков, серьезные теоретические обобщения о роли географической среды появляются только с XVIII в., когда ее стали трактовать как важнейшую причину исторического многообразия.

Изыскания Монтестье, Ж. Мишле, Т. Бокля, Л. Мечникова и многих других показали, что природа очень сильно влияет на политическое устройство, производство, формы собственности, религию. Выгодность или невыгодность географического положения может поощрять или затруднять ведение войн и торговлю, колоссально ускорять или замедлять развитие и т. п.

Географический детерминизм как теория, выводящая все из одной причины, давно подвергнут критике и отвергнут. Но это не может опровергнуть факта значительного, а то и определяющего влияния природы на многие общества¹⁷. В то же время очевидно, что с появлением индустриальных производительных сил базисная роль географической среды постоянно уменьшается, а влияние производительных сил, напротив, растет.

С другой стороны, несомненно огромная роль техники в индустриальных обществах не оправдывает натяжек о том, что роль чисто социальных производительных сил, прежде

---

¹⁶ Это и будет попыткой совместить плюрализм и монизм. Подробнее об этом методе см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 3. Гл. 3, § 3.

¹⁷ Подобного рода доминирующие связи, по словам Р. Арона, «современные социологи назвали бы не отношением причинной необходимости, а отношением воздействия» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 57).

всего орудий труда (техники), и в древности была столь же значимой, как и в эпоху капитализма. Это вовсе не так. Достаточно напомнить, что целый ряд цивилизаций возник на основе самых примитивных деревянных и каменных орудий труда, и в то же время в других местах даже употребление железа не могло обеспечить условий для развития аналогичных процессов¹⁸. И такая разница была связана в первую очередь с различиями в природных условиях.

Следовательно, ни географическая среда, ни производительные силы не могут быть в отдельности признаны даже относительно главным фактором для всей социологии истории. Иное дело, если рассматривать их как единую систему. Тем более, что не только удобно, но и фактически правильно говорить об интеграции производства и географической среды, хотя в каждый период соотношение этих частей меняется. Также можно вспомнить, что в производительные силы включаются и люди, а четкая связь демографических и географических явлений давно доказана.

Поэтому с учетом теснейшего единства и взаимозависимости природы и производства и исходя из динамики изменения их роли в историческом процессе, для сквозной теории, охватывающей все исторические общества, объединение производительных сил и географической среды в логико-методологическом плане становится необходимым.

Поставленная проблема имеет важное теоретическое значение. Это подтверждается также и тем, что, хотя в концепции исторического материализма в принципе идея вхождения части географической среды в состав производительных сил отрицалась, фактически часть природы в виде предмета труда (земля, полезные ископаемые и прочее) все же включалась в структуру производительных

---

¹⁸ В дальнейшем об этом будет сказано подробно.

сил¹⁹. Таким образом, налицо существенное теоретическое противоречие.

Наиболее популярной по-прежнему остается точка зрения, что географическая среда – это прежде всего внешняя среда, и хотя влияние ее велико, однако определяющим оно не может быть даже для самых древних периодов.

Но есть и иные, хотя и не столь распространенные взгляды, которые можно интерпретировать как осознанное включение части географической среды в состав производительных сил²⁰. Некоторые особенно подчеркивают разницу в этом плане между индустриальными и доиндустриальными обществами, поскольку в последних господствовала натуральная система производительных сил и роль природы была принципиально выше, а природные факторы становились частью производства²¹. Такой подход гораздо предпочтительнее. Но, к сожалению, в основном это разрозненные и неоднозначно толкуемые вещи.

Суммируем, что же дает такое объединение производительных сил и части географической среды в общую систему.

Во-первых, такая постановка вопроса во многом снимает серьезное методологическое противоречие, связанное с тем, что в одних случаях именно географическая среда выполняет роль относительно главного элемента, а в других – производительные силы.

Во-вторых, нередко их разделение весьма затруднено и гораздо продуктивнее представлять их единой системой.

В-третьих, такая операция позволяет сформулировать и

---

¹⁹ Правда, вхождение в их состав предмета труда принималось далеко не всеми. О точках зрения и литературу см.: Социализм: диалектика производительных сил и производственных отношений. С. 40–41.

²⁰ См.: Ким М. П. Природное и социальное в историческом процессе. С. 13; Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях... С. 119; Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. С. 325.

²¹ Это неоднократно признавал и сам Маркс, писавший, что «силы природы, наряду с другими видами производительных сил, принимают вид производительных сил» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 26. Ч. 1. С. 298).

закон их соотношения. Будучи всегда важной, роль географической среды тем больше, чем большее место она занимает в составе производительных сил. И по-другому: чем слабее общественные производительные силы, тем больше роль географической среды. Следовательно, роль географической среды тем сильнее, чем древнее период. И соответственно, делаем важный вывод: чем менее щедра природа, тем более развита должна быть технико-технологическая часть производительных сил, чтобы компенсировать эту скудость.

Отсюда становится более ясно, почему в некоторых цивилизациях древности и средневековья техническая база, на первый взгляд, не соответствовала уровню духовного развития. Ее компенсировала щедрость природы²².

В-четвертых, представленная так структура производительных сил лучше объясняет тот факт, что и в разных формах, и в пределах любой из них в конкретных обществах роль различных структурных элементов производства будет неодинаковой²³. Слабость одного элемента может компенсироваться силой другого. Так, недостаток людей устраняется мощью техники или удачной организацией труда. И наоборот: отсутствие техники компенсируется щедростью природы или использованием дарового принудительного труда.

В плане использования природы в хозяйственном обороте ее можно разделить на три части: 1) включенная в той или иной мере в оборот (**окультуренная**); 2) еще не используемая, но пригодная для хозяйственных нужд при данном уровне развития (**резерв**); 3) не включенная в оборот и непригодная для этого при наличных возможностях

---

²² Под влиянием огромных современных успехов мы склонны преуменьшать объемы экономик прошлого. Одна из важных причин этого в том, что в их суммарную мощь не включаются природные процессы и силы. Между тем можно смело утверждать, что в ряде обществ прошлого объем валового продукта «на душу населения» был весьма велик, если считать и «работу» природы. Например, сколько миллионов тонн удобрений заменял египтянам ил великого Нила? Ведь чтобы собирать такие урожаи в Европе, нужны колоссальные затраты.

²³ См.: Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. С. 80.

(неокультуренная).

К описанию структуры окультуренной части географической среды мы вернемся позже, так как в свете рассматриваемых проблем ее лучше представить как специфическое отражение общей структуры производительных сил.

2.2. Структура производительных сил

Известны разные способы описания строения производительных сил, например экономико-географический, отраслевой²⁴. Подход исторического материализма в рамках социологии истории представляется наиболее продуктивным, а сам термин «производительные силы» является и удачным, и удобным. Производительные силы в этой концепции делились на средства производства и людей. Первые, в свою очередь, включали в свой состав предмет труда и средства труда. А последние определялись как совокупность орудий труда и прочих средств труда²⁵.

Действительно, почти любой производственный акт имеет две стороны: предмет труда и средство труда, а человек выступает как посредник между ними. И все же такой подход не полностью удовлетворителен и в рамках социологии истории требует коррекции и развития. Причина в том, что процесс производства представлен слишком политэкономично (абстрактный труд и атоминизированный, по сути, производитель), а взаимоотношения человека и природы – слишком антропологично. Фактически это создает питательную почву для техницизма, переноса роли техники времен индустриализма на доиндустриальные общества.

Малопродуктивно также представлять человека в составе производительных сил только как целостный компонент. Ибо с ростом населения растет и разделение труда. В ре-

---

²⁴ В современной науке есть подход, который можно назвать секторным. В одном из его вариантов секторы делятся так: первичный (сельское хозяйство), вторичный (добывающая промышленность), третичный (обрабатывающая промышленность), четвертичный (сфера услуг).

²⁵ Но прочие средства труда чаще всего из анализа выпадают.

зультате руководит хозяйством лишь небольшая часть людей, а остальные как бы «приписываются» к тем или иным элементам производительных сил, становясь «колесиками и винтиками» гигантского хозяйственного механизма (в том числе и «придатками машин», по выражению Маркса).

Думается, что лучше всего при анализе структуры производительных сил в рамках социологии истории исходить из тех условий, которые обязательны для любого производства и которые так или иначе структурируют производительные силы. Всевозможные же комбинации их элементов дают огромное разнообразие типов хозяйства. Кроме того, становятся более ясными и функции этих компонентов, «ответственных» за должное обеспечение условий производства. Само собой, что в примитивных обществах такие структурные части неразвиты и синкретичны, а основная «работа» переложена на природу. В индустриальных же системах каждый элемент дифференцирован и может быть представлен гигантскими отраслями экономики.

Обязательными условиями для любого хозяйствования являются:

- наличие самих людей;
- наличие предмета труда;
- производство и (или) обладание средствами труда;
- наличие энергии для всего процесса;
- наличие транспорта и коммуникаций;
- получение, обработка и передача информации;
- возможность хранения продукции, сырья и пр.;
- необходимые знания о производстве;
- формы и способы организации людей для совместного

производства.

Исходя из этих условий, структура производительных сил выглядит так (см. схему 3):

- 1) предмет труда;
- 2) средства труда;
- 3) энергетические источники;
- 4) транспорт и коммуникации;

- 5) хранилища;
- 6) средства связи и информации;
- 7) люди;
- 8) производственное сознание (включая технологию и науку);
- 9) производственная организация.

Хотя такое деление опирается на вполне реальные и «осязаемые» факты, все же оно весьма условно, так как границы между элементами во многом нечеткие, и в разных случаях одни и те же вещи и люди могут структурно выполнять разные роли. К тому же даже эта структура остается достаточно примитивной. Но можно от этапа к этапу показать, как она усложняется (об этом дальше).

Исходя из сказанного, **производительные силы** правомерно определить как **категорию, описывающую особую подсистему общества, которая представляет комплекс природных, технических, энергетических, информационных, демографических и иных факторов, а также человеческих (физических, интеллектуальных, социальных и пр.) качеств. Этот комплекс «отвечает» прежде всего за создание наиболее массовых и типичных благ.**

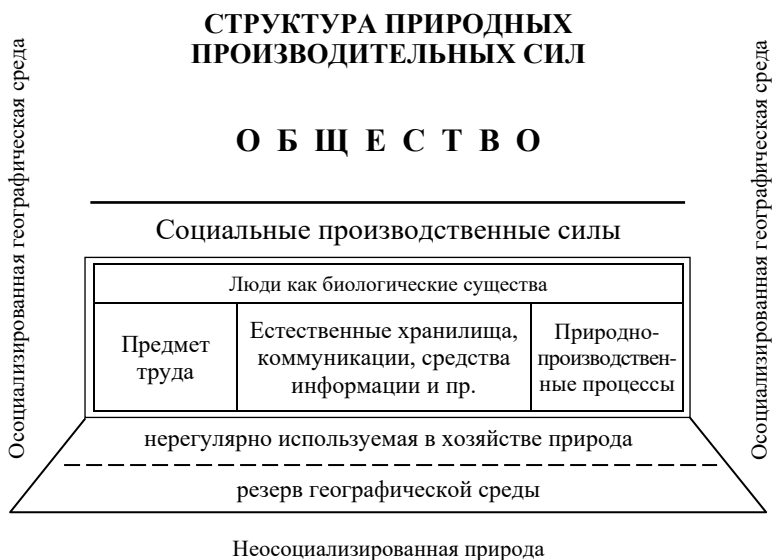
Вернемся теперь к природным элементам производительных сил. К ним целесообразно отнести и биологические качества самих людей (это отмечал еще и Маркс). Очевиден факт существования природного предмета труда. Природные коммуникации даже сегодня играют важную роль, а прежде в некоторых отношениях являлись важнейшими (те же реки, моря и океаны были до железных дорог главными транспортными артериями). Отметим естественные хранилища (пещеры, ямы и пр.), энергетические источники (огонь, солнечное тепло, энергия ветра и т. п.), средства информации (речь и звуки, запахи, следы животных, свет и пр.).

В производстве в той или иной степени задействованы и природные процессы: физические, химические, энергетические и прочие, выполнявшие роль природных средств труда (копчение, вяление, заморозка продукции; полив и удобрение).

ние полей; отбеливание холстов и т. п.). И хотя коэффициент использования природных ресурсов в доиндустриальную эпоху был невелик, но и это позволяло многим обществам вполне обеспечивать свои потребности и даже достигать больших успехов.

Более наглядно структура природных производительных сил и всей географической среды видна на схеме 1.

Схема 1

Описанные природные производительные силы составляют как бы «нижний этаж» всех производительных сил или их природный уровень.

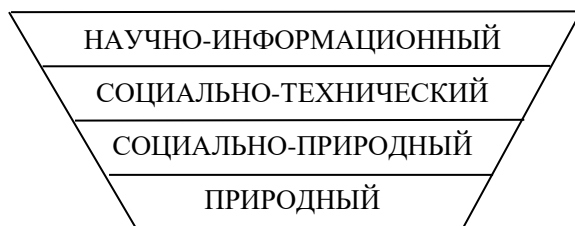
А чтобы показать усложнение производительных сил, их можно представить в виде нарастающих уровней, а всю их совокупность – графически в виде перевернутой пирамиды (см. схему 2). С каждым уровнем роль природы становится меньше.

Количество уровней соотносится с четырьмя крупными этапами в производстве (о чем в следующем параграфе). Первый уровень – **природный**. С переходом к сельскому хозяйству возникает **социально-природный**. Он еще очень

тесно связан с природой, но хозяйство дает уже столь большой излишек, что возникают ремесло и примитивная промышленность, усложняется переработка сырья, растут торговля и прочее. Третий уровень – **социально-технический**. На первое место выходит техника, а кооперационные связи производителей крайне усложняются. Наконец, четвертый уровень (он только оформляется) – **научно-информационный**.

Схема 2

УРОВНИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Рассмотрим теперь структурные элементы производительных сил. Начнем с самого специфического – людей, которые объединяют и приводят в действие всю систему. В маленьких обществах с небольшим населением и слабым разделением труда люди, скорее, особый цельный элемент производительных сил. Иное в крупных обществах. По месту в производственном процессе люди делятся там на руководителей разных рангов, исполнителей-специалистов, рядовых работников и тех, кто трудится самостоятельно (фермеры, ремесленники). При этом рядовые работники, в зависимости от ряда причин, с точки зрения руководителей, часто лишь более или менее ценный фактор производства²⁶. Поэтому в связи с выполняемыми функциями работников в структуре производительных сил можно «распределять»

---

²⁶ В литературе не раз заявлялось, что человек – главный элемент производительных сил. С точки зрения одушевленности и того, что в конечном счете именно потребности людей (правда, не всех в одинаковой степени) являются побудительной основой для развития производства, это, конечно, верно. Но если подходить к вопросу с позиции социологии истории, то роль людей в составе производительных сил далеко не всегда была главной. Особенно, если господствовало внеэкономическое принуждение или близкие к ним формы эксплуатации, а также при многочисленном населении, его относительном избытке. Поэтому весьма часто людьми пренебрегали или просто жертвовали ради земли, техники и решения тех или иных производственных задач.

между всеми их элементами.

Следовательно, нельзя не учитывать особую роль человека как фактора производства, но нельзя и игнорировать столь фундаментальные различия места и положения людей в производственном процессе, без анализа которых невозможно правильно понять и объяснить множество вещей и фактов истории.

Необходимо внести уточнения относительно предмета и средств труда. В любом акте производства можно выделить эти стороны. Но поскольку производственная цепочка до конечного продукта может быть длинной, целесообразно в тех или иных областях выделять прежде всего главные (один или несколько) предметы и средства труда²⁷. Средства труда нельзя отождествлять лишь с техникой, ибо такую роль могут также выполнять люди, природные процессы, тягловые животные и т. д.

В данной работе вряд ли требуется обстоятельно характеризовать такие элементы, как энергетические источники, хранилища²⁸, транспорт и коммуникации, средства связи и информации. Однако есть необходимость сказать кое-что о производственном сознании. Будучи коллективным продуктом социума, оно в примитивных обществах воплощено прежде всего в индивидуальном сознании отдельных работников, хотя вполне заметна и надындивидуальная его часть. По мере развития хозяйства производственное сознание разрастается в огромную область, включающую в себя выработку и хранение знаний о производстве, управлении, их передачу, обучение и т. п. Занятые здесь люди составляют особую группу специалистов и интеллектуалов. И если принимать идею о том, что наука стала частью производства, то выработка научных знаний составляет опре-

---

²⁷ Например, характеризуя индустриальное общество, мы прежде всего говорим о машинах как главных средствах труда. Земледелец имеет ряд предметов труда, но главным будет именно обрабатываемая почва.

²⁸ Л. Мэмфорд подчеркивает важную, но недооцененную в теории роль хранилищ, «контейнеров», в его терминологии, к которым он относит даже рвы, каналы и города (Мэмфорд Л. Техника и природа человека. С. 227).

деленную часть производственного процесса²⁹.

Анализ структуры любой системы сразу демонстрирует трудность четкого «расчленения» ее на части, а также и то, что некоторые элементы одновременно относятся сразу к двум и более частям. Такие элементы служат своего рода связкой и каналом связи между частями системы. К числу подобных относится и то, что автор назвал **производственной организацией общества**, которая соединяет производительные силы и производственные отношения³⁰.

Она связывает организаторов производства (распределения) и производителей внутри производственных единиц на основе типичных для данного общества способов и форм, а сами производственные единицы между собой – в общую систему. Такими единицами могут быть самые разные коллективы: от семьи в примитивных обществах до громадных корпораций. Эти единицы объединены между собой экономическими связями (рынок, торговля, кооперация, специализация, планирование и т. п.), а также и иными, включая государственное принуждение, налоги, прямое насилие.

Это показывает, что производственная организация общества есть зона интеграции многих сфер общества. Но особенно тесно она связывает производство и распределение. Ведь любое совместное производство всегда отражает сложившийся тип неравенства и конкретный баланс интересов групп, слоев и участников. Какие-то из них всегда оказываются в более привилегированном положении, что выражается в различии ролей в производстве и распределении.

Следовательно, любое производство всегда есть начало распределения (фактический или предполагаемый раздел произведенного). А любой процесс труда предполагает его полное или частичное отчуждение от производителя. Хотя

---

²⁹ Недаром Илья Пригожий говорит, что «наука и цивилизация действуют через технологию» (Пригожий И. Наука, цивилизация, демократия. С. 9).

³⁰ Подробнее о производственной организации см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 3.

распределение начинается с производства, но будет ли именно производство главным узлом распределения или другой участок этого круговорота благ, зависит от устройства конкретного общества. Если отношения частной собственности развиты и играют большую роль, то очень вероятно, что важнейшие моменты распределения будут находиться уже в самом производстве. А если, например, главный нерв общества – сбор налогов, то основные моменты распределения лежат вне производства.

Схема 3

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

§ 3. МИРОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И КАТЕГОРИЯ «ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА БЛАГ»

В этом параграфе пойдет речь о ступенях развития мировых производительных сил. Но сначала необходимо остановиться на некоторых общеметодологических проб-

лемах.

3.1. Некоторые методологические и терминологические проблемы

Как уже сказано, термин «исторический процесс» неправильно использовать как полный синоним понятия «всемирная история». Исторический процесс есть только часть всемирной истории, причем представленной в определенном аспекте: не как механическая сумма историй народов и обществ, а как процесс все большего их сближения, как движение от прошлого к настоящему и в перспективе к близкому будущему, связанное с интеграцией, специализацией и дифференциацией обществ и регионов. Однако такое сближение – исключительно сложный и немеханический процесс, а вклад разных народов в него колоссально отличается. *Поэтому анализ исторического процесса имеет очень существенные отличия от исследования как всемирной истории, так и тем более истории отдельных обществ.*

Одна из важнейших причин неудовлетворительности крупномасштабных теорий заключается в стремлении видеть общемировые законы, тенденции и этапы развития и в целом для человечества, и в его разнородных частях, то есть отдельных обществах и регионах, в основном однотипными. И пока такие взгляды не будут изжиты, неизбежны теоретические тупики. Ни общие теории нельзя просто использовать для частных случаев, ни наоборот, частные явления не обобщаются легко в широкие концепции. И в одном и в другом случаях нужны особые, достаточно сложные и тонкие процедуры и соблюдение ряда правил.

Но, с другой стороны, нельзя впасть и в опасность голого эмпиризма и отрицания вообще эвристических и методологических возможностей общих теорий. Поэтому-то всегда актуален вопрос: насколько соответствуют реальности наши теории? Ведь если верно, что «природа социальной реальности – это ключевая проблема философии соци-

альной науки»³¹, а одна из главных задач последней состоит в том, чтобы проверить, насколько ее тезисы прикладываются к самой социальной реальности³²; если, чтобы сделать объяснения социальной реальности более ясными и убедительными, необходимо увеличить тонкость и остроту анализа современных философских категорий³³, то сказанное вдвойне верно для исторической реальности и для проверки категорий философии истории и теории исторического процесса.

Боулдинг в шутку говорил, что интерпретация истории – опасное занятие. Действительно, может быть, как ни в какой другой области, обобщения здесь связаны с возможностью ошибок, перекосов и искажения перспективы. А по точному замечанию Марроу, трудности, опасности и неуверенность исследователя пропорционально растут вместе со степенью абстракции, уровнем обобщения и широтой синтеза исторических конструкций³⁴. Выходом из этих сложностей представляется повышение роли методологии и гносеологии, что уменьшит число ошибок и позволит эффективнее их обнаруживать и исправлять³⁵.

Мы очень часто забываем, что нет абстрактной истины, она всегда конкретна. А значит, нет и универсального для каждого случая объяснения, оно просто невозможно. Но это совершенно не значит, что правы те «философы истории, которые готовы согласиться, что описание отдельных фактов может быть истиной, но отрицают, что генерализации и классификационные описания [истории] могут быть таковыми»³⁶. Помимо ловушки сугубого объективизма, считающего, что «между природой и знанием существует

---

³¹ Collin F. Social Reality (Аннотация к книге).

³² Collin F. Op. cit. P. X.

³³ Ibid. P. XI.

³⁴ Cit.: Krasauer S. History. The Last Things Before the Last. P. 123.

³⁵ Зигфрид Красауэр называет, как необходимые при увязке микро- и макро-истории, два правила (принципа или закона): перспективы и уровней (Krasauer S. Op. cit. P. 123-127). Но, разумеется, их гораздо больше.

³⁶ McCullagh C. Bchan. The Truth of History. P. 62.

полное совпадение»³⁷, есть еще ловушка сугубого релятивизма. Последний ныне все чаще выступает в форме пост-модернизма, в котором ценность поиска истины рассматривается через призму умственных упражнений, в плане того, «что можно сделать с «истиной»³⁸. Причем эти упражнения весьма напоминают выверты древнегреческих софистов. Не попасть ни в ту, ни в другую ловушку – вот обязательная задача.

Можно суммировать, почему принципы исследования исторического развития человечества прямо не приложимы к истории любого общества.

Во-первых, это разные уровни абстракции по исторической длительности, по составу участников, полноте и силе учитываемых законов. При этом человечество или его часть в системном плане выступает как целое, а отдельное общество – как составная часть этого целого, причем каждое общество занимает во многом неодинаковое с другими положение в этой системе.

Во-вторых, процесс перехода человечества к более высокой стадии не только очень сложен, но во всемирном масштабе не сводим к развитию составляющих его обществ. Переход на новую формацию в отдельном изолированном обществе невозможен, ибо для этого требуются гораздо большее социальное пространство и разнообразие моделей.

В-третьих, развитие человечества – это не единая линия. Напротив, движение обществ идет по разным направлениям, часть из них – в полный или частичный тупик. А чтобы выйти из него, отсталые общества должны заимствовать модели передовых. В результате же симбиоза собственных и привнесенных форм возникает много существенно различных комбинаций.

В-четвертых, генеральное направление развития идет как раз в сторону все большей интеграции обществ и в це-

---

³⁷ См.: Bunzl M. Real History: Reflections on Historical Practice. P. 105.

³⁸ Ibid.

лом человечества. А поскольку при этом наблюдаются ускорение темпа исторического процесса и региональное укрупнение, надобщественные силы становятся все более мощными и влияют все сильнее на отдельные общества, но результаты воздействия на каждое из них оказываются неодинаковыми.

В-пятых, сравнивая общества как социальные системы, достигшие определенного уровня развития, мы можем выявить у них определенные общие черты. Однако эта «сущность»: а) в каждом случае присутствует в самой разной пропорции и комбинации; б) может не быть главной по сравнению с особенностями общества; в) в абстрактном виде общее шире, чем в любом отдельно взятом обществе, зато по степени точности, жизненности, неразрывности разных качеств абстрактное сходство, конечно, уступает конкретной ситуации.

Итак, хотя определенным образом истории человечества и любой отдельной страны соотносятся между собой, но это соотношение не есть прямая проекция общего на частное, не есть прямое отражение (преломление) общего в частном, а только сложное, не прямое, часто непотворимое соотношение.

Поэтому нужно выделить два базовых уровня: отдельного общества³⁹ и формационный. Последний всегда больше единичного социального организма, но в период зрелости дорастает до мирового. Чем большей зрелости достигает формация, тем шире формационный масштаб и выше уровень обобщения. И лишь в обществе-первопроходце происходит максимальное (но далеко не полное) сближение в этом (только в этом) плане мирового и общественного развития⁴⁰. Отсюда следуют важные методологические выводы:

---

³⁹ Как основной единицы социологии и теории истории, то есть как относительно самодостаточной и независимой от других системы.

⁴⁰ Относительно определения «базовый» нельзя упускать из виду, что вообще уровней обобщения не два, а много (неопределенное число), и любой из них может в конкретной ситуации стать важнейшим.

1. Необходимы разные абстрактно-логические и языковые средства для этих уровней, следовательно, и разные категории и термины⁴¹.

2. Теорию исторического процесса не имеет смысла подстраивать, подпирая кое-где старые концепции, подгоняя их под особенности отдельных регионов или изобретая конструкции для конкретного случая. Все эти паллиативы, устраняя одни проблемы, тем самым создают другие, нередко еще более запутанные. Общую теорию исторического процесса надо надстраивать, то есть последовательно разводить мировые и страновые явления, одновременно определяя методы перехода от одних к другим.

Сказанное объясняет, почему нельзя удовлетвориться только общеизвестным термином «производительные силы». Удобный в рамках социологии истории и теории истории, то есть для описания производственной подсистемы отдельного общества, он не позволяет анализировать качественные этапы развития мировых производительных сил в рамках теории исторического процесса. Он также не дает возможности вывести общий знаменатель, чтобы приравнять друг к другу различные в физическом, географическом, демографическом и отраслевом плане, но стадияльно однотипные производительные силы (например, собирательство и охоту, земледелие и скотоводство, добывающее и обрабатывающее направления промышленности и т. п.), а, объединив их, затем отделить от стадияльного более низких или более высоких⁴².

И не случайно понятие «уровни (ступени) производительных сил» теоретически оказалось неразработанным, поскольку не удалось найти достаточно ясный критерий их

---

⁴¹ О системе категорий, с помощью которых можно анализировать всемирно-исторический процесс, будет сказано в следующем параграфе.

⁴² Даже сходного типа производства в разных обществах сравнивать весьма трудно. Например, при одной технике урожайность сельскохозяйственных культур может различаться за счет плодородия во много раз.

различия, а также строго связать с типом производственных отношений⁴³.

Не выполняет роль такого критерия и *понятие «мировые производительные силы»*. Оно скорее удобно для анализа некоего статического (одномоментного) состояния мирового производства, но не для того, чтобы в историческом процессе выделить ряд качественно отличающихся уровней с четко обозначенными рубежами между ними. Возникают вопросы: на основе чего вычленять такие ступени и как их увязать с периодами исторического процесса, а также с изменениями в других его аспектах?

Сделать это весьма нелегко, поскольку неправильно искать простые критерии. Ни один из структурных элементов производительных сил не может служить универсальным показателем качественного развития. Ведь с каждой эпохой производительные силы усложняются, их структура радикально меняется, а на первое место в ней выходят то одни, то другие компоненты. Роль техники, то есть орудий труда, для аграрного производства менее важна, чем для индустриального. Подобная же разница между последним и информационным производством – в отношении науки и информации.

Количественные показатели могут быть очень полезными. Но при их применении нужно учитывать различия в природных условиях, исторические и иные особенности обществ, неполноту или отсутствие данных и прочее. А главное, любые цифры будут правильно поняты, только

---

⁴³ «Исследования последних десятилетий показали, что взаимосвязь производительных сил и производственных отношений в докапиталистическую эпоху была настолько сложной и неоднозначной, само их развитие оказалось столь многомерным и нелинейным, что историки, пытавшиеся поставить в соответствие каждому докапиталистическому способу производства какую-либо строгую определенную ступень развития материальных производительных сил, стали испытывать все большие затруднения, а у части социологов-марксистов даже стали возникать сомнения: действительно ли в докапиталистическом мире существовали какие-либо определенные ступени развития производительных сил с соответствующими им достаточно определенными типами производственных отношений?» (Коротаев А. В., Кузьминов Я. И. Участие в обсуждении книги В. П. Илющечкина «Сословие-классовое общество в истории Китая». С. 157).

если есть масштабная сетка для их сравнения. Иными словами, если качественные этапы уже обоснованы, определенные цифровые показатели помогут отнести интересующие нас общества к тем или иным из них.

3.2. Категория «принцип производства благ»

Итак, мы опять возвращаемся к проблеме, как же выделять качественные уровни. Сделать это удастся только с помощью достаточно объемной и четкой теории. Но она невозможна без специальной категории, которая бы описывала *качественные ступени мировых производительных сил*, позволила бы проследить процесс зарождения, развития, победы и упадка каждой из них. Но желательно обозначить ее по-новому, так, чтобы избежать ненужной путаницы с разноуровневыми, но похожими по названию категориями⁴⁴.

Очень важно, что для такой операции в науке уже выработаны понятия, которые позволяют обобщить глубинные сходства в производстве разных эпох и обществ, увидеть определенные рубежи в развитии мирового производства. Это понятия: **присваивающее** хозяйство, **производящее** хозяйство, **индустриальное** производство и современное **информационное** (постиндустриальное и т. п.) производство. Но для того, чтобы их использовать наиболее плодотворно и применить для выработки нужной категории, необходимо найти их общие черты, обобщив это в родовом для них понятии. И связать его с понятием **производственные революции**.

Что общего в приведенных выше понятиях? Мне кажется, что каждое название указывает на новое качество, свойство, основу типов хозяйства и производства. По сути, речь идет о том, что направление, структура, отраслевой состав хозяйства и производства меняются в **принципе**, подчерки-

---

⁴⁴ Кроме того, термин «ступени развития мировых производительных сил» слишком громоздок, а сокращать его нельзя, иначе будет непонятно, о каких производительных силах и ступенях идет речь.

вается глубина и системность перемен. Поэтому и категорию, которая описывает эти **четыре** ступени в развитии всемирных производительных сил, качественно различающихся между собой, автор предлагает назвать **принципами производства благ**⁴⁵.

Последнее слово надо пояснить: нельзя ограничиваться только материальными благами, поскольку «духовное производство» нередко является «органическим подразделением» всего производства⁴⁶. Сегодня же это очень большой и все растущий сектор. Таким образом, речь идет прежде всего о производстве обычных, типичных благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства, неважно, материальные они или духовные. Оговорив этот момент, в дальнейшем буду использовать краткий вариант термина – принцип производства.

Итак, принцип производства – формационная категория, которая описывает очень крупные качественные ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе. Каждой формации соответствует только один собственный принцип производства. Каждый принцип производства – особая ступень, поэтому сходство между ними весьма абстрактное, прежде всего в масштабе перемен, их революционности. Используя сравнение Тоффлера, можно сказать, что новый принцип производства атакует старый по каждой позиции⁴⁷.

Границами между принципами производства служат производственные революции: **аграрная (неолитическая), промышленная и научно-техническая.** Эти революции –

---

⁴⁵ Эта категория не совпадает с общеизвестным термином «способ производства материальных благ». Во-первых, потому что понятие принципа производства относится только к формации (человечеству), а не к отдельному обществу, а способ производства и к одному, и к другому уровню сразу. Во-вторых, потому что принцип производства охватывает лишь сходство в хозяйстве, в отличие от способа производства, который объединял в себе как производительные силы, так и производственные отношения.

⁴⁶ Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. С. 49.

⁴⁷ Toffler A. The Third Wave. P. 22.

не просто рубежи, отделяющие один принцип производства от другого, но и четкие показатели начала качественных перемен в мировых производительных силах, которые знаменуют смену принципов производства.

Принцип производства – категория очень высокой абстракции, которая описывает определенный крупный этап развития производительных сил определенной формации (поэтому, если речь идет о начальных этапах принципа производства, то ареал его действия – группа вырвавшихся вперед обществ). Он выделяется на основе **принципиального** (качественно-стадиального) сходства производительных сил разных обществ. Но принципиальное сходство не означает фактического совпадения в укладах, отраслях хозяйства, технике и технологии и т. п., а, напротив, предполагает и разные варианты хозяйствования, и большую амплитуду в количественных характеристиках. Задача – установить рамки этой амплитуды и наиболее важные параметры сравнения.

К таким параметрам нужно отнести:

- а) определенный уровень производительных сил по:
  - сложности их структуры;
  - производительности труда;
  - взаимодействию с природой;
- б) способность производительных сил:
  - к развитию и распространению на другие территории;
  - перенимать достижения и вступать в контакты, не подвергая коренной трансформации себя и общество;
- в) возможности производительных сил;
  - прокормить определенное количество населения;
  - создать такой излишек благ, который ведет к образованию определенных политических, социальных и культурных систем, и т. д.⁴⁸

---

⁴⁸ Но данные критерии во всей полноте имеют смысл только для формационного масштаба. Производительные силы обществ, входящих в систему принципа производства, не могут соответствовать всем параметрам из-за специализации, ограниченности ресурсов, включенности в систему разделения труда и т. п.

Каждый принцип производства – это огромная эпоха, важнейшая ступень в развитии человечества. Чтобы яснее понять смысл этой категории, целесообразно указать, какие же изменения происходят при его смене.

I. В самом производстве.

- Усложняются структура и функции производительных сил, появляются новые элементы и секторы. В производительных силах обществ нарастают как бы новые уровни (см. § 2). Постепенно новые секторы, технологии, подходы, знания становятся ведущими и частично перестраивают уклады прошлых принципов производства.

- Производительность труда увеличивается многократно.

- Резко возрастает излишек благ.

- Переход к новому принципу производства позволяет прокормить во много раз большее население. Соответственно наблюдается либо его количественный рост, либо (как в современных развитых странах) рост качества и продолжительности жизни.

- Сильно уменьшается зависимость от природы, и возрастает способность влиять на нее. Принципиально изменяются пределы, поставленные географической средой.

- Резко увеличивается плотность производственных и экономических контактов между обществами, обмен достижениями, объем потребляемой энергии, информации и т. п.

II. Во всех других сферах жизни.

С отставанием и в разном темпе, но обязательно везде происходят глубокие качественные изменения. Сейчас перечислять их нет смысла, позже данной проблеме будет отведено значительное место.

Хотя кое-что из перечисленного может происходить и при смене принципиально одинаковых хозяйственных занятий (например, при переходе от примитивного земледелия к скотоводству, от развитого сельского хозяйства к ремеслу), в совокупности такие изменения характерны только при смене принципа производства.

Автор выделяет четыре принципа производства, разделяемые тремя производственными революциями.

1. **Охотничье-собирательский** принцип производства (или принцип присваивающего хозяйства).

2. **Аграрно-ремесленный** принцип производства (или принцип простого производящего хозяйства).

3. **Промышленный** (индустриальный) принцип производства (или принцип машинного производства).

4. **Научно-информационный** принцип производства.

Конечно, в названии нельзя охватить всего содержания категории или типа, тем более что требуется соблюдение определенной логики в системе названий⁴⁹.

Необходимо кратко сказать о цикле принципа производства (см. схему 4). Более подробно характер каждого этапа будет проанализирован во второй главе. Цикл принципа производства можно представить как классический трех-этапный: зарождение, зрелость, упадок. Это имеет свои удобства. Но более продуктивным будет деление на шесть этапов, каждая пара из которых показывает дополнительный ритм смены качественных и количественных характеристик.

1. Первый этап – «переходный». Он связан с появлением нового принципа производства в одном или нескольких местах, но еще очень неразвитого и несовершенного.

2. Второй этап – «молодости» – связан с более широким распространением новых видов хозяйствования и укреплением нового принципа производства, который теперь уже господствует во многих местах.

3. Третий этап – «расцвета» – связан со вторым этапом производственной революции, новым качественным рывком, который теперь уже создает основу для создания зрелых форм принципа производства.

---

⁴⁹ В прежних своих работах я говорил именно о принципе присваивающего хозяйства и принципе производящего хозяйства. Но хотя это вполне соответствовало сути дела и сохраняло преемственность в научном развитии, возникало формальное логическое противоречие: ведь и промышленное производство, и научно-информационное также производящие. Получалось несоответствие. Поэтому я решил изменить названия, сохраняя старые как синонимы.

4. Четвертый этап – «зрелости» – связан с процессом распространения новых технологий на большинство областей или отраслей. Принцип производства приобретает свои классические формы.

5. Пятый этап – «высокой зрелости» – ведет к интенсификации производства, доведению его потенций почти до предела, за которым уже возникают кризисные явления. За счет преодоления некоторых прежних технических ограничений возникают несистемные для данного принципа производства явления.

6. Шестой этап – «подготовительный». Интенсификация усиливается, появляется все больше несистемных элементов, которые готовят рождение нового принципа производства. Но они еще не складываются в систему. Шестой этап – последний в плане развития генеральной линии исторического процесса. Далее в некоторых обществах возможен переход к новому принципу производства, и цикл повторяется.

7. Седьмой и восьмой этапы характерны для обществ, отошедших от генеральной линии, но продолжающих развитие и преодолевших ряд проблем (основное противоречие, о котором в своем месте). Развитие идет, но в сторону от генеральной линии исторического процесса, однако возможен возврат к ней.

3.3. Производственная революция

Категория «производственная революция» (или аналогичные ей) появилась в отечественной и зарубежной науке довольно давно, хотя встречается не так часто, как следовало бы. Интерес к таким рубежам усилился в 40–50-е годы XX века вместе с исследованием неолитической революции (Г. Чайлд и другие) и осознанием того, что мир вступил в НТР.

Несмотря на сказанное, эта категория носит все еще как бы полунаучный статус и отсутствует в справочных изданиях. А содержание ее определяется полуинтуитивно. Нет

также ее анализа в связи с остальными философско-социологическими категориями. Аналогично и идея связывать с производственными революциями крупные этапы исторического процесса не представлена достаточно развернутой и обоснованной теорией, часто напоминает простую декларацию или запутывается попытками механически совместить ее с цивилизационными подходами.

О каждой из трех производственных революций написано много. Но на уровне теории исторического процесса исследований этих революций как повторяющегося явления, каждое из которых знаменует важнейший рубеж в истории человечества, мало, и к тому же они поверхностны. Нет ответов на очень важные вопросы: каковы общие черты (об отличиях речь идет чаще) и природа таких революций? Как соотносится такая революция в общечеловеческом масштабе и в локальных вариантах? Какие этапы она проходит? Какова длительность революций в отношении формаций вообще и каждой из них в частности? И т. д.

Автор в других своих работах и в настоящей пытается развить и обосновать теорию производственной революции. Но сделать это можно только в увязке со всей теорией исторического процесса. Автор уверен, что пока не будет ясности в понимании природы и сущности производственных революций, не будет и приемлемой периодизации истории. Последнее тем более важно, что указанные рубежи человеческой истории не оспариваются, подтверждаются многочисленными фактами и являются достаточно наглядными.

Производственная революция – это категория, описывающая коренной переворот в мировых производительных силах, который приводит к смене принципа производства и, как результат, к смене формации.

Каждая из этих революций уникальна и имеет совершенно неповторимые черты. Но в то же время во всех есть и много принципиальных сходств, которые позволяют создать модель производственной революции как явления:

каждая революция происходит не одновременно и быстро, а представляет собой длительный по времени процесс,

начинающийся в одних местах и распространяющийся на все большее количество обществ и территорий;

каждая – результат длительного накопления количественных и качественных изменений, крупный перерыв постепенности, ведущий к нарастающему усложнению общественного разделения труда и интеграции человечества.

Общие свойства производственных революций связаны прежде всего с тем, что последние являются составной частью принципов производства, точнее сказать, их начальными этапами, до тех пор, пока принцип производства не приобретет своих специфических черт. В результате совершения производственной революции сначала появляются, затем становятся очень важными и ведущими принципиально новые секторы производства. А это, в свою очередь, ведет к коренному изменению и в других областях жизни и формации в целом.

Во время производственной революции, таким образом, происходят наиболее важные качественные изменения, которые обуславливают переход от одного принципа производства к другому. Однако наиболее широкие изменения (точнее, наиболее массовые, а потому и наиболее широкие, заметные, затрагивающие всех и все) происходят уже после производственной революции. Ведь теперь препоны для развития нового становятся меньше, а возможностей – больше. Поэтому качественное изменение приобретает количественный размах, и на базе первичных (и теоретически наиболее выдающихся) качественных перемен нарастают вторичные, третичные и т. п., которые меняют образ жизни и представления о нем.

Напомню, что речь идет об:

1. **Аграрной**, или сельскохозяйственной, революции, которую по привычке часто называют неолитической. Ее результат – переход к систематическому производству пищи и на этой базе к сложному общественному разделению труда.

2. **Промышленной**, или индустриальной (или машинной), в результате которой основное производство со-

средоточилось в промышленности и стало осуществляться при помощи машин и механизмов.

3. **Научно-информационной** (обычно говорят о научно-технической революции), в результате которой появились мощная информационная техника и технология, стали использоваться новые материалы и виды энергии, распространилась автоматизация.

Производственная революция имеет свой собственный цикл. Он включает в себя три главных этапа, которые совпадают с тремя первыми этапами принципа производства⁵⁰.

Эти три этапа можно интерпретировать по-разному. Мне кажется, что наиболее удобно будет говорить о двух качественных этапах и разделяющем их одном количественном. Тут следует оговориться, что нет чисто количественного и чисто качественного роста, а есть совокупность того и другого. Но есть разные пропорции качественного и количественного. Исходя из этих пропорций, и можно говорить о смене первого качественного этапа количественным, во время которого новое качество получает необходимую ему базу, а затем вновь наступает качественный этап⁵¹.

Но, развивая эту мысль, еще удобнее, на мой взгляд, представлять количественный этап как своего рода **перерыв** качества между двумя качественными этапами. Правда, для НТР, поскольку и темпы резко возросли, и характер развития науки и производства трудно разграничить на качественный и количественный, возможно, правильнее говорить именно о трех качественных этапах, но средний все же имеет меньшее (в теории) по революционности значение.

---

⁵⁰ Когда производственная революция исследуется отдельно, а не как часть непрерывного исторического процесса, логично добавлять еще два дополнительных этапа («предреволюционный» и «послереволюционный»).

⁵¹ От революции к революции понятия качественного и количественного, как сказано, становятся все относительнее. Так, после промышленной революции количественный рост органически сочетался с качественным. А сейчас или в недалеком будущем речь должна идти, если можно так выразиться, о количестве качества, то есть о том, насколько быстрее и радикальнее одни качественные изменения по сравнению с другими.

Так или иначе, но в настоящем исследовании я буду говорить именно о двух качественных этапах производственных революций и перерыве между ними, связанном с распространением нового качества⁵² (см. схему 4).

Схема 4

Этапы производственной революции и принципа производства

Условные обозначения

- //// Временной объем производственной революции
- Границы между принципами производства

⁵² Длина перерыва вообще зависит от темпа исторического развития. Чем ближе к современности, тем он короче. Поэтому сегодня перерыв между первым и вторым этапами научно-технической революции может быть не слишком большим, либо он окажется смазанным, не столь ясным.

Каждый этап производственной революции – очень крупный рывок в производстве. На первом этапе формируются очаги нового принципа производства, укрепляются те секторы, в которых сосредоточено принципиально новое. Но старые общественные отношения еще долго сопротивляются этому и трансформируются лишь частично.

Первый этап сменяется перерывом, в течение которого новое качество получает как бы количественное развитие, распространяется на новые общества и территории, возникают новые очаги, происходит обмен достижениями в самой разной форме. Идет приспособление производственных достижений, сделанных в одном месте, к иным. Например, на основе пришлых создаются местные сорта растений и породы животных. Накапливаются изменения, которые становятся все системнее. В этот период идет мощная трансформация старых отношений, устраняются те из них, которые наиболее мешают новому. Но в новый принцип производства вступает пока только часть человечества.

В ходе революции возникает несколько моделей, но побеждают немногие, в которых как бы аккумулируются достижения остальных. Там, где создались не только производственные, но и общественно-политические условия и сформировался наиболее перспективный вариант производства, совершается переход ко второму этапу производственной революции, что знаменует расцвет нового принципа производства. По мере того как разворачивается второй этап производственной революции, открываются, так сказать, «смысл» принципа производства и формации в целом, их возможности и пределы. И теперь уже все активнее втягиваются в новый принцип производства отстающие общества.

Схема двух качественных этапов производственных революций выглядит так⁵³.

---

⁵³ Обязательно отмечу, что, поскольку производственная революция – явление мирового масштаба, ее схема может не совпадать с локальными вариантами

Аграрная революция (сельскохозяйственная, или неолитическая) начинается включением земледелия и скотоводства в постоянный производственный процесс и заканчивается созданием устойчивой (в масштабах крупного государства) системы ирригационного земледелия с переходом к использованию плуга и тягловых животных. Последнее также дало основу для завершения в более поздний период аграрной революции в неполивных районах, где без плуга и тягловых животных много земли не обработать.

Первый этап – переход к примитивному ручному (мотыжному) земледелию;

второй – к ирригационному или неполивному (богарному) плужному.

Вторая – **промышленная** (индустриальная) – революция начинается в XV – XVI вв. мощным развитием техники и морского транспорта, широким распространением водяного двигателя, усложнением разделения труда. А заканчивается промышленным переворотом XVIII в.

Первый этап – переход к примитивной промышленности в виде мануфактур разных типов, создание различного рода машин; усовершенствование морского транспорта, невиданное расширение мировой торговли, развитие интенсивных видов сельского хозяйства и прочее;

второй – промышленный переворот, связанный с внедрением различных машин, в том числе паровых.

Наконец, третья революция началась в 40-50-е годы XX века и продолжается по сию пору. Она получила название научно-технической, хотя точнее ее было бы назвать **научно-информационной**, так как именно в сфере создания и обработки информации произошли наибольшие изменения. Очень важно отметить переход к научно-информационному управлению производством на основе новой контрольно-автоматизированной техники и технологии. Главные изменения, по-видимому, еще впереди, когда начнется второй

такого рода переворотов в производительных силах ни по числу этапов, ни по их производственной направленности (технологии).

этап этой революции.

Первый этап связан с рядом научно-технических прорывов в автоматизации, энергетике, в области синтетических материалов, но особенно с созданием электронных средств управления, связи и информации;

второй может иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управления ею). Он, судя по сегодняшним научным и медицинским новинкам, возможно, начнется с изменения биологической природы самого человека.

Введение концепции двух этапов производственной революции устраняет ряд серьезных трудностей, связанных с интерпретацией и периодизацией исторического процесса (об этом пойдет речь в § 1 главы 2).

В заключение параграфа справедливости ради следует обратиться к понятию «технологический способ производства», которое имеет определенную популярность и претензию на описание крупных этапов именно мировых производительных сил. Достаточно часто он определяется как особый способ (исторический тип) связи человека с техникой⁵⁴.

Обычно выделяется три таких способа: ручной труд, механизированный труд (с превращением орудия ручного труда в машину), автоматизация⁵⁵. Однако чрезмерный упор на технику и перенос решающей ее роли в производительных силах также и на доиндустриальные формации приводит к тому, что производственный аспект исторического процесса раскрывается неадекватно⁵⁶. Неудивительно, что не удается выделить особый тип техники и ее соединения с работником для аграрного производства, по-

---

⁵⁴ См., например: Материалистическое учение Карла Маркса и современность. С. 43; Плетников Ю. К. Послесловие к книге: Эйххорн В. и др. Диалектика производительных сил и производственных отношений. С. 209.

⁵⁵ Волков Г. Промышленная революция. С. 390.

⁵⁶ Поэтому можно согласиться с Л. Б. Алаевым, что «если мы будем логично следовать этому подходу, то должны прийти к отказу от идеи приоритета производительных сил» (Алаев Л. Б. Выступление на «круглом столе» «Формации или цивилизации?». С. 35).

скольку для последнего роль техники не была ведущей.

Также кстати будет заметить, что совершенно неприемлема подмена понятия «производственная революция» другими, более узкими по содержанию, например «техническая революция»⁵⁷. Ведь в аграрной революции главный момент отнюдь не технического свойства. И напротив, такой глобальный технический сдвиг, как переход к обработке металлов (даже железа), во многих обществах не вел к переменам в производстве, сравнимым с переходом к земледелию.

Производственная революция обязательно связана с технической, но это не синонимы. Последняя – составная часть первой. Ведь любая производственная революция включает в себя технические перевороты, равно как революции в энергетике, транспорте, передаче информации, а с нового времени – ив науке.

Следующая глава будет посвящена подробному исследованию движения принципов производства и производственных революций, но сначала необходимо рассмотреть ту систему принципов и категорий, без которых наше исследование не будет плодотворным.

§ 4. ФОРМАЦИИ И СИСТЕМА ФОРМАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ

4.1. О методологии исследования исторического процесса

Мераб Мамардашвили считал, что в философии есть некоторые предельные понятия, анализ которых требует особых правил. Используя его мысли, можно сказать, что для

---

⁵⁷ Фактически так делал, например, В. П. Илюшечкин. Он стремился разработать концепцию этапов развития производительных сил, но ошибочно полагал, что это можно сделать на базе этапов развития прежде всего техники. (См.: Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. С. 59-60; Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. С. 43-44).

теории исторического процесса само понятие «исторический процесс» – предельное, и поэтому оно «есть некая попытка работать на этом пределе»⁵⁸. Следовательно, тут требуется «особая техника предельных переходов, где последние служат для прояснения непонятной ситуации и превращения ее в понятную»⁵⁹.

Поскольку исторический процесс относится к человечеству в целом, которое одно и сравнивать его не с чем, постольку методологически правильно будет строить теорию исторического процесса как его модель. Но чтобы не загромоздить концепцию, для подобного моделирования надо использовать лишь такие «составные части» и «детали», которые представляются безусловно необходимыми⁶⁰.

Модель исторического процесса, образно говоря, «собирается» как раз из моделей ее главных частей, каковыми являются формации. Однако такое «крупноблочное» строительство требует особого напряжения в местах «стыков», то есть переходных эпох, когда еще не совсем ясное и слабое новое вырастает из зрелого и консервативного старого и долгое время сосуществует с ним. Здесь-то и нужна «техника предельных переходов».

Надо также видеть, что и каждая «деталь» самой формации отнюдь не монолитна, а, в свою очередь, состоит из менее крупных, но все еще весьма абстрактных вещей. Поэтому к вырабатываемым категориям нельзя относиться как к догмам. Ведь система категорий не отражает прямо описываемой действительности, а дает прежде всего определенный инструмент для ее анализа⁶¹. Но она зато в некото-

---

⁵⁸ Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема. С. 15-16.

⁵⁹ Там же. С. 16.

⁶⁰ Ведь даже у историков, исследующих достаточно узкие временные и пространственные объемы, модели включают в себя минимум. Тиллингхаст, например, говорит, что теоретический каркас, или система («framework»), внутри которой работают историки, предполагает прежде всего наиболее важные линии (моменты) для исследуемого общества. Для современного (нашего) общества такой каркас, по его мнению, обычно есть комбинация политической, социальной или экономической истории с необходимыми экскурсами в историю идей (Tillinghast P. E. Approaches to History P. X.).

⁶¹ Объяснения в истории нужны по той же основной причине, что и в других науках, потому что «мир сильно отличается от способа, которым мы обычно представляем его», – считает Майкл Стэнфорд. (Stanford M. An Introduction to the Phi-

ром отношении должна отражать (в смысле демонстрировать, делать более наглядным) сложность описываемой действительности, неисчерпаемость ее. И поэтому крупная категория может разворачиваться в принципе до бесконечности, хотя на определенных уровнях такое разворачивание теряет эвристический смысл, поскольку появляются иные, более эффективные средства анализа.

Учет сказанного позволяет использовать модель в более или менее крупном плане, то есть вводить или не вводить в нее дополнительные этажи и пристройки, в зависимости от масштаба исследования. Отсюда для теории исторического процесса нет нужды исследовать слишком много линий и направлений, самое трудное – правильно определить основные⁶².

В исследовании исторического процесса встречаются различные крайности. Во-первых, такой анализ может тяготеть по построению к «жанру» всемирной истории с использованием преимущественно средств историографии. Во-вторых, быть настолько схематичным и жестким, что отбросит как несущественные слишком важные или многочисленные моменты, не дав им нужного и адекватного объяснения. В-третьих, из-за перекосов исторический процесс может представлять однобоким. Остановимся на последнем.

Стремление описывать исторический процесс, «сведя все к нескольким прославленным народам, которые сменяли один другого на мировой сцене, и к некоторым главнейшим эпохам, каковые принесли с собой перемены для рода человеческого»⁶³, было справедливо отвергнуто⁶⁴.

---

losophy of History. P. 123). И он даже ссылается на книгу современного ученого с оригинальным названием «Неестественная природа науки» («The Unnatural Nature of Science»), который подчеркивает, что наука не совпадает с нашими естественными представлениями (Ibid. P. 123-124).

⁶² О моделировании исторического процесса подробнее см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1998. № 1; 1999. № 3.

⁶³ Мабли Г. Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. С. 182-183.

⁶⁴ Эта идея ярко выражена в европоцентризме, который уже с середины XIX века подвергался разнообразной и резкой критике. Можно считать, что теория цивилизаций – это реакция на него. Освальд Шпенглер называл эту кон-

Но и представление о том, что все народы развиваются по одним и тем же универсальным законам (только не одновременно), также оказалось несостоятельным. Подобный взгляд лишает возможности понять крайне важные для теории исторического процесса вещи: причины и механизм перехода к новым качественным уровням. Затуманивается принципиальное положение о том, что переход к новому не запрограммирован «генетически», а является результатом долгого поиска и неповторимого сочетания условий, когда предшествующее развитие уже достигло высшей зрелости. Умалается значение внешних факторов и исторического эволюционного отбора, а также того, что общества и регионы очень сильно различаются по степени своего влияния друг на друга и по значимости своих достижений для человечества в целом.

В советской формационной теории неразрывно сплелись оба рассмотренных подхода: с одной стороны, идея эволюционистов, что все народы развиваются одинаково, а с другой – что все-таки некоторые общества наиболее полно отразили черты той или иной формации. И характеристики последней как бы списывались с этих обществ. Естественно, что возникло сильное несоответствие между теоретической моделью и историческими реалиями. Такой метод В. П. Илюшечкин называл «эталонным» и справедливо подверг его резкой критике.

Думается, что с помощью особой методологии возможно избежать этих крайностей и органически совместить идеи «равенства» и «неравенства» при оценке развития разных обществ в исторической эволюции человечества.

Автор считает, что для масштаба исторического процесса в целом достаточно использовать два главных измерения, которые составят, образно говоря, систему координат, послужат своего рода масштабной сеткой и облегчат про-

---

цепцию скучной и бессмысленной схемой и метал грома и молнии в адрес ее при-
верженцев.

блему более точной локализации отдельных обществ или периодов в рамках общего процесса⁶⁵.

Одно – **горизонтальное** измерение (горизонталь) – показывает сходство в строении, функциях, уровне развития, а второе – **вертикальное** (вертикаль) – показывает направления развития от низшего к высшему, от менее развитых к более развитым формам⁶⁶. Эти два измерения позволяют в теории исторического процесса объединить идеи универсальности и исключительности развития разных обществ⁶⁷.

Чтобы подчеркнуть теоретическое равноправие обществ, необходимо выделить основные характеристики-категории разных подсистем обществ. Об этих характеристиках-категориях пойдет речь несколько дальше. Они и составляют модель формации по горизонтали, которая должна охватывать все (или почти все) общества определенной формации, когда они доходят до соответствующего уровня развития. Такие характеристики правильнее всего выделять на этапе зрелости формации, когда ее черты проявляются уже достаточно зримо и ясно.

Поскольку в построении горизонтальной модели нужно исходить из идеи равноправности и равнозначности любых систем и организмов, достигших заданного уровня, значит, в этом измерении формационные характеристики «не списываются» с какого-то «эталонного» общества, а то общее, что выделяется, должно быть весьма абстрактным, то есть не иметь конкретно-исторических черт.

---

⁶⁵ Хочу сразу оговориться, что все эти образы используются только для наглядности, а выражения, употребляемые для удобства объяснения, имеют языковое, а не онтологическое значение. Они, говоря словами Р. Карнапа, просто включены в «языковой каркас» теории и выполняют служебную роль.

⁶⁶ Понятия «горизонталь» и «вертикаль» используются в нашей литературе часто в значении: «вертикаль» – «поступательно-прогрессивная смена общественных формаций», «горизонталь» – «сосуществование разноуровневых обществ, их взаимодействие» (Философия и историческая наука. С. 182–183). Но я им придаю несколько иной смысл.

⁶⁷ Однако при необходимости требуются дополнительные линии. Чем меньше масштаб исследования, тем больше они нужны, но без указанной системы координат разобраться в них оказывается крайне сложно.

Но необходимо учитывать, что *в каждом обществе данного периода общие черты проявляются по-разному и имеют для него различное по важности значение*. Иными словами, общеформационное качество может проявляться в одних обществах ярко, а в других – неярко, а специфические характеристики социума нередко оказывают на ход его развития более сильное влияние, чем общие. Отсюда и модели развития социальных организмов весьма различаются.

Вертикальное измерение показывает общее направление движения по оси времени большинства способных к развитию социальных организмов. Вертикаль – **это как бы проекция качественного (от низшего к высшему) движения человечества из прошлого в будущее**. Это движение вверх удастся моделировать точнее, если иметь определенную шкалу измерения, то есть периодизацию, которая может быть в зависимости от масштаба задачи более или менее подробной (о периодизации в § 1, гл. 2).

Но в отличие от горизонтальной модель по вертикали в меньшей степени предполагает сходство в типах развития обществ. Ведь одни социальные организмы вообще не способны после определенного уровня к дальнейшей качественной трансформации, а другие не способны сделать это самостоятельно. Третьи хотя и могут развиваться, но раньше или позже заходят в тупик или в полутупик. Из этой ситуации также одни общества не в состоянии выйти и обречены на исчезновение, а другие, чтобы вернуться на правильный путь, должны круто изменить направление развития. Таким образом, невозможно отмахнуться от того, что развитие социумов идет не по одному, а по ряду вертикальных направлений и что есть более и менее прогрессивные линии.

Главное же, что есть такие общества, через которые человечество как бы совершает прорыв в новое качество. Эти модели в конечном счете оказываются наиболее удачными, поэтому они через какое-то время, когда доказывают свое превосходство, становятся предметом заимствования и перенимания. Путь таких обществ необходимо выделить как

особую и теоретически очень важную линию в вертикальном измерении, которую можно обозначить как **генеральную линию** исторического процесса. Это понятие вбирает в себя идею о том, что развитие к новому качеству происходит неодинаково не только по времени, но и по сути.

Очень важно заметить, что ни одно государство (общество) не может быть постоянно в лидерах. И даже не было случая, чтобы оно оказывалось впереди в течение всей формации. Поэтому **генеральная линия есть синтезированная, собирательная линия исторического процесса**. Она показывает узловые его моменты, прежде всего переходы от этапа к этапу, от формации к формации. Это не проекция пути каких-то определенных обществ, регионов или цивилизаций. Мы ее как бы складываем, суммируя развитие ряда передовых (для каждого этапа) социальных организмов, поскольку ни одно общество не могло проделать такой путь самостоятельно, а только все человечество в целом. Образно говоря, генеральная линия – это «эстафетная дорожка» исторического процесса, на которой меняются «бегуны». При таком подходе исторический путь человечества оказывается несколько выпрямленным за счет того, что генеральной линии теоретически придается большее значение.

Из сказанного выше ясно, что переход к новому всегда есть нечто нетипичное, особое. Ведь типичное, как правило, не рождает качественно нового. Последнее появляется в местах наилучшего сочетания дотолее неизвестных и небывалых условий⁶⁸. Следовательно, *генеральная линия – это линия нового, принципиально неизвестного, а потому нетипичного, линия мутаций и скачков*.

Отсюда понятно, что для моделирования генеральной линии методологически важными являются ситуации, когда общества в основном самостоятельно переходят к новому. Ведь когда новое качество уже наглядно проявляет свои преимущества, модель его развития начинает заимствоваться, ее приспособливают к новым условиям и моди-

---

⁶⁸ Но когда новое утверждается и доказывает свои преимущества, оно постепенно становится типичным. Так, демократия была нетипичной, а стала таковой.

фицируют. В результате изменяется соотношение между внутренними и внешними факторами, а следовательно, меняются и движущие силы развития. И не учитывать это в теории исторического процесса немислимо.

Помимо самостоятельной, можно говорить еще о целом ряде моделей: *модернизация политически самостоятельной*, но с использованием уже готовых производительных сил и многих форм и институтов; *насильственного реформирования*, подобного тому, что делалось в некоторых колониях или в оккупированных странах; *подтягивание отсталых районов* к передовым в рамках одного общества. И другие. Все они сильно отличаются и от самостоятельной, и друг от друга. Поэтому анализировать их, опираясь только на первичную модель, ошибочно. Однако эту ошибку совершают сплошь и рядом. Чтобы исследовать такие варианты, нужны дополнительные разработки и методики.

Само собой, что все варианты развития и перехода к новому имеют огромное теоретическое значение и представляют большой интерес. Но в плане основной канвы теории исторического процесса важнее всего показать причины смены старого на самом начальном этапе, когда процесс еще неясен и скрыт, когда будущее его еще непонятно. И сделать это методологически более правильно на модели, достаточно «чистой» от внешних влияний. Сравнивая потом ее с другими моделями перехода, легче понять, где результат общих законов, а где особенного, какие черты и условия могут варьироваться, а какие должны быть непременно; в целом легче установить баланс закономерного и случайного.

Описанная методология позволяет соединить идеи разной значимости достижений тех или иных обществ для человечества и принципиально разных линий развития народов, с одной стороны, общих закономерностей развития и единства исторического процесса – с другой. Но для такого совмещения необходимо строго оговорить содержание категории «формация».

4.2. Формации исторического процесса

Понятие «общественно-экономическая формация» обладает несомненными достоинствами. Но из-за того, что навязываемая модель противоречила исторической реальности, в конце концов наступила понятная реакция на то, что иногда называют «формационным редукционизмом»⁶⁹. Данный термин в последние лет пятнадцать часто отвергается (или оттесняется на периферию) наряду с такими, как базис – надстройка, бытие – сознание, как заидеологизированный, ведущий к схематизму и малопродуктивный. Есть и попытки заменить его «цивилизацией».

Но помимо простого отторжения надоевшей за десятилетия категории с ее очевидными методологическими пороками, нигилизм в этом отношении подпитывается еще и тем, что многие считают, будто понятие формации можно легко заменить более нейтральными выражениями: ступень, этап, фаза, стадия и т. п. Однако здесь коренится большая ошибка. Ведь для описания и анализа таких крупных ступеней исторического процесса нужна гораздо более емкая и сложная категория, чем вышеприведенные. И «формация» как раз является такой, поскольку (и мы вернемся к этому подробнее) ее содержание гораздо шире и глубже, чем просто этап развития. А если привычный термин обладает качествами, которые легко не заменить, то нет никакого резона от него отказываться.

Сама идея формации как определенного спиралевидного цикла, соединяющего в себе одновременно и повторяемость и качественное развитие, представляется весьма важной. Убрать его совсем – значит обеднить общественную науку. Поэтому думается, что эта категория еще способна хорошо послужить. Но необходима работа, с тем чтобы избежать ненужной многозначности и путаницы при использовании этого понятия. В частности, надо оговорить следующее.

Если неправильно связывать формацию с уровнем от-

---

⁶⁹ См.: Формации или цивилизации? С. 34.

дельного общества, так как эта категория иного, гораздо большего масштаба, то и определение «общественная» необходимо отбросить и связать формацию с более высоким уровнем – исторического процесса.

Определение «экономическая» показывало доминирование форм собственности в смене формаций. Однако четкой связи между сменой форм собственности и переходом к качественно более высоким производительным силам для большинства обществ обнаружено не было. И этот факт всегда был аргументом против формационной теории. Но если уж невозможно связывать характеристику и причины смены формаций с формами собственности на уровне отдельного социального организма, то такая привязка формаций к формам собственности на общечеловеческом уровне тем более неверна. Поэтому придется снять и определение «экономическая».

Исходя из вышеизложенного, формации следует определять только как ступени развития человечества в целом, точнее основной его части. Поэтому лучше говорить не об общественно-экономических формациях, а о **формациях исторического процесса**. И в дальнейшем, за пределами этого параграфа, когда будут разобраны аспекты понятия «общественно-экономическая формация», если речь идет о формации, это означает именно *формацию исторического процесса*. Названия же отдельным формациям не стоит давать ни по формам собственности, ни по каким другим частичным признакам и характеристикам. Они должны быть нейтральными, и, думается, удобнее всего обозначать их по номерам: первая, вторая, третья, четвертая.

По проблемам общественно-экономических формаций существуют обширная литература и довольно большой спектр мнений. Но основной недостаток, на наш взгляд, заключается в неразведении уровней общечеловеческого исторического процесса и развития отдельного общества. Четкое понимание необходимости такой операции встречается весьма редко⁷⁰, и практически нет работ, в которых бы

---

⁷⁰ Один из немногих, кто достаточно определенно говорит об этом, – Л. Б. Алаев. (См.: Алаев Л. Б. Выступление на «круглом столе» «Формации или

такое разведение было сделано до конца. Ведь оно требует, кроме общей идеи, очень большой и систематической работы во всех разделах и направлениях формационной теории, чтобы привести их в соответствие с таким разделением, включая пересмотр всего массива терминов⁷¹.

Чаще всего формация считается стадией развития человечества, но не как ступень, присущая только человечеству в целом, характеристики которой гораздо абстрактнее, сложнее и шире, чем черты отдельных социальных организмов, а как повторяющиеся в каждом обществе изменения, которые вместе и ведут общества и народы по одинаковой дороге. «Такой взгляд, несомненно, находится в вопиющем противоречии с исторической реальностью, что и дало основания ...объявить эту концепцию ложной»⁷².

Основной недостаток составляет и главную проблему в применении этой категории. Ведь если формации – это стадии развития всех, пусть большинства обществ, то теоретические модели формаций должны подтверждаться в большинстве же случаев. Однако этого нет, напротив, формационные модели подтверждаются только в меньшинстве ситуаций, и по данному поводу написана бездна теоретической и исторической литературы (о том же азиатском способе производства).

В абсолютном большинстве случаев формацию определяют как «исторически конкретное общество, то есть на данном этапе его развития»⁷³, «особый социальный организм», «исторически определенный тип общества»⁷⁴, не-

---

цивилизации?». С. 35–36.) Он считает, что формационную теорию надо отнести лишь к общемировому уровню, противопоставив ей более узкие закономерности, поскольку части не могут развиваться по тем же законам, что и целое; формации же – это именно общемировые, общечеловеческие этапы. Но его мысли остаются в целом на уровне пожеланий.

⁷¹ Отдельные теоретики неоднократно пытались и пытаются исправить недостатки формационной теории. Но стараются «расшить» ее лишь в каких-то отдельных местах, не делая это в других, и поэтому не достигают решающего успеха.

⁷² Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества... С. 158–159.

⁷³ Келле В., Ковальзон М. Исторический материализм. С. 39.

⁷⁴ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. С. 146.

кую универсальную модель развития общества, которая может быть приложима практически к любому историческому обществу. Уже в этом взгляды противоречат друг другу. Более правильно, даже в рамках ортодоксального подхода, считать формацию **типом** общества. Но тип никак не может быть конкретным социальным организмом, поскольку последний обладает массой индивидуальных черт, от которых абстрагируются при типизации.

Еще правильнее полагать ее теоретической **моделью** обществ, обладающих определенными характеристиками. Но тогда она тем более не может быть «исторически конкретным обществом на данном этапе развития». Во-первых, потому что интервал времени, в течение которого общества вступают в формацию, весьма велик. Между тем каждая эпоха внутри данного интервала существенно отличается от остальных по многим параметрам. Значит, в модели могут быть только самые общие характеристики. Во-вторых, формационная модель изначально предполагает цикличность и связанную с этим возрастную вариантность, то есть фактически речь идет о нескольких моделях, представляющих начальные, зрелые и кризисные этапы формации.

Таким образом, чтобы преодолеть ряд «неразрешимых» в течение долгого времени проблем и сохранить лучшее в формационной теории, абсолютно необходимо развести базовые уровни абстракции. Для понятия формации оставить более высокий уровень (надобщественный, постепенно перерастающий в мировой), а для более низкого, то есть этапов развития внутри отдельных обществ, соотносимых по смыслу с этой формацией исторического процесса, ввести понятие **формационная стадия**. Модель такой стадии всегда отличается от модели формации так же, как развитие отдельного общества всегда отличается от мирового.

Итак, делаем вывод: мысль о нераздельности формаций сразу, как и стадий любого общества, и стадий мирового процесса, надо признать неправильной и непродуктивной. **Формации необходимо рассматривать только как общечеловеческие этапы, которые, по определению, не**

могут быть этапами развития отдельного общества. Но, разумеется, полностью и начисто отвергать идею соотносимости формаций и соответствующих изменений в обществах неверно. *Формационные стадии любого из обществ, которые вступили в систему данной формации исторического процесса, обязательно соотносятся с ней, только соотношение это не прямое, так как зависит от места общества в системе формации и многих других вещей.*

Таким образом, смена формационных стадий в истории обществ – неотъемлемая и исключительно важная **часть** смены формаций исторического процесса. Но *понять процесс, причины и последовательность смены формационных стадий в каждом обществе мы можем, только имея ясное представление как о ходе соответствующей формации исторического процесса в целом, так и о месте (по времени, важности, первичности и т. п.) этого общества на данном этапе исторического процесса.*

4.3. Характеристики категории «формация исторического процесса»

Каковы основные характеристики, составляющие содержание понятия **формация исторического процесса** и показывающие сложность его замены другими терминами⁷⁵?

Во-первых, как сказано, стадийность.

Во-вторых, цикличность, показывающая зарождение, рост, развитие и кризис определенных черт. Эта повторяющаяся очередность фаз и достаточно устойчивые временные соотношения между ними позволяют анализировать формацию со значительной долей научности.

В-третьих, системность, предполагающая иерархию между составляющими формацию категориями.

---

⁷⁵ Причем эти характеристики в той или иной мере присутствуют и в марксистском термине, только они четко не осознаются и не используются в достаточной мере.

В-четвертых, многоуровневость⁷⁶.

В-пятых, формация не просто временное, но и территориальное (историко-географическое) понятие. И в этом аспекте ее структуру правомерно представить в виде совокупности обществ, входящих в ее систему и делящихся на центр и периферию; пространственно-временные группировки разных типов и т. д.

«Мировую историю, рассматриваемую как последовательность событий, можно описать как цикл, как драму и как прогресс», – писал Фредерик Теггарт⁷⁷. В формационной теории совмещены все три аспекта (возможности): тут есть формационный цикл, есть прогресс, налицо и драма – как в виде накопления и разрешения основного противоречия, так и в виде соперничества разных исторических линий развития. Но помимо этого, здесь имеется и такой важнейший момент, как единство истории. Все это лишний раз демонстрирует достоинства анализируемой категории.

Теперь сформулируем основные задачи этого понятия по их важности (не забывая об их единстве). Ограничимся четырьмя (из целого ряда).

Главная – показать системность и единство: *формация должна объединять все линии и общества с помощью определенных (весьма абстрактных) характеристик.*

Вторая, неразрывная с ней, – показать в этом единстве важнейшие различия, связанные с разными линиями и темпами развития. Но именно **важнейшие**, а не любые различия, поскольку, чтобы сделать акцент на разнообразии, есть и многие другие способы и средства, вплоть до историографических.

Третья – показать в системности иерархичность, позволяющую выделить главные движущие силы исторического

---

⁷⁶ Это значит, что между конкретным историческим эпизодом и анализируемым теоретическим понятием располагается неопределенное число уровней обобщения, среди которых мы выделяем несколько базовых. И в зависимости от характера материала, задачи исследования и других вещей выбирается необходимый масштаб анализа, а для этого можно больше или меньше разворачивать содержание категории.

⁷⁷ Teggart F. J. Theory and Processes of History. P. 47–48.

процесса и дающую основания для более точной его периодизации.

Четвертая – дать инструмент сравнения развития отдельного общества с человечеством и определения близости первого к генеральной линии, его места в мировой системе (роль в истории).

Таким образом, эта категория показывает *одновременно единство и многообразие исторического процесса, его непрерывность и членение во времени.*

Итак, **формация исторического процесса – это категория, с помощью которой описываются основные составные части модели всемирно-исторического процесса и даются различные проекции этой модели**⁷⁸.

Структуру формации можно показать в разных, но взаимосвязанных характеристиках-проекциях. Среди них **временная**, связанная с повторением фаз формационного цикла; **пространственная**, показывающая, как объединяются общества в группы в рамках формации. Наконец, проекция, которая показывает разворачивание отдельных аспектов (областей) исторического процесса в общей системе формации. Условно ее можно назвать **системной**.

Особая сложность содержания рассматриваемой категории требует и особой методики. Формацию можно представить как совокупность многих соподчиненных категорий. По уровню абстракции можно выделить как бы два замера и разделить категории на две группы.

Категории, относящиеся к **первому** замеру, **составляют группу базового уровня. Они напрямую входят в систему категории «формация». Поэтому они называются формационными.** Роль тех или иных формационных категорий в модели формации весьма различна: некоторые нужны почти всегда, другие – достаточно часто, третьи – эпизодиче-

---

⁷⁸ Говоря о том, что формация – это основные части модели исторического процесса, я не имею в виду, что нельзя провести и иное, более (или менее) крупное его деление. Например, можно разделить весь исторический процесс на две части: догосударственный и государственный; доиндустриальный – индустриальный периоды и т. п. Но такое деление удобно только в отдельных случаях.

ски. Поэтому надо выделить **первичные формационные**, анализ которых обязателен, **вторичные и третичные категории**, которые привлекаются в отдельных случаях для дополнительных характеристик.

Второй замер – это категория уровня, точнее ряда уровней ниже базового, которые являются как бы **составными моментами формационных категорий**. Чем выше уровень, тем реже и менее обязательно привлекать их для анализа. Но иногда они совершенно необходимы для объяснения ряда формационных процессов. Тем более если мы ведем речь об обществах-первопроходцах. Особенно это касается таких терминов, которые обозначают важнейший элемент какой-либо формационной категории. Понятия второго замера нужны также при сравнении обществ разных линий, например при попытках ответить на такие вопросы, как причины различий между Западом и Востоком, где требуется более скрупулезный и тонкий анализ и где мы фактически уже переходим к теории истории.

Некоторые из первичных формационных категорий будут рассмотрены в третьей главе. Сейчас есть смысл сказать о них кратко, чтобы можно было представить их в **системе**. Ведь особая сложность категории «формация» выражается не только в большом количестве входящих в нее формационных категорий, но и в том, что последние составляют достаточно стройную систему, в которой произвольные изменения в отдельных частях затруднительны, так как неизбежно требуют логических изменений и во всех остальных.

Содержание, способ абстрагирования каждой формационной категории связаны с логикой развития соответствующих областей. Но многое вытекает из более широких вещей. Так, число качественных уровней (типов) каждой формационной категории как бы уже определено числом формаций, которых автор выделяет **четыре**. Поэтому и в характеристике каждой первичной формационной категории обязательно отмечается **четыре формационных ее типа**, соответственно по одному для каждой формации.

4.4. Основные (первичные) формационные категории

Эти категории относятся ко всем проекциям, но особенно полно они характеризуют системную. Один из важных моментов системности заключается в том, что формационные категории должны быть соотносимыми с категориями, характеризующими структуру и функции общества как социального организма. Ниже очень кратко указано такое соотношение.

Принцип производства благ. О нем уже шла речь в предыдущем параграфе. Это категория, которая характеризует качественные уровни развития мировых производительных сил и в авторской концепции обладает среди других формационных категорий большей фундаментальностью.

Тип отчуждения благ и личности. Соотносится с понятием распределительные (производственные) отношения и показывает их общие характеристики в следующих аспектах:

а) степень физического и психологического насилия и воздействия на людей для перераспределения, отчуждения и циркуляции благ; б) способы закрепления этого порядка; в) характер приспособления личности и общественных групп к этому воздействию.

Отчуждение – понятие более широкое, чем принуждение и эксплуатация, так как включает в себя целый спектр иных видов отношений и действий (например между равными по статусу партнерами в сделках, а также многое другое).

Необходимо подчеркнуть, что отчуждаются не только блага, но и «личность»: иногда целиком (например, при рабстве), но чаще ее определенные черты, свойства, возможности, характеристики или атрибуты (труд, время, здоровье, права, интересы и т. п.). И в любом случае личности

так или иначе подстраиваются под господствующие отношения, развивая одни качества, стремления, предпочтения и т. п. и подавляя другие. Эта социализация определяется группами, в которые они входят. И, в свою очередь, определенный «стандарт» личности укрепляет эти группы.

Типы отчуждения⁷⁹. 1. Доэкономический. 2. Внеэкономический. 3. Полуэкономический. 4. Экономический.

При выделении типов этой и других формационных категорий нельзя забывать, что подчеркивается специфическое качество каждой формации, но оно не устраняет полностью и предыдущие.

Тип политической организации обществ. Соотносится с понятиями: политическая система и политические отношения, но поскольку в политической системе часто есть доминирующий элемент, то также с понятиями государство (в догосударственных обществах – племя, вождество и прочее).

Показывает типичные способы и принципы объединения в политические образования, в том числе: степень институционализации власти и главные ее институты, соотношение власти и населения (общества), объемы контролируемой территории и населения (в широкой амплитуде, конечно), главные формы взаимоотношения независимых политических образований и т. д.

Типы политической организации обществ: 1. Родовой. 2. Государственно-областной (племенной)⁸⁰. 3. Государственный (государственно-национальный). 4. Надгосударственный. Надо добавить, что определение последнего типа во многом гипотетическое⁸¹, поскольку четвертая формация

---

⁷⁹ Здесь и далее цифры перед названием означают номер формации, к которой принадлежит данный тип категории.

⁸⁰ Здесь и в дальнейшем в названиях типов слово в скобках означает вариант, подтип. При этом, если перед скобкой стоит сложное, двойное слово, то первая его часть относится и к тому, что помещено в скобках. Например, в данном случае наряду с типом государственно-областным указывается государственно-племенной.

⁸¹ См. об этом подробнее: Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета.

лишь в начальных стадиях, и ряд ее характеристик еще не проявился ярко. Это замечание относится и к некоторым другим формационным категориям.

Тип этнической организации обществ. Соотносится с понятиями этнос, а также народность, нация, этнические отношения, этническая граница. Показывает сходства в этническом оформлении обществ: по степени осознанности этнической идентификации себя и других, уровню этнического самосознания, по объемам этнических единиц, их гомогенности, устойчивости и прочему.

Типы этнической организации обществ:

1. Родоплеменной.
2. Народностный (народно-областной).
3. Национальный (национально-автономный).
4. Наднациональный.

Тип социальной организации обществ. Соотносится с понятиями социальной подсистемы (сферы), социальных отношений (борьбы), социальных единиц.

Показывает основные характеристики и принципы социального деления (жесткость, мобильность, устойчивость и т. п.) и основания для такого деления (принадлежность к определенной группе, обладание собственностью и т. п.), объем прав и обязанностей, вытекающий из деления.

- Типы социальной организации обществ:
1. Родственно-половозрастной.
  2. Сословно-классовый (ранговый).
  3. Классово-собственнический (чиновничье-классовый).
  4. Профессионально-информационный, то есть связанный с образованием и степенью известности человека (об этом в § 3, гл. 3).

Тип общественного сознания (или тип духовной организации обществ). Соотносится с понятием «общественное сознание» (и с его формами). При огромных различиях верований, обычаев и прочего можно выделить и сходства по ведущим формам общественного сознания.

- Типы общественного сознания:
1. Примитивно-религиозный.
  2. Религиозно-идеологический (философский).
  3. Политико-правовой (идеологический).
  4. Научно-

информационный.

Основное противоречие. Соотносится с понятиями: общественные противоречия, социальные революции, системный кризис в обществе и т. п., – раскрывающими механизмы движения обществ от старых форм к новым.

Показывает механизм развития и смены формации в виде противоречия между аспектами, которые описываются категориями «принцип производства» и «тип отчуждения». Становится зримым в период зрелости формации. По мере развития формации продолжает нарастать.

Основные противоречия⁸²: 1. Между возможностью производить больше и отсутствием для этого потребностей и социальных возможностей. 2. Между способностью хозяйства создавать большой излишек благ и непроизводительным его потреблением. 3. Между ростом общественного характера производства и частно-корпоративным способом распоряжения им. 4. Между общечеловеческими потребностями в единых действиях, вызванными глобализацией производительных сил, и национально-групповым эгоизмом⁸³.

Переходное противоречие. Это неустранимое основное противоречие предыдущей формации в начале следующей, когда противоречие между принципом производства и типом отчуждения частично разрешилось, а теперь развитие ведет к необходимости устранить его во всех сферах. Переходное противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже приспособляется к настоящему и, образно говоря, стремится встать и в будущее. Оно носит черты и старого, и нового. И поэтому острота и широта такого противоречия может быть даже больше, чем у основного. Переходные противоречия – это измененные основ-

---

⁸² Здесь даны сокращенные по сравнению со следующей главой формулировки.

⁸³ Это предположительное противоречие для будущей зрелости четвертой формации означает эгоизм одной страны или их группы перед лицом общечеловеческих интересов.

ные противоречия, поэтому на их формулировках сейчас можно не останавливаться.

Мы перечислили большинство первичных формационных категорий, которые составляют базовую модель формации⁸⁴. Теперь рассмотрим временную проекцию структуры формации. Здесь очень важны понятия **цикла и его этапов – фаз**.

Внутри любой из формаций можно выделить определенные этапы, которые идут в одинаковой последовательности и некоторые свойства которых однотипны для всех формаций (такова, например, роль каждого этапа в развитии формации в целом в плане разворачивания ее потенциалов и черт). Как уже сказано в предыдущем параграфе, наиболее продуктивно деление на шесть этапов.

Поскольку каждый этап выполняет свою особую роль в разворачивании формации, совершенно очевидно, что качественные характеристики формации на разных этапах будут сильно различаться между собой. Особенно это заметно при сравнении начальных и зрелых этапов. Ведь в начальных стадиях просто еще не могут появиться те черты, которые и составят собственно специфику формации, поскольку они еще в потенциальном состоянии⁸⁵. Поэтому-то бесперспективны попытки найти в ранних стадиях отчетливые черты, свойственные лишь зрелой формации, хотя это делается очень часто.

Понятно также, почему *характеристики горизонтальной линии, то есть распространяющиеся на все общества данной формации, выводятся именно на этапе зрелости*: в более ранний период они или не появились, или искажены остатками старого; в более поздний могут быть обременены появлением элементов, свойственных будущей форма-

---

⁸⁴ Однако может возникнуть и противоположная потребность: представить ее более сжато. Как она выглядит, см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1999. №5. С. 17.

⁸⁵ Думать наоборот – все равно что говорить, что любое утверждение о зрелом человеке относится и к его детству. Но ведь половая зрелость и возможность иметь потомство, как и масса иных вещей, нехарактерны для ребенка.

ции⁸⁶.

Формация – очень длительный период. Общества вступают в ее систему разновременно. И, следовательно, категории должны охватывать не только синхронный, но и диахронный срез. В этом помогут, кроме прочих, понятия **моделей** развития (самостоятельная, полусамостоятельная и несамостоятельная) и **варианты** формации. В отдельных вариантах и обществах в системе формации в зависимости от модели (первичной или догоняющей) характер цикла существенно меняется, например если перенимается уже готовое, то какие-то его этапы будут более сжаты. *Поэтому догоняющие страны проходят отрезок пути, на который они отстали, быстрее, чем в свое время страны-первопроходцы.*

При характеристике **пространственной** проекции формации нужно вести речь о понятиях, связанных с территориально-структурным делением обществ, входящих в формацию: *локальные варианты, различные группировки, типичные связи, центр–периферия, буферные с предыдущими формациями территории.*

Естественно, что пространственная структура формации сильно отличается в зависимости от степени зрелости последней. Сначала отдельные места, затем уже целые регионы, позже – периферия этих регионов, далее новые очаги и, наконец, охват большей части человеческой ойкумены. После же рождения новой формации одни территории начинают отпадать от старой, но другие все еще продолжают включаться в эту пространственную систему. Наконец, с обретением зрелости новой формации старая окончательно идет на убыль и к моменту высокой зрелости новой формации либо трансформируется прямо, либо становится территорией, в которой присутствуют сразу две формации. Так было, например, с колониями в Азии в конце XIX – начале XX века. И уже с момента появления следующей формации

---

⁸⁶ Правда, иногда ретроспективно некоторые черты, которые уже имеются в зрелости, но еще недостаточно очевидны, на этапе высокой зрелости становятся яркими, и тут только выясняется, что возникли они раньше.

позавчерашняя окончательно теряет свои самостоятельные черты, которые, однако, продолжают жить в существенно трансформированном виде в отдельных обществах или в качестве более низкого уклада в развитых.

Следовательно, будет верным: *чем дольше сосуществуют старые и новые формации, чем больше этапов прошли последние, тем сильнее трансформируются характеристики старой формации под воздействием более высоких и тем своеобразнее могут быть комбинации этих характеристик относительно классического варианта генеральной линии.* Отсюда ясно, что попытки к обществам затухающей формации прикладывать классические характеристики формации будут неудачны без учета указанных изменений.

Глава 2

ПРИНЦИПЫ ПРОИЗВОДСТВА БЛАГ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

§ 1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СМЕНА ПРИНЦИПОВ ПРОИЗВОДСТВА

1.1. Некоторые особенности процедуры периодизации

В данном параграфе разбираются некоторые особенности и правила построения периодизации⁸⁷, что позволяет предварить ряд идей, которые более обстоятельно будут развернуты дальше. Поскольку основная задача книги – показать соотношение развития исторического процесса в целом и принципов производства как его составной части, а периодизация в авторской концепции довольно тесно связана со сменой принципов производства, постольку через данную процедуру многие аспекты такого соотношения

---

⁸⁷ Но здесь не ставится цель подробно рассмотреть эту процедуру и тем более достоинства и недостатки различных периодизаций. Эти вопросы более основательно исследованы автором в других работах. (См.: Гринин Л. Е. Периодизация исторического процесса; Он же. Философия, социология и теория истории. С. 226–231; Он же. Формации и цивилизации. 1998. № 2. С. 16–28.)

становятся более ясными⁸⁸.

Как и любой другой способ систематизации, периодизация – очень эффективный метод упорядочения материала. Но она неизбежно огрубляет и упрощает реальность. Ведь любое деление по любому основанию где-то обрезает непрерывный процесс. Поэтому не бывает абсолютно правильной периодизации и остальных неверных. Все они страдают односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью.

И чем они подробнее, тем заметнее это⁸⁹. Однако количество и значение таких натяжек в разных периодизациях может сильно колебаться, а значит, и продуктивность их очень различна.

Периодизация имеет дело прежде всего с явлениями процессного, развивающегося и временного типа. Поскольку качественно отличные части-периоды истории выделяются по строго определенным основаниям и правилам, главная проблема любой периодизации – из каких оснований исходить. Выбор же основания зависит как от общей концепции исследователя, так и от вида и назначения периодизации⁹⁰. Ведь она выполняет роль инструмента познания, а разные задачи познания требуют разных инструментов. Например, в качестве масштабной сетки удобны просто хронологические периодизации (по тысячелетиям, ве-

---

⁸⁸ Дополнительным стимулом к написанию этого параграфа служило то обстоятельство, что методологические аспекты такой процедуры мало разработаны. Одной из немногих книг является «Периодизация исторического процесса» – Казань, 1984. Надо отметить, что впечатление от нее двоякое. С одной стороны, особенно в первой главе, написанной В. Д. Жигуниным, встречаются во многом верные взгляды на периодизацию, которые предупреждают от иллюзорной простоты такой процедуры, о том, что прямое соотнесение всеобщей (тотальной) и конкретной (локальной) периодизаций невозможно. С другой – ни сам Жигунин, ни остальные авторы не проводят высказанные методологические идеи до конца. Отсюда фактическая непродуктивность исследования.

⁸⁹ «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 52).

⁹⁰ Существуют разные виды периодизаций, в том числе «линейные и иерархические, локальные и тотальные, абсолютные и относительные, общие и специальные... по их субъекту и объекту» (Периодизация всемирной истории. С. 15).

кам и т. п.). Но они и наиболее удалены от смысла событий.

Здесь речь идет о смысловых, концептуальных периодизациях. Их можно разделить на базовую, то есть основную в общей теории, и дополнительные. Последних может быть сколь угодно много, важно уметь устанавливать соотношение между базовой и ними. В данном параграфе речь пойдет о **базовой** периодизации исторического процесса.

Смысл и назначение таковой – объяснить, какие этапы прошло человечество в своем развитии и каковы главные черты каждого этапа. Но это периодизация именно **исторического процесса в целом**. И по тем же причинам, по каким выводы, относящиеся к историческому процессу в целом, не могут быть прямо приложены к истории ни одной страны, ни одного общества, *не может быть в принципе универсальной периодизации, одинаково приемлемой сразу и для всемирно-исторического процесса, и для истории любого общества*. Но может быть много частных периодизаций, которые соотносятся с базовой (и между собой) с помощью особых правил и процедур и позволяют определять уровень развития конкретного общества по отношению к общечеловеческому этапу.

Базовая периодизация – неотъемлемая и органическая часть теории исторического процесса, и любая общая проблема так или иначе отражена в ней. Поэтому основания периодизации, а равно объяснение сложных и пограничных случаев лежат в общей теории. В свою очередь, периодизация во многом структурирует теорию исторического процесса и дает ей шкалу измерения. В периодизации необходимо различать ее смысловую (концептуальную) и хронологическую стороны.

Построение базовой периодизации требует соблюдения **правила одинаковых оснований**, то есть необходимости при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых причин (оснований). Невверно, скажем, один период выделять по причине перехода

от охоты к сельскому хозяйству, следующий – по основанию перехода от догосударственных форм к раннему государству, третий – в связи с началом феодализма в Европе и т. д. Или во всех этих изменениях надо найти какие-то существенные сходства, которые и будут играть роль единого основания.

Если же деление на периоды происходит в несколько приемов или ступеней⁹¹, то для каждой ступени деления основание для выделения периодов может быть свое⁹². Однако очень желательно также, чтобы все эти основания были определенным образом связаны между собой. *Но в рамках одной ступени деление все равно должно проводиться по единому основанию.*

При сложной поэтапной периодизации нужны и особые правила. Так, **правило иерархии** связано с тем, что периоды каждой последующей ступени деления должны быть таксономически менее важными, чем периоды предыдущей ступени. Если взять пятичленную периодизацию, то очевидно, что периоды раннего феодализма или раннего капитализма – таксоны меньшего порядка, чем периоды феодализма и капитализма. Но этот, казалось бы, ясный момент почему-то игнорируется или упускается.

Например, сегодня модно класть в основу периодизации цивилизации. При этом иногда получается так, что авторы сначала делят всю историю на доцивилизационный (в пятичленной периодизации равный первобытной формации) и цивилизационный периоды. Это вроде бы и есть первая очередь деления. Далее они переходят ко второй очереди, выделяя внутри цивилизационного периода свои этапы. Казалось бы, по логике процедуры последние должны быть

---

⁹¹ Число таких ступеней деления может быть любым в зависимости от задачи исследователя.

⁹² Например, в общеизвестной пятичленной периодизации каждая из пяти формаций, в свою очередь, делится на периоды. Так, первобытность делится на эпоху первобытного стада, расцвета родовой общины и разложения родовой общины. Таким образом, первая ступень деления осуществляется по способу производства, вторая – по развитости главного института первобытности, родовой общины.

таксонами меньшей значимости. Но ведь это такие этапы, как рабовладение, феодализм и капитализм. И по логике самой истории они значат никак не меньше, чем доцивилизационный период. Отсюда противоречие между правилами построения базовой периодизации и фактической ролью выделяемых таксонов. Оно еще больше усиливается, если первая ступень деления проведена лишь с целью оттенить вторую, т. е. если автор и не думает характеризовать доцивилизационный период столь же тщательно, как цивилизационный. В последнем случае нарушено **правило равноправия** периодов одной ступени деления.

1.2. Формации как основные периоды исторического процесса

Если приложить рассмотренные правила к авторской периодизации, то можно сказать, что деление первой ступени есть деление исторического процесса на четыре формации.

Смена формации – это смена всех основных качественных характеристик соответствующей ступени исторического процесса. Такая смена и будет выступать как основание этой ступени деления. Ведь различия между формациями в состоянии их полной зрелости видны, что называется, невооруженным взглядом. Такие крупные ступени исторического процесса в значительной мере сами обозначают себя. Например, наличие по крайней мере трех формаций (ступеней, периодов) во всемирной истории самоочевидно, так как отличия по всем параметрам обществ примитивных (охотничьих), традиционных (аграрных) и индустриальных настолько бросаются в глаза, что почти не требуется никаких доказательств⁹³. Эрнст Геллнер даже говорил, что де-

---

⁹³ Конечно, тут можно вспомнить остроумное замечание Шпенглера: «Разумеется, если спросить любого, он наверняка будет убежден в том, что ему ясно и отчетливо видна

ление истории на три периода является, так сказать, классическим и большего числа не требуется.

Но в окружающем нас мире сплошь и рядом есть, казалось бы, самоочевидные вещи, научное обоснование которых, однако, стоит больших усилий. А без этого очевидное не является еще научным положением. Значит, помимо опоры на достаточно ясные и доступные любому исследователю вещи, научное доказательство любой периодизации требует сложных операций и пояснений⁹⁴.

Например, вопрос о четвертой (кроме трех более очевидных) формации решается, исходя из того, что считать началом формации. Ведь четвертая формация проходит пока начальные фазы и не раскрыла своих главных черт, равно как и не освободилась еще от ряда признаков прежней эпохи. Поэтому-то некоторые полагают, что все еще продолжается третья (индустриальная, капиталистическая) формация.

Периодизация исторического процесса не может быть простой. С одной стороны, в новой формации должны измениться все составные части. С другой, формация – очень сложная система, циклы развития частей которой не совпадают, а в результате перемены в разных сферах совершаются в разное время. Поэтому надо, чтобы периодизация объясняла такое несоответствие. Другими словами, **помимо главного основания периодизации**, которое определяет количество и характеристики выделяемых периодов, **нужно еще и дополнительное**, с помощью которого уточняется хронология.

Но надо найти такое дополнительное основание, которое бы, не подменяя главное, существенно уточняло его и одновременно проясняло бы многое в самом механизме перехо-

---

внутренняя форма истории». Но это «иллюзия» (Шпенглер О. Закат Европы. С. 144).

⁹⁴ Если корректно сравнить, то существование именно четырех океанов на Земле весьма наглядно. Однако можно выделять пятый океан – Южный Ледовитый за счет южных районов Тихого, Индийского и Атлантического. А можно говорить всего о трех, вместо четырех, океанах, исключив Северный Ледовитый.

да от формации к формации. Для этого удобнее всего избрать внутри формации отдельные ее аспекты, описываемые первичными формационными категориями, в которых изменения начинаются раньше, чем в других. Было бы ошибкой считать, что здесь целое редуцируется к своей части. Просто без такой операции многие проблемы решить нельзя.

Например, немало трудностей связано с тем, что начальные и зрелые этапы формаций существенно различаются между собой. А поскольку в начальных этапах молодой формации наряду с новыми явлениями сохраняются и старые, причем последние выглядят часто более заметными, чем первые, некоторые теоретики продолжают относить начальные этапы уже новой, но еще незрелой формации все еще к прошедшей. Однако методологически это непродуктивно и ведет к серьезным ошибкам. Если начало процесса оторвать от его зрелой стадии, значит, исказится представление и о цикле формации, и о движущих силах ее смены⁹⁵. Но еще более ошибочно, если начальные периоды, по своей сути переходные от старого к новому, выделяются как самостоятельные (как сделал, например, И. М. Дьяконов в своей книге «Пути истории»). Это нарушает все правила периодизации и полностью разрушает представление о цикличности.

Как уже говорилось, формационной категорией, с помощью которой можно обозначать начало новой формации, является принцип производства. А начало самого принципа производства связано с началом первого этапа производственной революции.

1.3. Принцип производства, производственная революция и периодизация

---

⁹⁵ Например, в пятичленной периодизации ранний этап сельского хозяйства отрывается от зрелого, и при этом перезревшие уже черты родового строя, характерные для эпохи примитивного сельского хозяйства, необоснованно переносят на охотничье-собираательское общество.

Правило полноты перемен в формации означает также, что **формационные категории инвариантны друг другу**.

Это значит, что качественное изменение в одной из них должно вести к соответствующим изменениям в других, а если этого не происходит, дальнейшее развитие останавливается или начинается откат. Еще раз оговоримся: изменения, естественно, происходят в тех областях (свойствах) реальности, которые описываются соответствующими категориями, но для простоты будем говорить о свойствах, соотношении, влиянии и т. п. категорий.

Но возникает вопрос: можно ли определить, в каких категориях и когда изменения послужат началом кумулятивного процесса перемен в остальных, а когда произойдет откат или торможение? Да, если использовать правило **относительно большей фундаментальности**. Оно означает, что некоторые категории можно считать в плане влияния на другие более значимыми (так как некоторые области жизни относительно сильнее влияют на другие, чем наоборот). Следовательно, изменения в них скорее потребуют аналогичных изменений в других категориях, чем наоборот⁹⁶. Границы между формациями и хронологию периодизации удобнее определять именно с помощью более фундаментальной категории.

Относительно более фундаментальным я считаю принцип производства⁹⁷. Нужно пояснить. Без соответствующего уровня развития во всех сферах жизни переход к новому принципу производства не состоится. Поэтому и не может быть речи об абсолютном доминировании. Для каких-то целей и в отдельных обществах можно брать за доминанту

---

⁹⁶ Речь идет не о постоянном и непрерывном влиянии, а о моментах качественных рывков. Если же после рывка относительно более фундаментальной категории не произойдет подтягивания остальных категорий, то ее дальнейшее развитие приостановится.

⁹⁷ В менее общих случаях роль более фундаментальной могут играть и другие формационные категории. Следовательно, большая фундаментальность означает, что среди первичных формационных категорий по определенным основаниям есть **иерархичность**.

любую другую сферу жизни. Но в целом на уровне исторического процесса качественного формационного рывка не будет без рождения нового принципа производства.

Конечно, фундаментальность области, которая описывается категорией «принцип производства», не означает, что поиск путей в новую формацию идет прежде всего в этом направлении. Нет, он идет в разных направлениях и достаточно долго⁹⁸. И поэтому, когда последний наконец появляется, налицо уже ряд достижений и в других характеристиках, которые постепенно складываются в систему. Все это значит, что переход к новому принципу производства является более устойчивым в формационном плане, чем аналогичный отрыв других категорий. Почему?

В дальнейших параграфах этот вопрос еще будет рассматриваться. Здесь можно кратко выделить следующие причины:

1. Коренные изменения в производстве ведут к образованию большого прибавочного продукта, а также к большому росту населения. А оба этих процесса неизбежно вызывают коренные перемены в остальных сферах жизни. Переход же к новым общественным отношениям, религии и прочему не связан так прямо с изменениями в демографических характеристиках, как смена принципа производства.

2. Хотя большой излишек благ может возникнуть и за счет иных причин (богатства природы, успешной торговли или войны и т. п.), но такие исключительные условия не могут быть предметом заимствования. Напротив, новые производительные силы заимствуются относительно легче, а потому распространяются во многих обществах.

Итак, кардинальные перемены в принципе производства обязательно влияют на все остальные сферы жизни. Однако

---

⁹⁸ Первоначальный поиск дороги в новое скорее идет по пути доведения прежнего принципа производства до сврхзрелого (сврхизобильного) состояния за счет исключительных условий и аккумуляции предшествующих достижений. При этом появляются и частичные достижения, способствующие рождению и развитию будущего принципа производства.

это происходит с большим временным разрывом, что затемняет причинную связь и создает впечатление, будто культура фундаментальнее экономики (Тойнби)⁹⁹.

Как уже говорилось, новый принцип производства открывается производственной революцией. Вот этот момент и будет наиболее удобным и естественным дополнительным основанием, с помощью которого устанавливается хронология смены формаций.

Однако в связи с неразработанностью теории производственной революции и нестыковкой ее с теорией исторического процесса в целом при попытках использовать эти революции в процедуре периодизации возникают несоответствия. Будет удобно сначала систематизировать их в проблемных вопросах, которые мог бы задать оппонент подобной периодизации, а затем ответить на них.

1. Если каждая формация должна иметь одну собственную производственную базу, тогда почему первая (первобытная) формация базируется на двух типах экономики: присваивающем и производящем? И почему охотничье-собирательское и раннеземледельческое общества столь похожи, если их разделяет производственная революция и они принадлежат к разным формациям?

2. А если первая формация заканчивается с началом аграрной революции, то почему переход к сельскому хозяйству, с одной стороны, возникновение государственности и переход к цивилизациям – с другой, так разнятся во времени? Вероятно, между этими процессами нет причинной связи¹⁰⁰. А раз так, значит, период аграрной революции правомерно относить к первобытности, а начало второй формации связать с переходом к государственности и цивили-

---

⁹⁹ Тем более, если они, вызванные глубинными переменами в принципе производства, по времени могли совпасть даже с моментами хозяйственного упадка или кризиса. Кроме того, нужно учитывать, что такая связь на уровне общества может не соответствовать системным соотношениям на уровне исторического процесса.

¹⁰⁰ «Особо губительным для марксистской философии истории является то обстоятельство, что важнейшие отличительные черты надстройки (государство и письменность) не соотносятся ... с началом организованного производства продуктов питания» (Геллнер Э. Нации и национализм. С. 240).

лизациям.

3. Если же все-таки производственная революция должна предшествовать смене формации, тогда почему капиталистические отношения и вся система капитализма возникают до промышленной революции¹⁰¹?

4. Аналогично вопросу 2, почему не произошла смена капиталистической формации, которая все еще продолжается (ведь и сегодня основные отношения все те же, что раньше), несмотря на все углубляющуюся научно-техническую производственную революцию?

Действительно, если ограничиться только поверхностными представлениями о производственных революциях, например, ассоциировать аграрную только с переходом к примитивному сельскому хозяйству в мезолите – неолите, считать промышленную революцию и промышленный переворот второй половины XVIII столетия синонимами, проблемы становятся неразрешимыми.

Однако практически все они снимаются и все становится на свои места, если принять идею совершения производственных революций в два этапа с перерывом¹⁰².

1. Верхнюю границу первой формации надо связывать с переходом в некоторых местах к сельскому хозяйству, а не с появлением первых государств. Тогда первая формация (как и все прочие) имеет свою единственную производственную базу, свой собственный принцип производства, основанный на присваивающих видах хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что охотничье-собираческое и раннеземледельческое общества во многом похожи, раз изменения в других сферах идут с опозданием по сравнению с переменами в производительных силах. Поэтому на ранних этапах между старым и новым очень много сходства.

---

¹⁰¹ «Хронология событий бесспорна: развившийся в Западной Европе капитализм вызвал сначала политические революции и только затем – промышленную» (Алаев Л. Б. Выступление на «круглом столе»... С. 35).

¹⁰² И некоторых с ними связанных идей, высказанных ранее, в частности переходе основного противоречия в переходное, которое преодолевается в первых этапах новой формации.

2. Переход к примитивному земледелию и не мог привести к возникновению государственности и развитой культуры, поскольку он являлся лишь первым этапом сельскохозяйственной революции. Но неправомерно представлять, будто аграрная революция закончилась задолго до появления государств¹⁰³. Нет, закончился лишь ее первый этап. И если считать переход к ирригационному земледелию вторым этапом аграрной революции, с которым начинаются расцвет и позже зрелость формации, то формирование государства и цивилизации легко соотносится с этим производственным рубежом.

Все вполне объяснимо: на основе невиданного ранее изобилия, созданного вторым этапом аграрной революции, идут демографические, политические и культурные процессы. Хотя они очень разные в разных местах, но принципиально и функционально похожи. Для этого случая вполне справедливыми будут слова Чарльза Рида: «...одно необходимо помнить, что в эволюции, биологической или культурной, одна вещь случается [только] после другой»¹⁰⁴.

3. В свою очередь, капитализм не опережает промышленную революцию. Ведь под ней понимается только промышленный переворот, то есть второй ее этап. А первый этап промышленной революции начался в XV–XVI веках, и с ним сформировались некоторые черты раннего капитализма, хотя феодальные отношения в обществе еще преобладали.

4. С началом НТР надо говорить о конце промышленного принципа производства и третьей формации в целом (а значит, и капитализма как ее варианта) и переходе к научно-информационному принципу производства, а следовательно, и к четвертой формации, которая еще будет развиваться ряд десятилетий. Уже сегодня во многих отношениях характеристики третьей формации кардинально изменились, но поскольку четвертая еще не обрела своих

---

¹⁰³ В этом смысле название «неолитическая» начинает вводить в заблуждение, будто аграрная революция окончилась много раньше, чем на самом деле.

¹⁰⁴ The Origins of Agriculture. P. 885.

специфических черт, остается и много общего с прошлым.

1.4. Деление второй и третьей очередей. Вертикальное и горизонтальное измерения исторического процесса и периодизация

Как уже сказано, цикличность является одной из важнейших характеристик формации. Думается, что этапы такого цикла и являются наиболее удобным основанием для деления второй очереди. Однако и здесь есть та же проблема: с какого момента начинать отсчет каждого этапа формационного цикла, поскольку разные ее части имеют свой собственный ритм. Поэтому логично воспользоваться приемом дополнительного основания, в качестве которого следует рассматривать этапы цикла принципов производства.

Основных этапов цикла принципа производства и формации шесть, и им уже давалась характеристика. Однако есть смысл ее повторить:

1. «Переходный»: новые явления только начинают складываться в саморазвивающуюся систему.

2. «Молодости»: некоторые черты нового уже становятся достаточно ясными и более широко распространяются. Появляются уже регионы, где преобладает или широко распространено новое.

3. «Расцвета»: это рубеж окончания перехода от старого к новому, так как рождаются уже более зрелые, а значит, специфические для новой формации отношения.

4. «Зрелости»: специфические отношения становятся уже ведущими.

5. «Высокой зрелости»: все отношения становятся очень ясными, завершенными, и появляются уже отдельные моменты будущей формации.

6. «Подготовительный»: отношения уже достигают пределов развития, нормальных для данной формации, частью перерастают их, появляется все больше вещей, свойственных новой формации, возникают кризисные явления, сви-

детельствующие о подготовке к смене формации.

Для более частных, но весьма важных проблем применяется периодизация третьей очереди. Для нее можно избрать в качестве основания цикл этапа формации, так как каждый из них имеет, естественно, свои раннюю, нормальную и зрелую фазы.

Для характеристики исторического процесса вводились понятия горизонтального и вертикального измерений. Первое показывало сходства в характеристиках обществ, достигших определенного уровня, второе – общее направление развития. В нем в качестве важнейшей выделялась генеральная линия первичных переходов к новому, которое впоследствии становится ведущим.

Такой подход находит отражение и в базовой периодизации в виде сочетания ее главного и дополнительного оснований. Отсчет периода удобно и логично начинать с обществ-первопроходцев. Ведь прорыв вперед совершается сначала в отдельных обществах и регионах. Поэтому на границах формаций и их этапов периодизация неизбежно связана с генеральной линией исторического процесса, которая уточняет ее хронологию¹⁰⁵.

Однако для базовой периодизации совершенно необходимо, чтобы эта передовая модель (или аналогичные, равноценные ей) была избрана другими обществами и с течением времени стала ведущей в мире. Только тогда можно считать, что именно эти общества открыли новый период (формацию или этап)¹⁰⁶. Если же успех оказался только их достижением, то нельзя такие вехи отдельных социумов считать рубежами периодизации исторического процесса в

---

¹⁰⁵ Ориентир на продвинутые общества казанские авторы называли «периодизацией по передовому региону». Однако такой регион должен быть связан именно с избранным дополнительным основанием. Если он передовой в другой сфере, то для периодизации это менее важно.

¹⁰⁶ Так, поскольку промышленный переворот в Англии стал исходным пунктом для промышленного переворота и в остальных странах, мы можем использовать для третьего-четвертого этапов промышленного принципа производства рубежи чисто английской истории.

целом¹⁰⁷.

Таким образом, периодизация исторического процесса должна учитывать развитие не только одних передовых обществ. Вслед за ними движение в соответствующем направлении должно охватить (хотя и с запозданием и разновремененно) многие другие общества. Только если переход на новую стадию состоялся в большинстве социальных организмов, можно говорить о выделении периода в базовой периодизации исторического процесса. Для выделения новой, незавершенной стадии нужно показать, что все большее число социумов будет развиваться в соответствующем направлении.

Если, скажем, переход к сельскому хозяйству раньше или позже произошел практически везде, то правомерно выделить вторую формацию на базе аграрно-ремесленного принципа производства. А если античная модель рабовладельческой экономики существовала только в одном регионе и в конце концов исчезла, значит, считать ее особой формацией нельзя, так как мы имеем дело с локальным вариантом внутри единой второй формации.

§ 2. ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКИЙ (ПРИСВАИВАЮЩИЙ) ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА

2.1. Проблема начала исторического процесса

На протяжении исторического процесса значимость разных движущих сил менялась. Но все они являлись силами социального плана. Даже когда речь идет о влиянии природы, характер приспособления к ней был именно социаль-

---

¹⁰⁷ И это не абстрактные рассуждения. Известно немало подходов, когда стадии или характеристики отдельных регионов начинали (неправомерно и безрезультатно!) переносить на всю историю. То во всемирной истории видели чередование феодализма и капитализма, то рабовладения и феодализма, то централизации и децентрализации и т. п. Да разве цикличность истории древнего и средневекового Востока в теории цивилизаций не выдавалась за всеобщую закономерность?

ный, а не биологический. А вот период антропогенеза имел совсем иную комбинацию движущих сил, где сначала преобладают, а потом остаются исключительно важными именно биологические движущие силы, хотя роль социальных все время возрастает. Но даже еще и в длительные тысячелетия после появления *Homo sapiens* роль биологических сил была очень велика¹⁰⁸. Поэтому автор присоединяется к точке зрения ряда ученых, которые предлагают рассматривать период антропогенеза как предысторию¹⁰⁹. Теория антропогенеза должна разрабатываться особо, и комбинация биологических и социальных факторов будет там центральной проблемой, поскольку «нарождающееся социальное еще не могло оторваться от цепко держащего его в своих руках биологического»¹¹⁰.

При таком подходе теория исторического процесса становится более цельной. И в то же время она может активно использовать теорию антропогенеза. Итак, отсчет собственно исторического процесса надо начинать с 30–40 тыс. лет назад, когда, по общепринятому мнению, появился человек разумный¹¹¹. А нижний палеолит продуктивнее считать пред(до)историей.

В настоящее время в западной (особенно американской) антропологии и археологии считается почти общепризнанным, что происхождение *Homo sapiens* гораздо древнее, чем предполагалось, и возраст человека разумного колеблется в диапазоне от 60 до 200 тыс. лет. Эти взгляды сначала базировались на результатах молекулярно-биологических исследований, а затем в Восточной и Юж-

---

¹⁰⁸ Хотя бы потому, что еще весь верхний палеолит и даже несколько позже продолжался расогенез (См.: Алексеев В. П. Этногенез. С. 130–134.)

¹⁰⁹ Изложение этих взглядов, аргументацию за и против см.: Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. С. 171–173; Румянцев А. М. Первобытный способ производства. С. 19.

¹¹⁰ Алексеев В. П. Становление человечества. С. 165.

¹¹¹ Правда, время от времени появляются сообщения о том, что какие-либо находки удлинили время появления *Homo sapiens* от 50 до 200 тыс. лет. Однако доказательность их невелика. Поэтому мы будем придерживаться указанной хронологии. Но в любом случае ее корректировка принципиально не изменила бы изложенной здесь концепции.

ной Африке были обнаружены и стоянки, которые археологи приписывают древнему человеку разумному. Число подобных стоянок, правда, пока невелико. Эти раскопки, таким образом, делают местом появления человека разумного не Европу, а Африку. Результаты археологии по сравнению с молекулярной биологией несколько омолодили *Homo sapiens* и поместили его появление в диапазон от 60 до 130 тыс. лет, а в среднем 90–100 тыс. лет. В сноске я привожу несколько (из большого количества) публикаций по этой проблеме¹¹².

Отечественные первобытники в основном пока стоят на старой точке зрения, хотя каких-то ясных аргументов против активно не высказывают.

Уже те виды обезьян, которые дали начало гоминидам, вероятно, использовали орудия труда (особенно деревянные) и употребляли животную пищу. Орудия труда сопровождают человека с самых первых шагов его выделения из животного мира. Находки Лики в Африке показывают, что история каменных орудий насчитывает 2–2,5 млн лет. Но, не беря во внимание те факторы биологической эволюции, которые двигали вперед процесс антропогенеза, думается, что главными достижениями были переход к организованной охоте, т. е. создание или трансформация (если в определенном виде она существовала еще у обезьяньих предков) организации по добыванию пищи, а также овладение мощным энергетическим источником – огнем – и использование жареной пищи.

И количество видов орудий труда, и техника их обработки, и число используемых природных материалов, и объемы заселяемой территории – все это, хотя и крайне медленно, но росло. Неандертальцы (в целом как биосоциальный вид), по некоторым подсчетам, производили до 60 видов различных орудий из камня, кости (в том числе рубила,

---

¹¹² The Emergence of Modern Humans; Modern Humans in the Levant; Paabo S. The Y Chromosome and the Origin of All of Us (Men); Gibbons A. Y Chromosome Shows That Adam Was an African; Holden C. No Last Word on Language Origins; Cullotta E. A New Human Ancestor?; Ламберт Д. Доисторический человек. С. 180–183; Жданко А. Заметки о первобытной истории (современные данные палеоантропологии и палеоархеологии о возникновении *Homo sapiens*).

скребки, шила и т. п.). Судя по находкам костей животных, поселения неандертальцев были ближе к оседлому, чем бродячему типу, возможно, с сезонными перекочевками. По самым приблизительным подсчетам, широко расселившиеся по земле неандертальцы насчитывали уже сотни тысяч особей. Однако в указанный выше срок они были то ли вытеснены, то ли истреблены кроманьонцами, то ли смешались и растворились среди них.

2.2. Сложности теоретической модели охотничье-собираетельского принципа производства и возможные их решения

Прежде чем перейти к изложению своей концепции, выскажу несколько принципиальных соображений, которые кажутся мне вполне очевидными. Первое: длительное время люди могли существовать только в условиях достаточной щедрости природы. Даже большинство этнографически известных народов жило в условиях, когда не требовалось чрезмерных усилий, чтобы обеспечить себя пищей. Те же, что обитали в скудных районах, обладали культурой, которую в таких местах создать было невозможно, едва сохранить. Значит, ранее предки этих народов жили на более удобных территориях. Но если десятки тысяч лет назад планета была почти необитаема, то кто бы стал селиться в таких скудных местах, если были лучшие? Речь не идет о райском климате, вроде некоторых островов в Тихом океане. В холодных зонах, конечно, жить было непросто. Но зато там водилось великое множество дичи и рыбы, которую к тому же можно было долго хранить.

Поэтому нельзя признать верной мысль, что первобытные люди были вечно голодны, заняты только поисками пищи, подавлены трудностью существования и постоянно кочевали¹¹³.

Второе: размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни и основные общественные

---

¹¹³ См., например, известное высказывание В. И. Ленина из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса» (Т. 5. С. 103), которое многие еще считают верным (например Румянцев А. М. Ук. соч. С. 115–117, 143).

отношения – словом, почти все исключительно зависело от окружающих природных условий. Ясно, что с их переменной жизнь могла меняться резко: нужно было либо приспособиться на месте, либо искать районы с похожими условиями, либо переселяться в иные по характеристикам места. Это и было одной из ведущих движущих сил первой формации. Поэтому можно сказать, что *главной движущей силой, специфической силой уже социального плана, являлось взаимодействие человека с природой, в результате чего люди расселились почти по всей планете*. На базе разных географических условий начинает зарождаться и специализация.

Отсюда ясно, что важнейшей частью первобытных производительных сил являлись природные производительные силы¹¹⁴. И чем лучше люди овладевали ими и чем лучше специализировались, тем продуктивнее была их деятельность. Следовательно, при анализе охотничье-собираательского принципа производства на степень приспособления к природе и овладения ею необходимо обратить особое внимание, поскольку этапы данного принципа производства и надо связывать с качественными рубежами указанного овладения и приспособления.

При этом из-за различий в доступности и изобилии ресурсов более высокоразвитые группы могли в принципе иметь меньше благ. Ведь индивидуальная охота может быть менее продуктивной, чем загонная, хотя уровень техники, сноровки и выучки у таких охотников был несравненно выше¹¹⁵. Сказанное только подчеркивает важность теоретического включения в состав производительных сил природных компонентов и подтверждает идею о том, что до определенного этапа появление техники и особой техно-

---

¹¹⁴ Стоит отметить, что социальная часть производительных сил еще не отделяется достаточно от самого человека, ибо важнейшая их составляющая – это тело, интеллект и органы чувств его самого, способы объединения этих человеческих сил

¹¹⁵ Подобная ситуация, впрочем, характерна и для следующего принципа производства, поскольку пашенное земледелие на не столь плодородных почвах может быть менее продуктивно, чем даже ручное – на более плодородных.

логии являлось одним из ответов на вызов относительной скудости природы.

Самой большой сложностью в изучении первобытности остается недостаток сведений. Это вызывает к жизни массу гипотез, иногда очень остроумных, но, однако, не заменяющих точные знания. По археологическим данным частично восстановить характер производительных сил возможно, но без связи их с общественными отношениями многое непонятно. Кроме того, археологические находки фрагментарны и далеко не всегда толкуются однозначно. Факты этнографии исключительно важны, но далеко не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен либо уже столкнулись с более развитыми обществами, либо прежде знали лучшие времена, поэтому имеют остатки более высокой культуры.

Наконец – и для теории исторического процесса это исключительно важно – народы, находящиеся на подъеме, по движущим силам развития, жизненной энергии, потенциям и реакциям на вызовы и многим другим вещам существенно отличаются от находящихся на нисходящих фазах, то есть когда уже реально существуют гораздо более высоко развитые общества. Тем более это касается этносов уже раритетных формаций, каковыми и являются в последние два-три века первобытные народы¹¹⁶.

Можно предположить, что большинство коллективов, обретая социальность, при благоприятных природных условиях застревало на достигнутом, поскольку потребности в каком-либо прогрессе не было. Уже здесь намечалось основное противоречие первой формации, о котором дальше. Но, без сомнения, в течение долгих тысячелетий немало обществ двигалось дальше и расцветало, а затем по разным причинам происходила остановка в развитии, деградация или уничтожение. По-видимому, одно и то же откры-

---

¹¹⁶ Тем более, если вспомнить, что прорыв в новое реализуется в местах складывания исключительных обстоятельств и условий. Естественно, что у народов маргинального типа, например, оттесненных или запертых в скудных природных зонах, таких условий быть не может по определению.

вали много раз в разных местах. Историческая память была очень слабой, уровень контактов тоже, достижения закреплялись медленно. И все же бесконечные эпизоды подъема и упадка, бесчисленные переселения, появления и смерти протоэтносов, приспособление тысяч первобытных орд и племен на протяжении десятков тысяч лет в конце концов привели к заселению огромных территорий и появлению первых очагов земледелия.

Таким образом, даже подобия линейного движения не было, также неизвестны и общества-первопроходцы, а потому наметить генеральную линию сложнее, чем для периодов, исторически известных, и она носит более гипотетический характер. В нашем случае важно, чтобы логика теории не нарушалась, но и в то же время не нарушалась бы фактическая сторона дела. Между тем скудость данных не позволяет с уверенностью говорить ни о какой хронологии. Да и о человечестве в этот период можно вести речь только в родовом, а не в системном смысле¹¹⁷. Все это усложняет и вопрос о том, каким образом выделять этапы охотничье-собираетельского принципа производства.

Особо туманно выглядят первые этапы человеческой истории. В то же время, как уже сказано, производственные революции открывают новую формацию. Но для первой формации, естественно, невозможно говорить о производственной революции. Однако и ее начало связано с очень важными, по-своему революционными переменами. Исходя из сказанного, и для того, чтобы общая теория смены принципов производства и производственных революций не нарушалась, а также чтобы придать большую четкость характеристикам первого принципа производства, имело бы смысл говорить здесь о чем-то аналогичном производственной революции и ввести понятие **аналога производ-**

---

¹¹⁷ По удачному выражению Жигунина, «тотальность периодизации первобытного строя – это только иллюзия». Ведь первобытные общества почти не связаны друг с другом, особенно на ранних этапах формации. «Рядом с иллюзорной тотальностью первобытной эпохи мы имеем вполне реальное бытие отдельных маленьких общностей. Каждая из этих общностей проходит свои фазы развития...» (Периодизация всемирной истории. С. 11).

ственной революции. Аналога по своим результатам и функциональной роли каждого из ее периодов.

«Смысл» его заключается в переходе от биосоциальных реакций в качестве приспособления к окружающей среде к чисто социальным.

Тогда можно завершение антропогенеза считать **первым** этапом аналога такой *революции, в результате чего не только появился и утвердился как ведущий вид человек разумный, но и создались хотя и примитивные, но уже социальные производительные силы.* Ведь в этот период сами физические, интеллектуальные и психические характеристики человека являлись наиболее важной частью производительных сил. А значит, вполне логично считать такую революцию не только сапиентной, но и производственной. Сказанное хорошо увязывается и с предположениями некоторых первобытников о резком росте населения в период перехода от раннего к позднему палеолиту¹¹⁸.

Перерыв между этапами аналога производственной революции возможно связать не только с освоением достаточно удобных для жизни мест (заселением Сибири, Америки и других регионов), но и преодолением того, что можно назвать переходным противоречием антропогенеза: между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности. Процесс окончательной трансформации биологического регулирования в социальное регулирование и составлял основу его разрешения. Как зоологический индивидуализм и слабость самоконтроля, так и животный коллективизм должны быть сведены к минимально допустимым величинам и заменены в главном социальными нормами. Те коллективы, которые не сумели это сделать, были обречены на исчезновение.

А период последнего оледенения и максимального похолодания (Вюрм III), примерно 20–18 тыс. лет назад, можно будет соотнести со вторым этапом аналога такой револю-

---

¹¹⁸ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 100.

ции. И хотя это было далеко не первое оледенение (последствия таких ледниковий испытывали и неандертальцы), но в этот раз реакция была чисто социальной (а не биолого-социальной) в виде увеличения способности людей приспособляться к природе, специализации, расширения источников пищи, освоения новых территорий.

Такой подход дает возможность хоть как-то привязаться к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе.

2.3. Охотничье-собирательский принцип производства: основные этапы, черты, варианты

Весь период первой (первобытной) формации в авторском понимании в ее восходящей части составляет примерно 25–30 тыс. лет: от начала позднего (верхнего) палеолита, то есть появления *Homo sapiens*, до конца вюрмского оледенения и начала т. н. голоцена (примерно 10 тыс. лет назад). Где-то в конце этого периода начинается переход к сельскому хозяйству. После этого общества присваивающего хозяйства существовали и развивались еще многие тысячи лет, но они уже были вне генеральной линии истории.

Итак, первые два этапа (**переходный**, в данном случае из антропогенеза, и **молодости**) охотничье-собирательского принципа производства можно соотнести с периодом до последнего ледникового (в Европе это ориньякская и более ранние культуры), то есть до эпохи 20 тыс. лет назад. Хотя об этих этапах известно мало, все же следует высказать важное соображение.

Довольно долго господствовала идея (и сегодня не полностью преодоленная), что древние люди, будучи не в состоянии прокормиться, постоянно кочевали, подобно некоторым известным первобытным народам. Это неверная мысль. Почему? С одной стороны, этому противоречат многие археологические факты. На некоторых стоянках археологи находят остатки костей тысяч убитых животных. Значит, здесь люди жили подолгу и большими община-

ми¹¹⁹. Это объяснялось не только тем, что добычи было много, но и тем, что часто для охоты требовались коллективные усилия (а также для защиты от хищников, постоянного поддержания огня и т. д.). Таким образом, постепенно вырабатывались формы воспроизводства и сохранения таких коллективов, включая весь арсенал известных примитивных, но достаточно эффективных социальных регуляторов.

С другой стороны, если вдуматься, то могли ли язык, общественное сознание (включая религиозные представления), социальные нормы и многое другое появиться, если бы люди не жили какое-то достаточно длительное время относительно стабильно и кучно (пусть с сезонными перекочевками и экспедициями отдельных партий), а постоянно кочевали бы малыми группами? Сомнительно.

Выработка этого социального и являлась главным на первых этапах первобытности. А некоторый излишек пищи создавал условия для роста культуры и социальности. Свидетельство тому – великолепные и очень древние пещерные рисунки. Успешная загонная охота могла давать периодами изобилие в стойбищах (это не исключает, конечно, и временных голодовок). А вместе с изобилием (и оседлостью) наступают праздность, веселье, возможность кормить носителей знаний и верований, а также старых или больных; возможность рожать больше детей.

Третий этап – расцвета принципа производства – можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания, то есть очень условно 20–16 тыс. лет назад (в Европе это культура солотре и последующие). В течение этого и следующего **четвертого** этапа (зрелости) – примерно 16–13 тыс. лет назад – степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает. Таким образом, зрелость первой формации наступает в конце палеолита, а высшие ее этапы относятся уже к мезо-

---

¹¹⁹ Например, как подсчитали археологи, в Пржедмосте в Словакии обнаружены кости около 1000 мамонтов, а на Украине в Амвросиевск – не менее 1000 бизонов, в Солотре – около 10000 лошадей (Всемирная история: В 24 т. Т. 1. Каменный век. С. 76).

литу¹²⁰.

---

¹²⁰ Из сказанного читатель легко поймет, что известные с нового времени этнографические народы охотников, рыболовов, собирателей я отношу по этой периодизации не ниже, чем к пятому – высокой зрелости – этапу. (Это относится и к маргинальным этносам, попавшим в суровые природные условия, но относительно них нужны специальные оговорки, в этой работе невозможные.) Сказанное подтверждается и выводами ученых-первобытников: «Как известно, даже наиболее примитивные культуры из числа изучавшихся этнографами находятся на уровне не ниже мезолита» (Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. С. 7).

Пятый этап – высокой зрелости – удобнее связать с мощным отступлением ледников, в результате чего заселяются огромные территории. В связи с изменением фауны (особенно в расширившейся лесной зоне) осуществляется переход к индивидуальной охоте¹²¹. Разумеется, у каждого региона и общества могли быть свои особенности. В северных районах развивались прежние и сравнительно новые направления (в том числе рыболовство и охота на морского зверя). В иных местах расцветало интенсивное собирательство.

Далее от интенсивного хозяйства некоторые общества шли к шестому подготовительному этапу, откуда открывался путь к новому аграрно-ремесленному принципу производства. Можно напомнить, что генеральная линия перехода к шестому этапу и затем к первичному сельскому хозяйству проходила через регионы (Ближний Восток), которые никогда не подвергались оледенению. Тем не менее в результате глобальных перемен, связанных с концом ледникового периода, климат существенно изменился и здесь.

На первых этапах орудия труда еще очень несовершенны. Но и их количество, и техника обработки уже существенно отличаются от орудий неандертальцев¹²². Но думается, что главные изменения в производительных силах не в технике даже, а в самом человеке, который был важнейшей частью этих сил и уже коренным образом отличался от предшествующих по интеллекту, уровню организации и способности к совместным действиям.

Очередное изменение климата явилось серьезным испытанием. Однако к этому времени люди уже имели определенный уровень развития производительных сил и соци-

---

¹²¹ «Почти повсеместно в мезолите большое распространение получает охота на птицу, что можно объяснить сокращением числа крупных животных...» (Марков Г. Е. История хозяйства и первобытной культуры... С. 51).

¹²² Типов орудий насчитывают более ста (см., например: Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. С. 180). Правда, не всегда точно ясны различия. Так, одни ученые (Чайлд, в частности) говорят, что копье, т. е. палка с каменным или костяным наконечником, – достижение именно верхнего палеолита. А иные считают, что копья были и в мустье.

альности, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции и способности запастись пищей на достаточно длительный период. Прогресс был не только у охотников. Появлялись также интенсивные собиратели¹²³, возникло или приобрело важное значение рыболовство речной и озерной рыбы (позже охота на морского зверя). Известны также собиратели моллюсков и раковин. Вообще с освоением разных природных ниш усиливается специализация.

Изменение природных условий потребовало специализации орудий труда, что привело к более полному освоению природных ресурсов, дало мощный толчок развитию производительных сил. Изобретаются и совершенно новые орудия труда: лодки, гарпуны, остроги и т. д. Некоторые ученые настолько высоко оценивают степень такой приспособленности, что говорят о первом антропогенном кризисе, связанном с уничтожением мамонтов.

Но непостоянство природы в конечном счете разрушает эти общества. В результате потепления и очередного изменения климатов и ландшафтов в мезолите крупной дичи стало меньше, и «большие общины, которые поддерживали свое существование коллективной охотой и рыболовством, были вынуждены расколоться и научиться каким-то новым техническим приемам»¹²⁴.

Поэтому стадию высокой зрелости для формации в целом следует связывать с появлением технических и технологических возможностей для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей. В некоторых случаях это можно связывать с появлением лука и стрел, в других – духовой трубки с отравленными

---

¹²³ Примерно 17 тыс. лет назад на равнине Ком-Омбо южнее Асуана жили люди, которые жали колосья диких злаков и собирали столько зерна, что большая часть их пищевого рациона могла им одним покрываться. Найдены каменные серпы, зернотерки, камнетерки (см.: Придо Т. Кроманьонский человек. С. 45).

¹²⁴ Чайлд Г. Прогресс и археология. С. 40.

стрелами, в третьих – было достаточно копьеметалки¹²⁵, в четвертых – имелись особые метательные снаряды и т. д.¹²⁶. Способы охоты все совершенствуются. Ю. Липс в своей книге «Происхождение вещей» говорит, что первобытные народы изобрели сотни ловушек для зверей. Некоторые из них поразительно остроумны, хитры, другие даже можно назвать первыми машинами или автоматами, так как они срабатывали от легкого прикосновения, но могли убить медведя, а то и слона.

Все это позволило людям заселить новые места, в том числе и такие, где прежде большим общинам прокормиться было сложно. Гибкая общественная организация позволяла коллективу распадаться на мелкие группы или семьи, чтобы в определенные периоды или для определенных действий сходиться вновь. Уменьшение величины хозяйственных единиц и переход на мелкую и среднюю дичь привели и к изменению многих правил раздела продукции, поскольку теперь роль индивидуального охотника должна была учитываться сильнее. (Подробнее об этом в § 1, гл. 3.)

Однако в северных и некоторых других районах сохранялась возможность жить более или менее оседло, с сезонными перекочевками. При этом, если климат был подходящим, способы сохранения пищи были весьма разнообразны: копчение, вяление, заморозка, квашение, даже засолка, иногда и консервация.

Несомненны и большие успехи на других участках производства: в умении добывать огонь, в построении и освещении жилищ, создании одежды, хранилищ, транспорте (плоты, лодки, лыжи, сани-волокуши), количестве используемых материалов, производственном сознании (этногра-

---

¹²⁵ «Современные эксперименты показали огромное преимущество копьеметалки. Брошенное рукой двухметровое копьё пролетает не более 30-70 м, а копьеметалка посылает его на 150 м с такой силой, что оно убивает оленя в 30 м» (Придо Т. Ук. соч. С. 69).

¹²⁶ Широкое распространение в мезолите охоты на птицу было связано и с «усовершенствованием оружия, применением лука и стрел с тупыми наконечниками, метательных палок, изогнутых палиц» (Марков Г. Е. История хозяйства и первобытной культуры... С. 51).

фические народы часто удивляли европейцев способностью использовать сотни растений). Кое-где приручили собаку. Распространялось применение растительных ядов, в том числе и для рыбной ловли. В некоторых случаях появлялись и интенсивные способы рыболовства и поддержки поголовья рыбы, так что общества могли существовать на этой базе тысячи лет¹²⁷. В связи с миграциями усиливались контакты и, следовательно, быстрее распространялись достижения.

2.4. Основное противоречие. Высшие этапы охотничье-собираетельского принципа производства

Основное противоречие, как уже сказано, – это категория, которая конструирует те несоответствия между принципом производства и типом отчуждения, которые сначала являются источником поддержания формационной системы, а затем – источником ее кризиса и трансформации.

Но важно помнить, что оно формулируется для формации в целом, а потому носит весьма абстрактный характер, хотя так или иначе угадывается в каждом обществе системы данной формации. В каждом из них основное противоречие может иметь большие особенности и по проявлению, и по степени важности для него.

Вопреки распространенному мнению о том, что древние люди вечно страдали от голода, полевые исследования показали, что даже не в самых изобильных местах первобытные охотники и собиратели обеспечивали себя пищей в относительно короткое время. Конечно, они не жили в вечной праздности, но уже настолько приспособились к окружающей природе, что могли в среднем трудиться не более нескольких часов в сутки¹²⁸. При этом, если добытого хватало на последующие дни, то никто и не спешил продолжать «работу».

---

¹²⁷ См., например: Матюшин Г. Н. У колыбели истории. С. 180 и далее.

¹²⁸ Многие охотники-собиратели в среднем трудились 2–5 часов в день. (См.: The Origins of Agriculture. P. 179.)

Обязательно стоит отметить, что трудовая нагрузка часто распределялась очень неравномерно. Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (особенно при сезонных миграциях животных или рыбы, сборе дикорастущего урожая и т. п.). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин обычно была более равномерной.

По имени этнографа М. Салинза, привлекшего внимание к ситуации, при которой первобытные народы могут создавать излишек продукции (пищи и вещей), но не делают и не хотят этого делать, это назвали парадоксом Салинза¹²⁹. Однако это не парадокс, а скорее основополагающее условие жизни в этой формации, которому не противоречат временные голодовки и неудачи. И чем более благоприятна природа, тем меньше у людей потребности работать. Сегодня такой взгляд стал весьма распространенным¹³⁰.

Разумеется, современные первобытные народы могли отличаться по степени приспособленности от доисторических. Но думается, что такая экстраполяция вполне оправдана, поскольку наблюдения за самыми разными условиями в целом подтверждают сказанное. Археологические раскопки также говорят о достаточно продуктивных занятиях и аналогичных описанным приспособлениях.

Таким образом, основное противоречие первой формации можно сформулировать как **противоречие между возможностью производить больше, но отсутствием стимулов для этого. Иными словами, производитель может, но не считает нужным добывать благ больше обычных потребностей и общественных нужд. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.**

---

¹²⁹ В 50–60-е годы было собрано много фактов об этом разными этнографами. (См. об этом: Op. Cit. P. 179.) Салинз сам называл такие социумы обществами изобилия (affluent society). См.: Sahlin M. D. Stone Age Economics. Ch. 1.

¹³⁰ «Хотя и может показаться странным, но человек, ведущий первобытный образ жизни, располагает значительным досугом», – пишет один автор (Иди М. Недостающее звено. С. 29). «Человечество проделало путь от охоты и собирательства, когда вес имели время для праздности...» – вторит ему другой (Геллнер Э. Нации и национализм. С. 241).

Конечно, амплитуда различий в этом плане у разных племен была очень большой. Но в целом можно суммировать некоторые причины, по которым первобытные люди считали накопление бессмыслицей.

1. Многие не умели по-настоящему и надолго запастись пищей, тем более что во влажном климате все гниет, портится, уничтожается насекомыми и т. п. К тому же, если отсутствовала сезонность, то и запастись много не было резона: свежее мясо всегда предпочтут «консервам». Даже на севере мясо обычно не хранится слишком долго. Да в этом и нет особой нужды, запасы нужны лишь до нового заготовительного сезона¹³¹.

2. Во-вторых, при перекочевках лишний груз был в тягость, тем более если учесть, что женщины должны были нести детей.

3. Внутренняя потребность общества в накоплении отсутствовала, а обмен с другими был редок и слаб.

4. Общество не одобряло жадность и стяжательство, напротив, поощряло щедрость, а обычаи требовали делиться.

Итак, слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления; а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

Описанный принцип производства и основное противоречие соответствовали доэкономическому типу отчуждения. Общества были в основе своей эгалитарными, с уравнительным уклоном, но с половозрастным неравенством. (Подробнее об этом в § 1, гл. 3.) При этом социально труд не был заметно отделен от отдыха¹³². Речь идет именно о

---

¹³¹ Тут кстати отметить, что чисто по природным причинам собиратели в этом плане оказались в гораздо более выгодном положении, поскольку зерно, злаки, орехи и прочее могут храниться гораздо дольше, чем мясо, хотя их надо уметь прятать от грызунов.

¹³² Поэтому выражения «труд», «трудиться», «трудовая деятельность» для данного принципа производства достаточно условны.

социальном, а не психологическом аспекте. С одной стороны, труд еще не стал уделом социально слабых и презираемых и был достаточно почетен, с другой – праздность, когда для нее были условия, не воспринималась как порок.

Теперь посмотрим, как развивались принцип производства и основное противоречие на более поздних этапах.

В четвертом (зрелости) этапе многие качественные достижения распространяются на основные области хозяйства. Это ведет к росту производства, населения и излишка продукции. На дальнейших этапах экстенсивный тип хозяйствования сменяется интенсивным. Поскольку народы – собиратели урожая ретроспективно представляли собой более прогрессивную ветвь развития, рассмотрим такую эволюцию на их примере.

Использовались самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саговая пальма, тропические плоды и корнеплоды, даже желуди. Разумеется, охота и другие виды деятельности сохранялись. Важно отметить, что эти народы изобрели много орудий труда и приемов, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки, печи и выпечку теста, емкости для хранения зерна и муки, приемы ирригации и агрономии и др. Такое собирательство может быть очень продуктивным¹³³.

Следовательно, на пятом (высокой зрелости) и особенно шестом (подготовительном) этапах появлялся заметный излишек благ, который можно было запастись. Излишек так или иначе приводил к появлению **престижных благ**, таких, которые удобны в хранении и отчуждении и есть предмет зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Такими были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, украшения, лодки и т. п. Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения,

---

¹³³ «Сейчас выяснено, что в Галилее в дождливый сезон дикий эммер и ячмень дают урожай 500–800 кг с га. В Турции, пользуясь орудиями древних форм, исследователи за 1 час собирали до 1 кг зерна. Они подсчитали, что семья из четырех человек за три недели такой работы могла собрать тонну зерна» (Антонов Е. В. Примечания к книге Мелларта. С. 129).

которые иногда пытались подогнать под привычные «стандарты», иногда, напротив, выводили из-под них и в любом случае это означало усиление противоречия между новыми условиями и старыми отношениями и правилами.

На этих стадиях усиливается разделение труда в обществе, начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках руководителей и удачливых людей. Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обладание этими территориями¹³⁴. А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Народы – собиратели урожая кое в чем начинают помогать растениям¹³⁵. Такие приемы известны даже охотникам. Например, некоторые австралийцы при переселении брали на новые места родные растения¹³⁶. Очень интересный пример переходного от собирательского к аграрному хозяйству наблюдали в долине Оуэнса (в горах Сьерра-Невада), где индейцы строили дамбы, чтобы орошать дикорастущие злаки и другие растения¹³⁷. В целом важно отметить, что элементы ухода, полива и даже культивации растений имелись у собирателей и охотников самых разных частей мира, а не только там, где перешли к земледелию.

Таким образом, **шестой** этап принципа производства называется подготовительным потому, что здесь уже очень много элементов будущего принципа производства. Только не хватает того, вокруг которого все это завяжется в систему. И при создании определенных благоприятных возмож-

---

¹³⁴ Еще в XVIII веке один поселенец записал в своем дневнике: «...старые индейцы рассказывали... о том, что между сиу и чиппеваими происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями» (Липс Ю. Происхождение вещей. С. 105–106).

¹³⁵ Так, некоторые племена используя только дикое саго, другие преднамеренно прореживают его, что благоприятно, третьи иногда сажают отростки саго (см.: Шнирельман В. А. Собиратели саго. С. 183).

¹³⁶ См. об этом- Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. С. 365.

¹³⁷ Там же. С. 296.

ностей перерастет в самое примитивное сельское хозяйство. Но это все еще очень зыбко, неустойчиво, не играет решающей роли и, если отпадает необходимость, исчезнет¹³⁸.

На этапе зрелости общество обычно находит эффективные пути институционализации основного противоречия. В данном случае особенно важно отметить рост престижа удачливых охотников и добытчиков. Условно можно сказать, что блага, которые производитель отдает гостям, родственникам, соплеменникам, как бы обмениваются на престиж, который приобретают наиболее удачливые добытчики, и соответственно более высокий статус. Это достаточно обычно и для более поздних (и современной) эпох, когда дарения, пожертвования, благотворительность дают жертвователям престиж и известность. Но в первой формации не было иных форм накопления, поэтому данный приобретал большую значимость, которая постоянно росла.

Пока основное противоречие еще не кризисно, главное в нем, условно говоря, его **технический** аспект (сторона), то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности с неумением запасать, создавать богатство в виде престижных благ, отсутствием обмена и т. п. Достаточно характерна была огромная расточительность (позже в основном преодоленная): поджоги саванны, буша, лесов; несоблюдение «правил» охраны природы, что приводило к гибели животных, рыбы, дикорастущих растений и т. д.

Однако по мере того как новации ширятся, это техническое препятствие в значительной мере снимается и общество получает в свои руки техническую возможность запасать, обмениваться и прочее. Основное противоречие как

---

¹³⁸ Шнирельман рассказывает о группах индейцев северного побережья Калифорнийского залива, у которых земледелие носило крайне примитивный и подсобный характер. Если они узнавали о большом урожае диких растений, то бросали свой и уходили к диким растениям (Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. С. 295-296).

бы отодвигается и модифицируется. Теперь главным становится его общественный аспект (сторона)¹³⁹. Ведь хотя, казалось бы, уже можно производить гораздо больше, чем раньше, но сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производительные силы, отношения являются препятствием для дальнейшего развития.

Таким образом, разрешаясь в каких-то частностях, основное противоречие создает общее несоответствие производства и общественных отношений в еще большей степени¹⁴⁰. Ведь плотность населения растет, контакты увеличиваются, развиваются дарообмен и обмен. Если коллективы достаточно большие, то начинается выделение более авторитетных и богатых людей. Теперь уже полученный статус тем или иным образом позволял увеличивать и богатство. Словом, общество уже не то, но отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, имущественного неравенства, возможности передавать богатство потомкам, право отказать в помощи и т. д. В этом и состоит обострившееся противоречие.

У обществ, перешедших в шестой подготовительный этап, имеются различные пути для дальнейшего развития. В аспекте генеральной линии можно говорить о двух типах: перспективном и неперспективном. Первый тип связан с переходом к примитивному сельскому хозяйству. Появлялся новый и перспективный сектор экономики, в меньшей степени связанный с ограничениями присваивающего хозяйства. Второй – с перерастанием нормального уровня охотничье-собираетельского принципа производства благодаря особой щедрости природы, частичному разрешению противоречия и иным достижениям. Общества перерастают

---

¹³⁹ Понятия «техническая сторона», «общественная сторона» основного противоречия образованы по аналогии с понятиями «техническая и общественная стороны промышленного переворота».

¹⁴⁰ Для иллюстрации можно привести пример индейцев Северной Америки. Пока у них не было выючных животных, их имущество было небольшим. С момента разведения лошадей их грузы сильно увеличились. И те, у кого лошадей было мало, а значит, и мало имущества (бизонных шкур и другого), имели низкий статус.

шестой подготовительный, высший для генеральной линии этап, и тогда можно условно говорить о седьмом и восьмом этапах принципа производства.

Такие общества-переростки весьма похожи на общества ранних фаз следующего принципа производства. Но это дорога в тупик. И с точки зрения исторического процесса они становятся в конце концов маргинальными. Об этом еще будет сказано в следующем параграфе.

Таким образом, на ранних стадиях новой формации обе формации как бы сосуществуют в одних и тех же зонах. Одна уже идет по нисходящей линии, а другая по восходящей. Решаются одни и те же проблемы, но решаются принципиально по-разному.

§ 3. АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ АГРАРНО-РЕМЕСЛЕННОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

3.1. Варианты преодоления основного противоречия охотничье-собираательского принципа производства

Итак, расслоению социума, социальному неравенству и свободному накоплению богатства как способам разрешения основного противоречия жестко препятствовали обычай, традиции и нежелание перемен со стороны большинства. Только часть коллективов сумела справиться с этой проблемой. При этом генеральная линия преодоления основного противоречия лежала через **переход к новому принципу производства**. Но иногда разрешение этого противоречия оказывалось возможным и на базе присваивающего хозяйства.

Возьмем некоторые племена Северо-Западной Америки, допустим, тлинкитов¹⁴¹. Они охотились на морского зверя и

---

¹⁴¹ См. о них: Аверкиева Ю. П. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки (тлинкиты).

ловили лососевых, шедших в местные реки на нерест. У них существовало различие между богатыми и бедными, было много рабов (по некоторым данным, до 30% от всей численности жителей). Владелец раба мог убить или продать его. Часть добычи отдавалась вождю. Последний обладал большой властью и мог передавать ее по наследству. Нередки были войны, в т. ч. и за рабов. У этих индейцев получили развитие ремесло (плетение, ткачество, ковка меди и прочее), торговля и даже имелись деньги в виде пластин меди. Таким образом, перед нами уже не первобытное, а скорее, варварское общество. Оно даже, думается, во многом опережало в развитии примитивных земледельцев¹⁴².

Имея в виду именно такие ситуации, Э. Геллнер пишет: «Если верить Джеймсу Вудберну, важнейшее структурное изменение происходит уже внутри некоторых категорий обществ охотников и собирателей» и предшествует переходу к производящей экономике. Поэтому «в целом определение типа обществ по имеющейся экономической базе не оправдывает себя»¹⁴³. Иными словами, раз новые отношения могут возникнуть и на старом производственном базисе, то идея, что для перехода к новой формации нужны революционные изменения в производительных силах, «не оправдывает себя». И все же мысль К. Маркса, что народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие, остается неоспоримой.

Развитие существенно выше обычного для данного (и вообще любого) принципа производства за счет сверхизобильного природного (или иного) фактора – вполне объяснимое явление. Ведь **объем, характер и удобство хранения прибавочного продукта в огромной степени определяют уровень развития общества.** И раз такой из-

---

¹⁴² Впрочем, следует учитывать, что там, где земледелие было заимствовано, исходный уровень развития мог быть намного ниже, чем в обществах, самостоятельно перешедших к нему.

¹⁴³ Геллнер Э. Нации и национализм. С. 240, 241.

лишек возможен в рамках старых технологий, то он будет объективно толкать общество к частичному преодолению противоречий¹⁴⁴. Но это в конечном счете путь в тупик. Почему?

Дело в том, что переход к новому принципу производства не просто создает больше продукции. Он меняет всю хозяйственную жизнь и ведет к огромному росту населения, что, в свою очередь, трансформирует многие отношения. Главное же – во всемирно-историческом плане **переход к нему означает создание не просто новой, но такой системы хозяйствования, которая имеет большие потенции в будущем и способна быть предметом широкого распространения и заимствования.**

Преодоление же основного противоречия на базе особых природных условий не имеет таких потенций. Ведь исключительные условия потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и главное – **не способны быть предметом заимствования и распространения для других.** Но такие варианты играют важную эволюционную роль. Ибо прежде чем произойдет переход к новому принципу производства, должен появиться целый спектр различных ответов на эту задачу, а уже среди них, возможно, родится наиболее перспективный.

3.2. Аграрная революция: основные характеристики

Аграрная революция заняла тысячелетия, но, несмотря на такой медленный, с сегодняшней точки зрения, темп, она резко ускорила ход истории. Сначала мы определим

---

¹⁴⁴ «В самом деле, для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. С. 400).

сущность этого явления, а потом его причины и этапы.

Предварительно хотел бы оговориться. Доместикация животных – такая же неотъемлемая часть аграрной революции, как и растений. Но с точки зрения генеральной линии исторического развития, растениеводство выглядит более важным, чем животноводство. Конечно, зрелые формы аграрно-ремесленного принципа производства немислимы без последнего. Но по крайней мере некоторые варианты аграрной революции и ранние этапы этого принципа производства могли быть совершены на базе исключительно (или главным образом) растениеводства. Цивилизации Латинской Америки являются здесь классическим примером.

В отличие от земледелия животноводство долго не могло быть главной отраслью¹⁴⁵, а когда стало таковой, способно было прокормить во много раз меньше населения, чем земледелие. И на его базе не могли возникнуть ни государственность (если не было контактов с более развитыми соседями), ни тем более цивилизация. Поэтому животноводство можно считать в рамках генеральной линии дополнительной отраслью, по крайней мере очень длительное время. Следовательно, правомерно определять границы этапов производственной революции по земледелию.

Дать однозначное определение аграрной революции весьма затруднительно. **В самом широком плане это революция, которая ограничивает власть природы над человеческим обществом**¹⁴⁶. В ее ходе «человек впервые подчинил непосредственные природные процессы своему контролирующему воздействию. Там он использовал глав-

---

¹⁴⁵ Появление первых полукочевников в Передней Азии имело место не раньше V-IV тысячелетий до н. э. (История первобытного общества. Эпоха классового разования. С. 39). То есть такое еще не полностью специализированное хозяйство выделилось лишь через три тысячи лет после появления сельского хозяйства, и лишь много позже сложилось хозяйство классических кочевников.

¹⁴⁶ «Подлинный экономический секрет земледельческой революции заключается в том, что земледелие – ив этом его всемирно-историческое значение – дало в руки человека новое, могущественное средство производства – землю» (Вахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи. С. 275).

ным образом биологические процессы почти в том виде, как они существовали в природе»¹⁴⁷. Географические препятствия были уменьшены благодаря развитию транспорта, коммуникаций и расширению контактов. Но роль природного фактора все еще оставалась огромной.

По распространенному и совершенно верному мнению, эта революция **есть переход от присвоения пищи к ее производству**. Но стоит уточнить: *она связана не просто с созданием пищи, но и с возможностью запастись ее в больших объемах, в том числе и в виде домашнего скота, а также с созданием огромного числа удобных для запасов и практически бесконечно долгого хранения благ, олицетворявших богатство*. Важной чертой ее было открытие новых материалов и источников энергии, в том числе силы животных.

Она не только привела к созданию **производящего хозяйства**, но и открыла новые движущие силы развития в виде разделения труда¹⁴⁸. И в ее ходе, и после нее этот процесс стал спутником общества, пока ручной труд не дошел до своего предельного разделения в мануфактурах.

Первый этап этой революции привел к победе нового (но еще незрелого) принципа производства. Второй – к утверждению интенсивного хозяйства. Уже первый этап способствовал выделению ремесла и торговли, со второго они стали самостоятельными областями производства. И по мере дальнейшего развития роль ремесла, торговли и кредита становится все более важной.

Магистральными путями перехода к интенсивному земледелию были сначала ирригационные, а потом плужное неполивное хозяйство. Однако имелись и иные варианты второго этапа аграрной революции. В некоторых

---

¹⁴⁷ Материалистическая диалектика. Т. 4. С. 313.

¹⁴⁸ Внутри сельского хозяйства между растениеводством и животноводством, а также внутри каждого из них; между сельским хозяйством и ремеслом, между ними и торговлей; внутри ремесла и торговли; между производственной и социальной деятельностью (по управлению, военной, интеллектуальной и прочая) и т. д.

местах они были связаны с выведением высокоурожайных сортов (например, у майя), в других – с комбинированным хозяйством: частично селекция, частично ирригация (или ирригация и богарная пашня, как в некоторых районах Индии). Одним из вариантов мог быть переход от выращивания клубневых к зерновым. В отдельных обществах аграрный переворот шел в три этапа: овощи, зерновое неполивное, зерновое поливное¹⁴⁹. А при чистом заимствовании мог быть всего один этап.

Интенсивное земледелие связано в первую очередь с зерновыми. Исследователи давно обратили внимание, что все цивилизации так или иначе связаны именно с зерновыми культурами¹⁵⁰. Многие общества были не способны перейти до второй фазы сельскохозяйственной революции как раз из-за того, что начали разводить «тупиковые» культуры (то же касается и специализации животноводства). Ведь иные сельскохозяйственные народы, по сути, были лишь огородниками, разводя тыквы, горох, огурцы, капусту, бобы и т. п. Это касается и клубне- и корнеплодов, например, таро и ямса. Клубни не только менее калорийны, но и хуже сохраняются, а объем имеют намного больший, чем зерно. Иное дело, скажем, кукуруза или рис. Огромное значение имели также пшеница, рожь, овес. Конечно, в копилку человечества вошли все культуры и животные, но «локомотивными» оказались лишь некоторые.

Рассмотрим теперь некоторые причины перехода к сельскому хозяйству. Как уже сказано, этнографии известно много примеров, когда охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ народы старались помогать природе в выращивании растений, в том числе окультуривая и поливая почву. Очевидно, что если люди осознают благотворность новинок, то при соответствующих условиях раньше или позже неизбежен качественный рывок. Это, так сказать, общие эволюционные

---

¹⁴⁹ В этом случае средний этап таких изменений в отдельных обществах можно соотносить с перерывом между двумя этапами аграрной революции в мировом масштабе.

¹⁵⁰ См., например: The Origins of Agriculture. P. 879.

предпосылки.

Земледелие, скорее всего, впервые появляется у каких-то собирателей урожая. Что же касается скотоводства, то тут меньше ясности. Есть предположения, что обе формы возникли почти одновременно у тех же народов. Но многие археологические данные говорят о более позднем по сравнению с земледелием рождении животноводства. И роль его была, как сказано, в целом меньшей¹⁵¹.

Переход к приручению животных прослеживается сложнее, чем к земледелию. Не сходятся исследователи и на объяснении мотивов сохранения животных. Последние могли быть разными, но важно, чтобы люди имели достаток в питании, позволяющий сохранять животных. У народов – собирателей урожая при наличии подходящих животных были для этого хорошие возможности. Так, собиратели саго откармливали им свиней¹⁵².

В целом весьма вероятно, что к переходу к сельскому хозяйству могли побудить какие-то переломные обстоятельства (природного или социального типа), например, «в период ухудшения климатической обстановки, создавшего кризисную ситуацию для прежней системы хозяйства»¹⁵³. Не лишено оснований и утверждение Ч. Рида, что рост населения был одним из факторов, даже если не всегда это можно доказать, предшествующих первоначальному сельскому хозяйству¹⁵⁴. Демографическое давление для ранних периодов истории – вообще одна из важнейших движущих сил.

Однако не исключено, что переход мог происходить и

---

¹⁵¹ «Скотоводство получило распространение в более узком регионе, чем земледелие... Для раннего скотоводства характерно содержание небольшого числа в основном мелких животных (коз, овец, свиней, морских свинок)... На первых порах уход за скотом сводился к минимуму, и скот находился в основном на вольном выпасе» (Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 396).

¹⁵² См.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. С. 184. Шнирельман считает, что белковое обеднение рациона земледельцев могло вести к доместикации животных (Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 368–369).

¹⁵³ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 272.

¹⁵⁴ The Origins of Agriculture. P. 890.

на подъеме производства, например, при складывании товарного хозяйства, или по каким-то иным причинам, побуждающим людей увеличивать (или сохранять при колебаниях) объемы производства. Это могло быть временным или эпизодическим явлением, важно, что сама технология искусственного выращивания растений была уже известна. Например, есть весьма правдоподобное предположение, что искусственный посев растений мог производиться с религиозными целями.

Такая ситуация как бы конкретизирует основное противоречие первой формации: общества могут, но не хотят производить больше, а также знают иные способы производства, но не применяют их или применяют от случая к случаю¹⁵⁵.

Данное предположение соотносится и с очень верной мыслью Шнирельмана о том, что сложность перехода к производящему хозяйству заключалась не в выработке каких-то новых знаний и техники, а прежде всего в перестройке жизненного уклада¹⁵⁶.

Следовательно, в переходе к новому принципу производства самое главное – создание производственной системы, в которой эти новинки станут стержнем.

Поэтому даже первичный (или независимый) переход к сельскому хозяйству не означает обязательного самостоятельного открытия самих производственных новинок. Иными словами, мне кажется весьма правдоподобным, что земледелие и скотоводство скорее всего изобретаются в обществах-переростках как дополнительный и неважный в общем объеме сектор. В этих социумах в связи с изобилием есть возможность поиска, но в то же время нет возможности для перестройки, так как они уже проскочили нужный

---

¹⁵⁵ Поэтому как вариант можно рассматривать ситуацию, когда переход к выращиванию растений был способом уйти от традиционных отношений присваивающего хозяйства для отдельных лиц или групп. И, как это обычно бывает в исторической эволюции, способ решения конкретной задачи (конфликта) оказался в потенции механизмом разрешения глобальной проблемы.

¹⁵⁶ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 371.

период. Зато общества, менее продвинутое, главные достоинства которых заключались в способности к заимствованиям и к структурным перестройкам, могли перенять такие достижения и сделать их основой для своего развития.

Поэтому я думаю, что первые следы земледелия – это еще не начало аграрной революции, а только подготовка к ней в недрах старого принципа производства.

Такое разделение во времени и пространстве изобретения сельского хозяйства и перехода к нему важно не только для выяснения причин аграрной революции (ведь легче перейти к новому, используя уже готовые технологии, чем сразу и изобрести технологии, и перестроить систему хозяйства). Оно важно и для выяснения, с какого же момента надо определять ее начало.

Думается, нельзя считать таким началом момент, когда в присваивающем хозяйстве появились какие-то элементы производящего (эпизодическая культивация растений или полуприручение каких-то животных), которые либо не играют важной роли, либо призваны именно усовершенствовать старый тип (как санный транспорт с собаками у ряда северных индейцев). Такие нововведения способны интегрироваться в него и существовать очень долго, не вызывая постоянных качественных перемен к новому¹⁵⁷. Например, прибрежные рыболовы иногда выращивали технические растения для изготовления сетей, веревок, корзин, циновок и прочего, а также высокотоксичные растения для глушения рыбы¹⁵⁸.

Переход начинается, когда новое, появившись, ведет к постоянным переменам, все более сильным, пока эти нововведения не станут самостоятельным сектором.

Первичное возникновение наиболее важного зернового хозяйства могло произойти только в определенных природных условиях. Многие сходятся на том, что такое растение-

---

¹⁵⁷ То же можно сказать и об отдельных машинах в древности и средневековье.

¹⁵⁸ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 122–123.

водство впервые зарождается в горных очагах, где были подходящий микроклимат и много растений¹⁵⁹. По словам Шнирельмана, в литературе давно высказывалась гипотеза о том, что древнейшее земледелие возникло на таких горных участках, где существовала периферия ареалов диких сородичей культурных растений, поскольку именно на таких окраинах потребность в земледелии чувствовалась наиболее остро¹⁶⁰. Высказывается также мнение, что в таких местах колебания климата заставляли людей не только заниматься сбором растений, но и стремиться поддерживать их существование путем создания благоприятных условий¹⁶¹.

3.3. Аграрная революция: основные этапы и варианты

Предполагают, что дикие злаки стали культивировать раньше всего на склонах Палестины. Но есть и предположения, что в Междуречье Тигра и Евфрата¹⁶². Во всяком случае, где-то на Ближнем Востоке.

Шнирельман (как и некоторые другие авторы) выделяет три этапа становления производящего хозяйства (то есть первого этапа аграрной революции).

Этап А. Вызревание предпосылок для перехода к производящему хозяйству у охотников, рыболовов и собирателей.

Этап Б. Возникновение земледелия и скотоводства в качестве уклада в рамках присваивающего хозяйства.

Этап В. Победа земледельческо-скотоводческого образа жизни и завершение процесса становления производящего

---

¹⁵⁹ Это происходит, вероятнее всего, «лишь в определенных зонах – горных засушливых районах с теплым субтропическим климатом, создавшим обилие природных микрорайонов на сравнительно узкой территории, и обладавших богатейшей и разнообразной флорой, в том числе дикорастущими злаками» (Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. С. 50-51).

¹⁶⁰ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 273.

¹⁶¹ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. С. 128.

¹⁶² Алексеев В. П. Становление человечества. С. 418.

хозяйства¹⁶³.

Такая периодизация подчеркивает непростой путь к сельскому хозяйству. Но с учетом высказанных выше мыслей ее можно сделать и более подробной. Тогда в процессе перехода к примитивному сельскому хозяйству во всемирно-историческом масштабе можно выделить такие стадии:

1. Возникновение предпосылок для технического изобретения сельского хозяйства.

2. Начало domestikации растений и животных (техническое изобретение сельского хозяйства, не имеющее серьезного значения для структуры изобретших его обществ).

3. Возникновение предпосылок для перехода к производящему хозяйству.

4. Начало перехода.

5. Сельское хозяйство становится заметным укладом.

6. Сельское хозяйство становится наиболее динамичным (престижным) укладом и имеется уже в ряде обществ, но в валовом производстве еще не преобладает.

7. Происходит первичный обмен достижениями. Победа сельского хозяйства и земледельческо-скотоводческого образа жизни в достаточно крупном регионе.

Из этих семи стадий первые три принадлежат еще при-сваивающему принципу производства. И если исходить из идеи, что первые следы земледелия еще не начало аграрной революции, то, вновь оговариваясь, что датировки весьма условны и спорны, можно считать, что эти три ступеньки относятся к периоду 15–12 тыс. лет назад.

Ступеньки 4–7, то есть собственно первый этап аграрной революции, можно датировать 12–9 тыс. лет назад (с поправкой в полтысячи лет). От первых памятников, «бесспорно, содержащих материал, свидетельствующий о вполне оформившемся земледелии»¹⁶⁴, до периода, когда земледелие распространилось в Малую Азию и на Кавказ¹⁶⁵, то есть формирования Переднеазиатского региона

---

¹⁶³ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 364–371.

¹⁶⁴ Алексеев В. П. Ук. соч. С. 413.

¹⁶⁵ Там же. С. 418.

земледелия. В этот же период укладываются и первые сведения об одомашнивании коз и овец (9–10 тыс. лет назад). Но они недостаточно убедительны. Бесспорными считаются сведения о периоде VI тысячелетия до н. э. (7–8 тыс. лет назад)¹⁶⁶.

Между первым и вторым этапами аграрной революции лежит перерыв, или период количественных изменений. Он включает в себя образование новых очагов земледелия (и животноводства), распространение из Передней Азии сельскохозяйственных культур в другие регионы (в частности в европейское Средиземноморье и в Северную Африку), обмен достижениями между и внутри очагов. Условно этот этап можно датировать 8–5 тыс. лет назад (или конец VII – конец IV тысячелетия до н. э.), до формирования ирригационного хозяйства Древнего Египта. В этот период приручаются первые тягловые животные – быки, а также зарождается земледелие и в Новом Свете. Как сказано, идет активный обмен достижениями, новый принцип производства становится более широким явлением, чем просто сумма успехов отдельных очагов.

Разумеется, разница между качественной и количественной стороной относительна. Например, стоит обратить внимание, что приспособление растений и животных к местным условиям часто не было легким делом. Многие растения или их сорта не сразу приживались в каких-то почвах, климате. Словом, такое приспособление всегда являлось новаторством и позволяло расширять видовую базу принципа производства.

В этот период активно идут вырубка лесов, расчистка пашни, освоение целины на базе уже сложившихся технологий и агротехнических навыков. Подсечное (подсечно-огневое) земледелие возникло далеко не сразу. Его роль в изменении образа жизни и природы очень велика. Но хотя технологически это уровень первого этапа аграрной революции и такой способ широко применялся и в каменном

---

¹⁶⁶ Там же. С. 436.

веке, наибольшее распространение этот метод хозяйствования получил уже после образования очагов интенсивного ирригационного земледелия и развития металлургии, особенно железной. Ибо без топоров превратить миллионы га леса в сельскохозяйственные земли было невысказано.

Уже медный топор сильно сокращал затраты труда при рубке деревьев. Еще более продуктивным был железный. И появление металлических орудий уже было большей гарантией против возврата к присваивающим формам в случае изменения природной среды. Человек был способен бороться с лесом¹⁶⁷.

Второй этап аграрной революции в первом своем варианте представлял переход к орошаемому земледелию. Уже издавна использовали воду ручьев и прудов, затем научились регулировать разливы больших рек и рыть каналы, запасать воду на засушливый период. При плодородных почвах результаты были поразительными. Теоретически важно отметить, что в районах больших рек и благоприятных условий (мягких почв) для перехода к поливному земледелию, которое и было основой для появления государств и цивилизаций, особой техники и металлов в целом не требовалось. Мало того, иногда техника была совершенно примитивной.

«...Инки пользовались простой заостренной палкой с опорой для ноги, чтобы рыхлить землю под посевы. Но они же построили целую систему насыпных террас-полей, снабдили свои земли искусственным орошением, для чего проложили каналы иной раз в десятки и даже более ста километров длиной. Отдельные участки этих каналов и многие насыпные террасы действуют и поныне. Инки поняли

---

¹⁶⁷ Индийский автор пишет: «Мощная аграрная экспансия в изобилующую дождями аллювиальную зону среднего Ганга невозможна без расчистки джунглей. Конечно, для этого практиковалось их выжигание, однако, чтобы сделать землю пригодной для обработки и строительства поселений, необходимо было выкорчевывать пни, причем деревья в этом ареале дают в земле горизонтальные корни. Просто невысказано представить, чтобы все это можно было делать без железного топора и железной мотыги» (Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. С. 363).

значение удобрения, необходимость использовать его постоянно. Птичий помет – знаменитое и сегодня гуано – стал эффективным средством повышения урожая, а в бесплодных песках Тихоокеанского побережья индейцы придумали способ посева кукурузы, позволявший собирать там обильный урожай»¹⁶⁸.

Таким образом, в благоприятных природных условиях решающим фактором совершения второго этапа аграрной революции выступала не техника, а ирригация, селекция, агрономические приемы, использование государственной власти для организации работ, которые позволяли ввести в оборот плодородные земли либо решительно повысить их урожайность¹⁶⁹.

Однако на более зрелых этапах в этих плодородных местах появляется и техника. И не только водополивочная. Скорее всего, именно в Египте (но, может быть, и в Междуречье) изобрели плуг¹⁷⁰ и возможность использовать для пахоты быков. Этот гигантский шаг для них все же был менее революционным, чем ирригация. Зато исключительно важными эти достижения оказались для тех районов, где земледелие было дождевым. Только с появлением упряжных животных и плуга (да еще с металлическим лемехом) в Европе и других местах мог совершиться второй этап сельскохозяйственной революции. И только с ним туда пришла цивилизация. При этом на втором этапе возросла и роль животноводства.

Тут кстати уточнить вопрос о соотношении производственной и технической революций. *Техническая революция* – только часть производственной, правда, часть неотъемлемая. Однако если в промышленной революции техническая

---

¹⁶⁸ Кузьмищев В. Царство сынов солнца. С. 126.

¹⁶⁹ Стоит добавить, что и много позже железо в главном секторе – экономике – далеко не везде играло решающую роль. Я не говорю уже о таких отраслях, как виноградарство и садоводство, интенсивное овощеводство. Но и на легких лесных почвах, и там, где целина уже поднята, долгое время можно обходиться сохой с железным наконечником, а то и просто деревянной сохой. Это все еще раз подчеркивает, что (особенно на ранних этапах) щедрость природы не требует слишком высокой техники.

¹⁷⁰ Но он был еще очень примитивным, точнее, это был даже не плуг, а древнее рало.

часть оказалась центральной, то в аграрной роль техники была существенно меньше. При соответствующих природных условиях в ряде обществ и регионов она могла завершиться даже без металлов. Но в мировом масштабе аграрная революция без технической закончиться не может. Ибо без нее невозможно было, во-первых, задействовать достаточные объемы географической среды, во-вторых, сформировать нужное разнообразие вариантов интенсивного сельского хозяйства.

§ 4. ЗРЕЛЫЕ ЭТАПЫ АГРАРНО-РЕМЕСЛЕННОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

4.1. Черты и характеристики аграрно-ремесленного принципа производства

Итак, первый этап этого принципа производства был связан с началом перехода к новым формам хозяйства, а второй – с победой земледельческо-скотоводческого образа жизни на значительной территории. Однако охота и собирательство еще долго играли очень заметную роль.

На этих этапах появляется и делает заметные успехи собственно ремесло, то есть работа уже не для удовлетворения потребностей домохозяйства (домашние промыслы), а специализация на какой-то деятельности и работа на заказ или рынок. Отделение ремесла от сельского хозяйства и домашних промыслов – длительный и часто непростой процесс, завершающийся (и то не полностью) лишь на зрелых этапах данного принципа производства.

Техника обработки камня доводится до совершенства. А у обществ, вступивших в эту фазу хронологически позже, появляется металлургия. В зависимости от разных обстоятельств важную роль могли играть гончарство, ткачество, плетение, изготовление лодок, резка камня и кости, плотницкое дело, а также производство различных престижных и ритуальных предметов. Есть мнение, что на первых порах наиболее престижные или доходные виды ремес-

ла могли сосредоточиваться в руках знатных родов и семей.

Первобытная уравнительность, нежелание делать большие запасы и прочие проявления остаточного противоречия чувствовались еще очень сильно. Известны случаи, когда требование дележа не позволяло сохранить даже семейной фонд¹⁷¹. И все же новый сектор обычно был менее опутан старыми традициями, чем прежние занятия¹⁷². Не случайно формирование любого принципа производства начинается в новых (технологически или географически) секторах. На этом этапе в целом люди стали работать больше, чем раньше, а производитель был сильнее заинтересован в результатах своего труда. Существенным стимулом для накопления являлись общие празднества¹⁷³ и другие формы престижной экономики. Схематически возможный путь устранения основного противоречия заключался сначала в развитии родовой собственности и укреплении власти родовой знати, затем в усилении неравенства, отчуждении продукта у соседей, сломе родовых и общинных препонов и в конце концов в переходе к государственности.

На первых двух этапах известны случаи, когда общества под влиянием изменившегося природного фактора возвращались к прежним присваивающим занятиям. Позже подобного не бывает. Ведь **третий (расцвета) этап** принципа производства, то есть второй этап производственной революции, открывает и утверждает для развития производительных сил качественно иные возможности. Последние в значительной мере уже существовали, теперь они развились и сложились в систему, обладающую мощными потенциями. **Совершается переход к интенсивному земледелию**, в результате выделяются в самостоятельные области скотоводство, ремесло и торговля (но процесс общественного разделения труда идет и на последующих этапах). Именно в этот период появляются первые, слабые еще

---

¹⁷¹ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 371.

¹⁷² См., например: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 356.

¹⁷³ Иногда к ним готовились годами, уничтожали в короткий срок столько продуктов, что потом могли длительное время недоедать.

государства. В течение третьего этапа (где-то позже, где-то раньше) образуются уже и крупные государства. Вместе с этим увеличивается и роль государственного регулирования.

Поскольку урбанизация в целом связана с усложнением общества и социального разделения труда, для этого этапа обязательно наличие городов. Функции их были различны, далеко не всегда связаны с ремеслом и даже торговлей. С появлением профессиональных воинов и управителей они становятся административными центрами, куда стекается знать. Нередко они были крепостями, центрами политической или религиозной жизни. Часто города господствовали над сельской округой, эксплуатируя ее с помощью близости к власти, силы или денег.

Но хотя крупные города существовали и в обществах, подобных инкскому, то есть без товарно-денежных отношений, за счет централизованного перераспределения продуктов, однако в мировом масштабе урбанизация без рыночных отношений и торговли не могла достигнуть высокого уровня. Поэтому расцвет городской культуры приходится на более поздние этапы. С другой стороны, города появляются в некоторых случаях очень рано. Один из древнейших (если не самый древний) городов на Земле, Иерихон, в Палестине возник более 10 тыс. лет назад. Население его составляло 2 или более тыс. человек.

С переходом к интенсивному земледелию резко, взрывным образом, стало расти население Земли, составлявшее теперь десятки, а на более поздних – и сотни миллионов человек¹⁷⁴.

Выход на систему самодостаточного интенсивного сельского хозяйства составляет смысл четвертого (зрелости) этапа¹⁷⁵. Во многом это было связано с необходимостью

---

¹⁷⁴ Правда, демографические характеристики не представляли линейную функцию, так как подъем и рост чередуются со стагнацией, уменьшением, а время от времени и катастрофическим уменьшением населения.

¹⁷⁵ Вариантов интенсивного хозяйства было много, один из них: комбинированное растениеводческо-животноводческое хозяйство, в котором один сектор поддерживает другой (корма и удобрения, чередование культур, выпас и т. п.). В ряде стран такой переход задерживался из-за огромных резервов неиспользуемой земли.

увеличить производство различной продукции как для растущего населения, так прежде всего для возросших потребностей государственной власти и правящего класса (в том числе для военных нужд), а также с расширением зоны цивилизации и интенсивными контактами между ее частями.

Этот этап характерен расширением зоны хозяйственной деятельности. В частности, все шире распространяется пашенное земледелие с упряжными животными. Усовершенствуются плуги. Развивается принудительное орошение, причем оросительные приспособления имели высокую производительность. Так, с помощью шадуфа для поливки высоко расположенных полей можно было поднять в течение часа на высоту 2 м 3400 л воды, на 3 м – 2700 л, на 4 м – 2080 л, на 5 м – 1880 л, на 6 м – 1650 л¹⁷⁶.

С переходом на использование мускульной и двигательной силы животных наступает зрелость животноводства. Но процесс перехода от разведения животных просто для пищи к активному их использованию как энергетического источника, транспорта и в виде «тяжелых машин» был небыстрым¹⁷⁷. Существенно влияли на это, как и вообще на производство, военные цели. Самые неразвитые народы, веками игнорировавшие простейшие изменения в быту, охотно заимствовали военные новинки. Приручение лошади изменило военное дело. Именно она (и верблюды) сделали кочевников при их малочисленности столь грозными¹⁷⁸.

Интенсивная специализация, кооперация, торговля и прочие формы контактов, обмена и разделения труда и составляют смысл пятого – высокой зрелости – этапа. Расточительность в плане использования природы умень-

---

¹⁷⁶ См.: Экономическая история капиталистических стран. С. 28.

¹⁷⁷ Так, хотя лошадь, по некоторым данным, была приручена во 2 тыс. до н. э., использовать для пахоты ее стали много позже, когда в VIII или IX в. н. э. в Европе был изобретен (или заимствован) хомут, чтобы не сдавливать животному горло. Это дало возможность перевозить на нем намного больше грузов. Теперь крестьяне могли использовать лошадь в самых разных целях, гораздо легче оттаивать новые земли и переселяться.

¹⁷⁸ «Использование верблюда в Северной Африке в военных целях можно сравнить с появлением огнестрельного оружия» (Ковальска-Левицка А. Мавритания. С. 84).

шается. Происходит выделение сотен ремесленных специальностей, идет развитие денежно-кредитных отношений, торговли, наконец, появление промышленности, бурный рост городов. Сельское хозяйство становится все более и более интенсивным, специализированным. Во многих случаях создается система город – пригородное сельское хозяйство.

Тут к месту пояснить, что этот принцип производства назван аграрно-ремесленным, поскольку в зрелый его период ремесло является обязательным атрибутом любого общества. То же можно сказать и о торговле. В некоторых обществах торговля как самостоятельный и важный сектор появляется едва ли не раньше сельского хозяйства. Поэтому точнее было бы говорить об аграрно-торгово-ремесленном, но уж очень громоздкое и неудобное название. Важно иметь в виду, что, став самостоятельными, ремесло и особенно торговля в некоторых случаях могли выполнять функциональную роль интенсивного сельского хозяйства. Это значит, что там, где проходили выгодные пути транзитной торговли или добывались дорогие полезные ископаемые (золото, соль), могли появиться государства (или аналогичные им образования) даже на базе скотоводства или примитивного земледелия за счет прибавочного продукта, получаемого от несельскохозяйственных отраслей¹⁷⁹.

4.2. Основное противоречие

Это противоречие между возможностями к росту производства и населения, техническому совершенствованию, использованию накопленного для расширенного воспроизводства, с одной стороны, и внеэкономическим отчуждением, а также таким регулированием

---

¹⁷⁹ У кочевников к этому добавлялся (иногда становился ведущим) военный грабеж. Успешным войнам и политогснесу у них могло способствовать ремесло, особенно металлургия. Так, выплавка железа и кузнечное ремесло способствовали образованию и успехам Тюркского каганата в VI веке н. э.

деятельности и потребления, которое лишает производителя стимулов к расширению хозяйства и к производительному использованию богатства – с другой.

Говоря иначе, отчуждалось много прибавочного продукта, но последний либо превращался в непроизводительное богатство, либо транжирился и служил источником паразитизма. Обратная связь между распределением и производством, когда часть прибавочного продукта вкладывают в развитие хозяйства, была весьма слабой (кроме отдельных периодов). Личная инициатива сдерживалась. Удобство для власти и высших групп эксплуатировать и держать в подчинении население вело к консервации данных отношений.

Вот некоторые из проявлений основного противоречия:

– в обществах, где не освободились от родовых обычаев, продолжали мешать уравнивательные тенденции, отсутствие права наследования, всякого рода традиции, разорявшие крестьян (круговая порука, пышные похороны, свадьбы, помощь многочисленной родне и т. п.);

– войны и грабежи постоянно разрушали созданное, губили население, препятствовали накоплению;

– там, где внеэкономическое отчуждение было жестким (рабство, крепостничество), производитель вообще лишался стимулов к развитию и, напротив, стремился к тому, чтобы меньше работать или скрыть накопленное. Отсюда технический застой и жалобы на лень рабов, бегство крестьян. Свободное же население нередко считало труд позором;

– сильно влияло регламентирование производства (рабочий день, заработок, приемы работы) и потребления. Нередко законы строго оговаривали, какому званию что носить, есть, пить и т. д. Производитель-организатор был стеснен в своих действиях;

– религия и обычаи почти повсеместно не одобряли накопление, стремление к прибыли, а, напротив, щедрость и праздность;

– частная собственность, особенно в виде капиталов (денег, товаров), занимала соответствующее ей место в эконо-

мической жизни только как исключение. Собственник не имел достаточной защиты, неприкосновенности, стабильности, нужных законов;

– налоги и повинности часто были разорительными, а непроизводительное потребление чрезмерным. Государство гигантские средства и труд тратило на военные цели, строительство, содержание двора и т. п. Земельные собственники и местные правители содержали тысячи прихлебателей, соперничая в роскоши друг с другом. Церковь увлекалась украшательством. Мало кто из власть имущих видел главное достоинство в росте производства и поощрении производительных слоев. Но очень многие – в военной славе, роскоши и забавах.

Итак, данный принцип производства почти везде, а в ряде мест особенно, был способен создавать большой излишек благ. И если бы последний – хоть в определенной своей части – постоянно использовался производительно, а хозяйственная инициатива поощрялась, развитие шло бы гораздо быстрее. К сожалению, такое отмечается сравнительно редко¹⁸⁰.

И только когда Европа сумела перейти к системе, где часть экономики могла под военной и политической защитой государства развиваться несколько более свободно и самостоятельно, начался процесс наращивания производства и переход к промышленной революции.

Основное противоречие складывается в период зрелости формации, когда производительные силы еще не реализовали своих потенциалов, поэтому общественные отношения в достаточной мере соответствовали им. Главная задача в области экономики: защитить население от нашествий, поддержать внутренний порядок и не сделать бремя повинностей непосильным – лучше или хуже решалась на этапе зрелости с помощью государства. Но на дальнейших этапах

---

¹⁸⁰ В некоторые периоды, когда государство остро нуждалось в восстановлении хозяйства, оно поощряло хозяйственную инициативу, закрепляло освоенные площади за работником, снижало налоговое бремя, карало тех, кто лихоимничал, и т. п. Но это обычно не продолжалось слишком долго.

развитие производительных сил начинает обгонять рост экономических и иных отношений и в значительной степени уже решает технические проблемы, не решаемые ранее.

Техническая сторона основного противоречия заключалась в недостатке удобных способов накопления, сохранения и циркуляции благ. Ведь в натуральном виде богатства, во-первых, были слишком громоздки и неудобны в хранении, во-вторых, при господстве натурального хозяйства разделения труда оказывалось недостаточным. Это в частности выражалось в слабой производительности и низком качестве ремесленного производства. Частично это преодолевалось путем государственного регулирования. Но очевидно, что рост прибавочного продукта в такой форме имел физические пределы.

Этот технический аспект разрешался путем развития торговли, товарно-денежных и договорных отношений, постоянным разделением труда. В Египте натуральность хозяйства до эпохи эллинизма не удалось преодолеть, поэтому торговля всегда была там второстепенной отраслью, а ремесленники работали в основном на государство или на заказ. Гораздо дальше развитие денежных отношений и торговли пошло в Междуречье. И еще более в торговых обществах Средиземноморья I тыс. до н. э. Появление золотой монеты придало богатству не только компактную, но исключительно мобильную и удобную форму, а кредит позволял развивать дальнюю торговлю и вращать большими капиталами. В римскую эпоху появились и юридические формы более удобного распоряжения богатством. Наконец в I тыс. н. э. в Индии, арабском мире, Китае указанные отношения достигают еще более высокого уровня и масштаба¹⁸¹.

Но такое развитие производства и обмена обостряло общественную часть основного противоречия. В Римском мире это выразилось в кризисе рабовладения. В странах же Востока производство могло развиваться только под защи-

---

¹⁸¹ Например, бумажные деньги в Китае.

той государства, так как смуты, распад и прочее вели к катастрофическим последствиям. При ослаблении власти частная собственность получала силу, но стремилась не к увеличению производства, а к паразитизму¹⁸². Сильное же государство сдерживало рост производства, препятствовало поиску нового. Экономика и политика не были разделены.

Наконец, в начале II тыс. н. э. в Италии и некоторых частях Европы, благодаря заимствованиям с Востока и их развитию¹⁸³, кредит, денежное хозяйство, работа на рынок, специализация достигли уровня, который позволил впервые преодолеть и основное противоречие. Но об этом позже.

4.3. Хронология этапов аграрно-ремесленного принципа производства

По сравнению с охотничье-собирательским принципом производства хронология, конечно, существенно точнее, но в целом достаточно условна. К тому же невозможно забывать о крайней неравномерности и цикличности развития государств в этот период. Поэтому генеральную линию можно выделить только на больших временных отрезках. А периодами историческая эволюция как бы стоит на перепутье, ищет наилучший путь вперед, поэтому намечается сразу несколько конкурирующих генеральных линий.

Тут крайне важно отметить, что хотя производительные силы могли достигать достаточно высоких форм и в рамках отдельных обществ, окруженных отсталой периферией, но развитие принципа производства и формации как всемирный процесс требовало гораздо более широкой базы в виде многих обществ, близких по уровню развития и имеющих

---

¹⁸² О различии в развитии частной собственности во второй и третьей формациях, а также между Европой и Востоком см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1999. № 2.

¹⁸³ Например, в XIII веке Леонардо Фибоначчи ввел в употребление арабские цифры, которые нашли свое главное применение в торговой бухгалтерии. Уже через несколько десятков лет каждый купеческий ученик должен был знать четыре правила арифметики, что до этого было достоянием лишь горстки ученых.

всевозможные, в том числе торговые, контакты. Поэтому требовалось подтягивание к авангардным и некоторым другим обществ. А поскольку такое расширение по срокам запаздывало и очень часто осуществлялось в виде завоеваний (с неизбежными разрушениями, уничтожениями и регрессиями), то в забежавшем вперед обществе обычно наступал кризис, заканчивающийся потерей независимости. Если его развитие и продолжалось, то оно шло уже на иной политической и этнической базе, а главное – вбок от генеральной линии.

Поэтому подтягивание периферии к уровню вырвавшегося вперед общества происходит не путем продолжения предыдущей линии, а за счет формирования новых линий. А значит, дальнейшее развитие продолжается не с момента остановки, а сначала происходит некий откат назад (за счет варваризации, прерывания культурных и производственных, особенно политических традиций). Но зато, начиная с более высокой отметки и имея более широкое основание, чем их предшественники, эти общества проходят ранние этапы гораздо быстрее и продвигаются намного дальше вперед. Затем цикл в общем виде повторяется.

От появления первых государств и цивилизаций до начала нового времени можно наметить по меньшей мере 4–5 таких спиралевидных циклов. Египет и Месопотамия (но их можно и разделить); Малая Азия и Греция¹⁸⁴; Рим; арабы; Европа. При этом каждое из этих обществ приближается к генеральной линии лишь в отдельные эпохи, а затем уходит от нее вбок или гибнет. В результате хронология каждого из перечисленных спиральных витков не совпадает с генеральной линией.

Следовательно, в мировом масштабе датировать этапы

---

¹⁸⁴ Одновременно с ними Персия, Китай, Индия, причем каждая из этих цивилизаций насчитывает ряд внутренних циклов: подъема – остановки (регресса, внутренних смут, завоеваний, распада и т. п.) – нового подъема. Кроме того, нужно сказать и еще о ряде как бы дополнительных линий, например Месопотамия – индская цивилизация; Египет и Месопотамия – Финикия и Карфаген; Месопотамия, Египет – крито-микенская цивилизация – Греция.

продуктивнее с учетом завершения подготовки того базиса, который обеспечивает прорыв в более высокий этап. Иными словами, если одно авангардное общество достигло нового этапа (допустим, 4-го, то есть зрелости), но ретроспективно далее оно не пошло, то начало указанного четвертого этапа принципа производства в целом правильное датировать не по этому обществу, а по более позднему, но такому, которое ретроспективно способно выйти на более высокий этап (в нашем случае пятый).

Поясним сказанное на примере. Если Египет впервые в мире вступил в третий (расцвета) этап, то и для принципа производства в целом это начало третьего этапа, поскольку Египет же первым вступает и в фазу, аналогичную четвертому (зрелости) этапу. Однако далее это государство утрачивает роль лидера. Значит, для принципа производства все еще продолжался этап расцвета до тех пор, пока в зрелость не вступила Греция, оказавшаяся способной достигнуть следующего, пятого (высокой зрелости) этапа.

Рассмотрим теперь хронологию аграрно-ремесленного принципа производства более подробно на двух уровнях: общемировом и обществ-первопроходцев. Итак, где-то в середине или в конце IV тыс. до н. э. на базе объединения Египта начинается третий этап принципа производства. Он продолжается в эпохи Раннего и Древнего царств, или до конца III тыс. до н. э. (условно до первого распада Египта), и характеризуется формированием общеегипетской ирригационной системы. Несколько позже аналогичные процессы начались в Месопотамии. Но там на первых порах не было ни столь мощных ирригационных сооружений, ни единого государства. Зато более развитыми, чем в Египте, были товарно-денежные отношения.

В последнем с конца III и до конца II тыс. до н. э. (эпохи Среднего и Нового царств с междуцарствиями) наступает этап зрелости¹⁸⁵. Система орошения усовершенствуется: ро-

---

¹⁸⁵ Определенным показателем зрелости явился отказ от сооружения гигантских пирамид.

ется множество каналов, создаются водохранилища, благодаря особой технике (шадуфы и прочее) теперь поливаются и так называемые верхние поля; заметно усовершенствуется плуг. Развиваются животноводство, ремесло, в меньшей степени торговля. В последующие эпохи развитие хотя и продолжается, но все дальше уходит от генеральной линии исторического процесса, в котором появляются новые лидеры.

На несколько сот лет позже, примерно с начала II тыс. до н. э. (то есть с эпохи Старовавилонского царства), в этап зрелости вступает и Месопотамия¹⁸⁶. А с конца II – начала I тыс. до н. э. генеральная линия все больше уходит с Ближнего Востока. За полторы тысячи лет (с момента вступления Египта в зрелый период) мировая цивилизация расширилась колоссально. Уже оказались уничтоженными не только много государств, но и ряд цивилизаций (индская, крито-микенская).

Если вступление в зрелость при благоприятном географическом факторе могло происходить в рамках крупного государства, то вступление в этап высокой зрелости требовало во много раз большего цивилизационного пространства, а для появления последнего требовалась иная сельскохозяйственная техника. **Это подчеркивает важнейшее отличие второй формации от первой – именно то, что локальность уступает место региональности, которая на пороге нового времени начинает перерастать во всемирность.**

Эволюция вновь на распутье. Намечаются потенциальные генеральные линии: Персия, Индия, Китай, Карфаген. Но им суждено было стать лишь боковыми, хотя и весьма важными, ибо без них никакого рывка вперед не могло

---

¹⁸⁶ Начинает складываться общая система ирригации, и распространяется плужное земледелие. Но особенно важным было развитие товарно-денежных и договорных отношений. Эпохой Нововавилонского царства (VII–VI вв. до н. э.) этот период заканчивается. После этого Междуречье, и так являвшееся своего рода проходным двором истории, окончательно теряет независимость. Но его многообразные достижения продолжают жить в других обществах, от Карфагена до Индии.

быть. В конце концов генеральная линия дальше пошла через Малую Азию и Грецию, которые в VIII–VI веках до н. э. вступили в период зрелости. Благодаря общеизвестным достижениям Греции в области торговли, денег, ремесла, особенно поддержки частной собственности стал возможен ее переход в пятый этап (высокой зрелости)¹⁸⁷.

Таким образом, во всемирном масштабе третий этап (расцвета) аграрно-ремесленного принципа производства длился примерно 2500 лет. Он начался в середине (конце) IV тыс. до н. э. и закончился в первой трети I тыс. до н. э.

В период эллинизма площадь активно взаимодействующих высокоразвитых социумов, объемы торговли, денежных оборотов, кредита и многого другого стали несопоставимыми с прежними временами. В результате эллинистические общества стали переходить к этапу высокой зрелости¹⁸⁸. Но развитие Италии (не считая некоторых греческих колоний и Сицилии) отставало от эллинистических государств и Карфагена. Однако под влиянием греков оно пошло семимильными шагами. И в первые века нашей эры Римская империя вступила в этап высокой зрелости. Но далее начались необратимые кризисные процессы, которые остановили развитие.

С падением Римской империи и окончанием эпохи античности эволюция вновь оказалась на распутье. Мир готовился к новому рывку. В VII веке н. э. начинается подъем в Китае (династия Тан) и, несмотря на междоусобицы, в Индии. Были успехи в Византии и Иране. Особенно важно, что арабы оказались способными дать новый импульс развитию Востока, обогатившись достижениями ряда, в том числе античной, культур. И с конца VII (начала VIII) века

---

¹⁸⁷ Косвенное свидетельство тому – отличие греческой науки от ее предшественниц. Как справедливо замечает один историк науки, греки не были первыми учеными, но они были первыми, о ком мы имеем письменные свидетельства, первыми, кто стал рассматривать науку как особый процесс, причем как процесс бесконечный (Singer Ch. A Short History of Science... P. 5).

¹⁸⁸ Индия и Китай находились в это время и до середины I тыс. н. э. в этапе зрелости.

до XII века генеральная линия перемещается в арабский мир. В конце концов арабские и некоторые другие страны прошли пятый (высокой зрелости) этап и вступили в следующий, аналогичный шестому этапу, но уводящий их вбок от генеральной линии.

Таким образом, этап зрелости в мировом масштабе длился со второй трети I тыс. до н. э. до последней трети I тысячелетия н. э., то есть около полутора тысяч лет.

В течение нескольких веков Европа, обогащенная достижениями арабов и иных восточных стран, быстро ликвидировала отставание, и примерно в XII–XIII веках некоторые ее области вышли в шестой, подготовительный этап. Генеральная линия вновь оказалась здесь.

Следовательно, в мировом масштабе пятый этап аграрно-ремесленного принципа производства нужно датировать VII–XIII веками (с известными поправками). А уже период XIII – первой половины XV века соответствует в мировом масштабе шестому его этапу¹⁸⁹.

4.4. Предпосылки для перехода к промышленному принципу производства

Из всех вариантов в ретроспективе наиболее удачными оказались те, где внеэкономическое отчуждение было мягче и сочеталось с экономическим, как в Западной Европе. Это было возможно, потому что пашенное земледелие там хотя было менее производительным, чем ирригационное, зато и требовало меньше государственного вмешательства. В сочетании с рядом других вещей это давало больше возможностей для разрешения основного противоречия.

В восточных странах при большом населении и дешевизне труда торговли и коммерсанты мало думали о повышении производительности труда, поскольку условия и так обеспечивали им сверхприбыль. В Европе механизация в

---

¹⁸⁹ В этом случае датировки совпадают уже с датировками передовых европейских обществ, поскольку далее развитие не имело столь драматических, как прежде, перерывов.

широком плане, то есть использование не только различных технических приспособлений, но и силы животных, воды и ветра, была развита относительно высоко. Этому способствовали более редкое население и более скудные почвы, подходящие для механизации природные условия (изрезанное побережье, множество рек и ручьев и т. п.), возможность и способность использовать многочисленные достижения предшественников и соседей.

Отсюда неизбежен переход к истории ремесла второй формации и истоков появления техники. Однако в настоящей работе нет возможности сколько-нибудь подробно говорить об этом. Достаточно напомнить, что различные приспособления, механизмы и машины появились довольно давно и задолго до новой эры. Много их было в военном деле, и, возможно, очень долго наиболее совершенные по тем временам машины применялись именно для этих целей. Общеизвестно, что в античности было много искусных механиков и изобретателей (тот же Архимед), но их таланты использовались либо в военном деле, либо для забав.

Хотя механизация труда (включая применение животных) постоянно росла, но было и много причин, мешающих этому. Например, хотя водяная мельница была изобретена за сто лет до нашей эры, рабский труд препятствовал ее распространению. Зато в Европе уже в раннее средневековье водяные мельницы быстро распространились. В XIII–XIV веках механизация сделала очень большие успехи (об этом и в следующем параграфе). Новую жизнь получили такие заимствования, как компас, порох, бумага и другие. Очень важными были изменения в торговле, кредитном и банковском деле.

Столь высокое развитие привело к обострению основного противоречия, так как избыточное богатство требовало приложения. Стояла эволюционная дилемма, куда его направить: вновь ли на расточительство, роскошь, войны или во все большей мере в торговлю и промышленность? Накопление разнообразных достижений при стечении еще множества самых разных обстоятельств, от отсутствия

нашествий до некоторых духовных и социальных явлений, создало условия для преодоления основного противоречия и перехода к новому принципу производства.

Теперь в Европе стало гораздо больше возможностей и для производительного вложения капиталов, и для трансформации высших сословий в производительные классы. Увеличились уважение к праву частной собственности, степень личной свободы и возможности проявления инициативы. Поэтому первый бастион основного противоречия был взят уже в XV–XVI веках. Затем в виде остаточного оно разрешается только буржуазными революциями и реформами.

Но даже в Европе путь не был прямым. Раньше всех (в XII–XIII веках) переход к новому начался в итальянских государствах: Венеции, Генуе, Флоренции, Милане, Сиене и других. Богатство там было огромным, и создавалось оно прежде всего благодаря выгодному географическому положению за счет монопольной торговли пряностями с Востоком, банковского обслуживания папской курии и ряда королевских дворов. Конечно, развивалась и промышленность, в частности мануфактуры. Но в целом основа прогресса была непрочна: исключительность положения, которая впоследствии исчезла¹⁹⁰. Однако Италия дала очень много для рождения нового способа производства, особенно в денежном обращении и развитии кредита (вексель, бухгалтер и т. п.).

Таким образом, Северная Италия за счет удачного стечения обстоятельств и выгодного положения преодолевает основное противоречие, но еще в рамках аграрно-ремесленного принципа производства, тем самым переходя в его седьмой этап. Это уводит ее вбок от генеральной линии. Но это не было столь роковым расхождением, как в восточных странах¹⁹¹.

---

¹⁹⁰ Во многом похожая ситуация складывалась и во Франции с ее шампанскими ярмарками. Однако в конце XIII века роль этих ярмарок уменьшается, а затем во Франции начинается глубокий и затяжной кризис.

¹⁹¹ И по причине культурной и географической близости, и по причине включения ряда европейских обществ в общий экономический процесс, и по причине

Что касается последних, то некоторые из них также сумели в определенной части преодолеть основное противоречие и выйти в более высокие этапы второй формации, но уже в ее нисходящей части (особенно Китай). Но они настолько уклонились от генеральной линии, что для возврата к ней потребовалось несколько веков.

§ 5. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПЕРВЫЙ ЭТАП. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

5.1. Поиск путей в новый принцип производства. Некоторые сравнения Европы и Востока

Итак, начиная с XI в. процессы развития городов, техники, ремесла и торговли постепенно подводят ряд европейских обществ к промышленной революции, первый этап которой можно датировать второй третью XV–XVI веков.

Некоторые предпосылки для перехода к новому принципу производства можно увидеть при выяснении тех отличий, которые помогли Европе обогнать Азию (в аспекте прежде всего, конечно, производственном и экономическом).

Начнем с того, что население в Азии было гораздо большим, чем в Европе. В XVII в. один европеец отмечал, что в Китае «не было ни пяди земли, даже крохотного уголка, который бы не возделывался»¹⁹². В результате внешнего и внутреннего мира и доведения хозяйства до полной интенсификации население там стало невероятно большим и продолжало расти¹⁹³. Во Франции же в начале XVII в. при населении в 20 млн человек казалось, что она перенаселена,

---

того, что базовые моменты в виде частной собственности, права и прочего были сходны. А технология и техника заимствуются легче.

¹⁹² Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 164.

¹⁹³ «По оценочным данным, население Китая в 1750 г. составляло 260 млн человек, в 1760г. –268 млн, в 1810г. –385 млн, в 1830 г. –409 млн, в 1840г. – 412 млн» (Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. С. 207). См. также: Крюков М. В. и др. Этническая история китайцев... С. 62–63.

«полна доверху», по выражению современника¹⁹⁴. А вот в Англии в это время жило всего 5 млн человек. Но ведь именно там произошла машинная революция! А первая буржуазная революция победила в Нидерландах, в которых жило около 3 млн человек.

Следовательно, нужны были определенные пропорции в территории, населении, наиболее благоприятные для перехода к новому. Восток в них не вписывался¹⁹⁵. Разница между обществами с населением в миллионы и в сотни миллионов колоссальна. Подобно античному рабству, избыточное население также вело развитие в тупик, так как оно могло воспроизводиться только при крепком государстве или иных жестких системах (вроде индийской общины), которые не могли обеспечить рывок в новое.

О другой важной особенности – более высоком уровне механизации на Западе – уже шла речь. Вместе с рядом других вещей (например, запретом рабства) это делало в Европе условия для принудительного труда хуже, а для трудосбережения – лучше.

Кризисы XIV–XV веков усилили дефицит рабочей силы, проблемы уровня заработной платы, повинностей и прочего. И кое-где (во Франции, Англии и других местах) пошли по пути фактического освобождения крестьян. Труд стал более свободным, а следовательно, трудосбережение более выгодным. Особенно в ремесле и торговле, то есть в областях более квалифицированного труда. Неудивительно, что именно с XIV века процесс создания и усовершенствования различных механизмов (прессов, колес, мельниц, сукнова-

---

¹⁹⁴ Бродель Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 66.

¹⁹⁵ Добавим о населении. В Англии, с ее сравнительно немногочисленными жителями, при переходе к машинам и огораживаниям появилось много лишнего народа, который частью уезжал, частью попал под репрессии. А куда нужно было уйти десяткам миллионов «ненужных» людей в Китае или многомиллионным кастам ремесленников в Индии, ткани которых продавались по всему миру? И могла ли власть представить такое и способствовать этому? В известном смысле, когда Европа нащупала нужный вариант, восточные системы оказались обреченными.

Разумеется, огораживания и сгон крестьян с земли характерны в основном для истории Англии. Но возникновение аграрного перенаселения и быстрый рост городского населения с характерными его спутниками (антисанитарией, пауперизмом, ростом преступности) свойственны индустриализации во многих странах.

лен и т. п.) ускоряется. Усилился также поиск наиболее прибыльных сфер приложения капитала. В отличие от более богатого Востока значительная часть прибавочного продукта стала вновь вкладываться в производство, в том числе и в новые отрасли.

Многие исследователи отмечают особенности европейских городов как центров промышленности и торговли, которые экономически господствовали над сельской округой. Специально стоит также выделить **значительную самостоятельность во внутренней жизни и распределении благ**. Постепенно начинал устанавливаться определенный и благоприятный баланс: власть защищала собственников и не позволяла слишком грабить их, а также менять правила игры, собственники не могли подменить государство и разложить его¹⁹⁶. В результате политическая сфера начинает отделяться от экономической и перестает подавлять ее. Этого не было ни на Востоке, ни в античности. А раз экономика (причем не паразитическая, а в целом производительная) начинает обретать самостоятельность, с одной стороны, и перекладывает безопасность на власть – с другой, она развивается гораздо быстрее и свободнее.

Конечно, препятствий для перехода к новому хватало и в Европе: цехи, сеньоры, правительства, войны, децентрализация и т. п. Неудивительно, что раннее развитие в Европе подобия рыночных и капиталистических отношений оказалось непрочным. И это характерно для первых поисков, расчищающих путь для нового принципа производства.

В шестом подготовительном этапе старого принципа производства вместе с появлением многих элементов будущего возникают и различные кризисы, историческая роль которых становится яснее лишь ретроспективно. Они способствуют появлению и расширению новшеств. Первичный переход к примитивному сельскому хозяйству многие ис-

---

¹⁹⁶ Но отделение экономики от политики шло не только там. В связи с постепенным переходом земель в собственность дворян последние получают экономические выгоды, но зато в результате объединения королевств теряют политическую самостоятельность.

следователи связывают с неясными пока нам переломными явлениями. XIV – начало (первая половина) XV в., то есть эпоха, предшествующая началу промышленной революции, также характеризуется различными по характеру кризисными явлениями в Западной Европе.

Во-первых, это чума XIV века, которая в ряде мест унесла до одной четверти или даже трети населения и резко обострила проблему рабочей силы и ее оплаты, что, бесспорно, способствовало укреплению технических новинок и их более широкому распространению.

Во-вторых, с конца XIII века началось похолодание и стало ощущаться ухудшение почв в старых районах пашенного земледелия.

В-третьих, в ряде стран свирепствовали тяжелые войны и восстания. В них «наблюдались деколонизация культурных земель, забрасывание пашен, нехватка рабочих рук, падение урожая и рент, повышение цен на продукты питания и сырье»¹⁹⁷. «Выход из аграрного кризиса был достигнут путем значительной хозяйственной перестройки: развития наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организации землепользования и труда в поместьях, более интенсивного использования природных ресурсов, особенно промышленного значения»¹⁹⁸.

Со второй трети – середины XV века начинается хозяйственный подъем. Но на этот раз он не был обычным колебанием, а означал начало новой производственной революции. Предпосылки для вступления в новый принцип производства, которые складывались в Европе уже несколько веков, теперь наконец реализовались.

5.2. Первый этап промышленной революции: изменения в технике и организации производства

Итак, появлялись все новые изобретения, которые складывались в новые отрасли. В XIII – начале XV века в Европе не только усовершенствуются старые механизмы, но и

---

¹⁹⁷ История средних веков. Т. 1. С. 412.

¹⁹⁸ Там же.

появилось множество по тем временам выдающихся вещей, к которым следует отнести «горнорудный подъемник с приводом от водяного колеса и конную откатку руды, буровую машину с конным приводом, портовый поворотный кран, сукновальню... выплавку чугуна, прокатку и волочение цветных металлов»¹⁹⁹, а также немало различных станков (сверлильных, металлообрабатывающих, токарных и др.) с ножным приводом (позже водяным), механические пилы и многое другое.

Невозможно перечислить все технические новинки. Отметим разнообразные прессы. Еще в XIV в. для производства бумаги стали применяться прессы, которые раньше применялись для отжима винограда, масел, в сукноделии. Изобретение же печатного станка создало новую книгопечатную отрасль. Уже с XIII в. шла механизация с помощью водяного колеса (сначала нижне-, а потом и верхнебойного – весьма удобного и мощного) во многих производствах, в том числе и в металлургии (для подачи воздуха, опускания молота и т. д.). Значительным толчком послужило изменение в характере войн. С изобретением огнестрельного оружия потребовалось гораздо больше металла и возникли новые способы его получения и обработки (домны, механический молот и многое другое).

Надо отметить, что такого рода явления требовали и нового вида работников, во-первых, вольнонаемных, во-вторых, мастеров новых специальностей: по ремонту водяных и ветряных мельниц и прочих механизмов, связанных с колесами, механиков, печатников, гранильщиков линз.

Можно считать, что в конце XV – первых десятилетий XVI века (а кое-где даже раньше) в отдельных местах сложилась примитивная, но уже именно промышленность. Приведу длинную выдержку о свинцово-цинковых копях в Верхнем Гарце в Германии для доказательства сказанного.

---

¹⁹⁹ Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил... С. 108.

«Вода угрожала подземным выработкам и одновременно давала энергию для их осушения, заставляла горняка изобретать все новые устройства, способные смирить мощь воды и заставить ее служить горному промыслу. Так появились насосные и штанговые водоотливные машины, приводные механизмы для транспортировки руды, толчеи, где руду измельчали и отделяли от пустой породы, воздуходувки для плавильных и кузнечных печей, кузнечные молоты и приводившие все эти механизмы в движение водяные колеса... Не было в мире другого места, где бы многочисленные оригинальные устройства, использующие энергию воды, соседствовали друг с другом теснее, чем в Верхнем Гарце.

Одним из первых приспособлений для откачки воды была водоотливная машина с черпаками, установленная в 1535 г. на руднике Вильдеман и работавшая от водяного колеса. Ее называли «Хайнцем»... Прежде кожаные ведра с водой передавали друг другу стоявшие на лестницах водноносы, а подъем воды в бурдюках осуществлялся с помощью ручной лебедки или конного ворота... Без непрерывно работавших водоотливных машин эксплуатация рудника была невозможна». Такие машины заменяли сотни лошадей и десятки водоносов²⁰⁰.

Приведу еще несколько фактов, чтобы показать масштабы зарождающегося принципа производства. Так, в богемских Рудных горах большой славы достиг Санкт-Иохимсталь, основанный в 1516 г. Найденные там руды оказались так богаты, что уже через 11 лет (!) в этом горняцком городке имелось свыше 14 тыс. жителей, вдвое больше, чем в это же время в Лейпциге и Эрфурте²⁰¹. Такими были масштабы промышленности перед ремеслом!²⁰²

---

²⁰⁰ Бакс К. Богатства земных недр. С. 199.

²⁰¹ Там же. С. 195.

²⁰² Конечно, большинство промышленных городов были мелкими, но зато они появились десятками и даже сотнями (см., например: История Европы. Т. 3. С. 74).

В колониях масштабы иной раз были еще больше. Использование процесса амальгации, то есть особого способа получения серебра с помощью ртути, резко увеличило производство серебра в Мексике и в Южной Америке. Американской ртути не хватало, и ее везли из Европы. В конце концов груз попадал на боливийское нагорье в знаменитый город Вилья-Империаль-де-Потоси у «серебряной горы». В XVI веке этот город стал гигантским хозяйственным центром, превосходившим Рим, Лондон и Мадрид. В нем насчитывалось свыше 120 тыс. жителей²⁰³. В Европу потекли сотни тонн золота и тысячи – серебра. И без такого мощного притока драгоценного металла рост мировой торговли, а с ней и новой промышленности был бы невозможен или крайне ограничен²⁰⁴.

Конечно, эта революция – явление гораздо более широкое, чем только перемены в технике. Мало того, несмотря на столь значительный технический прогресс, стоит особо подчеркнуть – и к этому вопросу мы еще вернемся позже, – что *на первом этапе промышленной революции изменения в технике не были наиболее выдающимися среди всех остальных по своим результатам*. Но мы указываем на них как наиболее понятное доказательство того, что промышленная революция началась именно в указанное время, а не в XVIII только столетии. Ибо раз в целом промышленная революция связана с заменой ручного труда машинным, значит, ретроспективно техника имеет особое значение.

Точка зрения, что, помимо промышленного переворота XVIII века, была и более ранняя промышленная революция (или революции), широко утвердилась с 40–50-х годов. Об этом писали ученые самых разных направлений, в том числе Неф, Хилл, Бернал, Бродель, А. Г. Джонсон и многие другие. Сейчас не так важно, что есть заметные расхождения в датировках этой ранней революции, а также и в определении количества таких революций (позже мы еще вер-

---

²⁰³ Бакс К. Ук. соч. С. 123.

²⁰⁴ И разве уменьшение притока серебра в Испанию в первой половине XVII в. не явилось одной из важнейших причин кризиса в ряде мест Европы?

немя к хронологии), а более важно, что наличие революционных изменений в технике и промышленности в Европе в интервале между XIII и XVII веками признается многими²⁰⁵.

Важнейшим направлением промышленного развития первого этапа промышленной революции была мануфактура. Однако она появилась на высших этапах аграрно-ремесленного принципа производства, то есть задолго до начала промышленной революции. Как уже говорилось, многие явления в конце старого и начале нового принципа производства одновременно принадлежат и одному, и другому. Такова, на мой взгляд, и мануфактура. Мануфактуры были во многих странах, но в некоторых случаях они были, так сказать, пристройкой к старому²⁰⁶, а в других – важным центром в формировании системы нового, где основа производственного цикла – именно детальное разделение труда, а не цеховая организация или что-то подобное²⁰⁷.

Мануфактура являлась, таким образом, переходной формой между старым и новым, а потому, в отличие от машин, расцвет которых наступил со вторым этапом промышленной революции, именно с ним она и уходит в прошлое.

---

²⁰⁵ Такой взгляд и гораздо лучше соотносится с общепринятым началом новой истории в западной науке, то есть конец XV – начало XVI в. Эта датировка подерживается и некоторыми отечественными современными историками (см., например: Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Переход от феодализма к капитализму... С. 84' Философские проблемы исторической науки. С. 68).

²⁰⁶ «Мануфактура... выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого были городское ремесло и сельские побочные промыслы», – писал Маркс (Т. 23. С. 381).

²⁰⁷ Манту подчеркивал, что главное в мануфактуре не то, что она затрагивает техническую сторону, а именно организацию производства (Манту П. Промышленная революция... С. 61). Э. Липсон указывал, что она оказывается не столько новым способом производства по сравнению со средневековым ремеслом, сколько результатом отделения рыночных функций от функций производства внутри того же ремесла (см.: Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. С. 59. Выделено мной. –Л. Г.).

5.3. Первый этап промышленной революции: торговля и колониальное хозяйство

Итак, разговор о ранней технической революции в Европе вовсе не является преувеличением, но очевидно, что не промышленность (и тем более не техника) играли на первом этапе ведущую роль. *На авансцену выходят те виды деятельности, которые одновременно были способны к нововведениям и могли аккумулировать наибольшее количество прибавочного продукта.* Такими были торговля и колониальное хозяйство, которые с XVI в. все прочнее сплетались. Роль географических открытий трудно переоценить (и о них еще будет сказано).

Однако на первых порах даже и без колоний важнейшим моментом было то, что торговый капитал стал выступать как центральный элемент новой промышленности, что было и логично, и удачно, поскольку без мощнейшего расширения торговли не состоялся бы и промышленный капитализм²⁰⁸. Говоря о капиталистах, Манту подчеркивает, что «именно в качестве купцов они приходят к тому, что завладевают всем производством»²⁰⁹. И добавляет: «Промышленный прогресс был в те времена почти невозможен, если ему не предшествовало какое-нибудь торговое движение»²¹⁰.

Действительно, капитализм в начальные этапы был преимущественно торговым, во многом и спекулятивным, а не промышленным (этому большое внимание уделил Ф. Бродель). Но в переходный период и в незрелой системе это и должно быть так. Поэтому весьма непросто разграничить торговлю как прежде всего часть распределительной системы и торговлю как цементирующую часть складываю-

---

²⁰⁸ «Экономический тип товарного производства для рынка, где господствовали денежные платежи, существовал кое-где в городах начиная уже с XII в. Преобладающей же формой экономики он впервые стал в XV в. на узкой полосе земель, тянувшейся из Италии, через Верхнюю Германию и Рейнскую область до Нидерландов» (Бернал Дж. Наука в истории общества. С. 207).

²⁰⁹ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М, 1937. С. 61.

²¹⁰ Там же. С. 61–62.

щейся производственной организации. Но недаром Джонсон говорит о «сломе старой организации торговли в виде системы закрытых гильдий» и начале роста современной системы конкуренции именно в конце XV–XVI веков²¹¹.

Постепенно меняет характер частная собственность. Ее второстепенная и эпизодическая **производительная** функция начала превращаться в одну из основных, а постепенно и в системообразующую. Естественно, что существенно трансформировались и другие функции. В конечном итоге стала изменяться и суть данного института. В этот период в Европе **частная собственность, имеющая юридически развитую форму и достаточно защищенная властью, начала соединяться с производительным капиталом. В результате она становится основой и движущей силой постоянного количественного и качественного роста экономики, трудосбережения, рационализма, новых способов хозяйствования**²¹².

Итак, масштабы нового принципа производства превысили все прежние представления. Никогда не было столь совершенных кораблей, которые можно считать очень эффективными машинами, способствующими развитию не только торговли и транспорта, но и взлету рыболовства и морского промысла²¹³. Никогда не добывалось столько золота и серебра. Никогда не было столь высокой концентрации городов и городского населения, как в ряде районов Европы. Никогда торговля не велась на таких огромных пространствах, столь большие районы не зависели от промышленности и торговли промышленными изделиями. Никогда не было столь высокой концентрации машин и столь высокой производительности труда; никогда не было в таком объеме мануфактур с наемным трудом; никогда не делали столько металла и не использовали его в таком коли-

---

²¹¹ Johnson A. H. Europe in the Sixteen Century 1494-1598. P. 2.

²¹² Вопрос о трансформации функций частной собственности разбирается автором более обстоятельно (Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1999. № 2).

²¹³ В XV в. преобладали суда грузоподъемностью от 50 до 200 т. В XVI в. появились огромные суда от 500 до 2 тыс. т (История средних веков. Т. 2. С. 15).

честве в производстве. Никогда не было столь монокультурного хозяйства, какое появилось в колониях. И т. д.

5.4. Первый этап промышленной революции: характеристики и хронология. Варианты нового принципа производства

Мы датировали начало первого этапа промышленной революции второй третью – серединой XV века. Однако точную границу между концом старого и началом нового принципа производства провести сложно. Ведь машины (и многое другое) не являлись совершенно неизвестными. Напротив, они имели давнюю историю, а в конце аграрно-ремесленного принципа производства в XIII–XIV вв. возникло много новых²¹⁴. В прежнем принципе производства, особенно в конце его, на шестом подготовительном этапе, всегда есть элементы будущего. Но их наличие не открывает новый принцип производства, а лишь готовит его появление.

Пока нет системы, нет и рождения нового. И этот неуловимый момент всегда и условен, и реален. *Новый принцип производства, даже в самом примитивном виде, – это уже система, которая действует по-иному.* Например, на горных промыслах машина – уже центральный элемент технологического цикла, а не просто подсобный механизм, облегчающий какую-то часть работы. В то же время на первых этапах принципа производства старое и новое неразрывны, но постоянно меняются акценты, потенции, пропорции.

Думается, такая зыбкость границ и создает разницу в датировках первого этапа промышленной революции (или, как часто говорят, ранней промышленной революции): от XIII до XVII вв. Если не иметь общей теории производственной революции, то действительно нет критериев, которые помогли бы более точно установить такое начало.

---

²¹⁴ За точку отсчета можно, конечно, взять одно из изобретений, например, печатного станка Иоганном Гуттенбергом. Но это будет слишком формально.

Наличие же такой теории позволяет уйти от крайностей. Так, вести отсчет с того периода, когда новое уже стало очень заметным, в данном случае с XVII в., – значит, проглядеть истинное начало, которое не может быть сразу и развитым, и широко распространенным. Важно также видеть, что принципиально новое – это не всегда совершенно новое. Уже имеющееся может стать принципиально новым при складывании его в иную систему и приобретении определенных размеров. Поэтому период XIII–XIV веков – это еще не начало, а только подготовка к промышленной революции.

Итак, в XV–XVI веках вместе с первым этапом промышленной революции и Великими географическими открытиями целый ряд стран Европы перешел к новому принципу производства. Основное противоречие во многом было сломано, так как такое развитие требовало огромных вложений и создания самовозрастающего капитала. Укрепилась частная собственность на землю, денежные и иные капитальные средства, а государство стало больше уважать права собственников. Торговля переставала быть непочетным занятием. Деньги и в торговле, и в промышленности все время находились в обороте, делали новые деньги. Крайне важно, что крепостное право в основном уже было уничтожено, а крестьяне становились лично свободными. Появилась тяга к нововведениям.

В результате меняется, хотя и очень трудно, с откатами и повторами ошибок, отношение к техническому развитию. Уже складываются общие теоретические представления об устройстве механизмов²¹⁵.

Процесс формирования нового принципа производства занял длительное время, в целом полтора столетия. Этот

---

²¹⁵ Еще в середине XVI в. Георг Агрикола выпустил свое капитальное сочинение «О горном деле и металлургии, в 12 книгах», снабженное 292 гравюрами, в котором содержалось систематическое и технически толковое описание многих машин. Много было литературы по военному искусству, с иллюстрациями и точнейшими чертежами орудий, видами крепостей и укрепленных районов. В конце XVI – начале XVII в. появляются всяческие «театры машин», всяческие изображения новых приборов, экспериментов, препаратов.

его первый (переходный) этап можно разбить на следующие подэтапы:

1. Развитие на собственно европейской базе. Он заканчивается к концу XV века.

2. Эпоха первых географических открытий и осознание их возможностей. Этот период продлился где-то до 30–40-х годов XVI века. Технический, торговый и иной прогресс в Европе очень удачно совпал с эпохой открытий и колонизации. Разумеется, именно поиск новых богатств и вызвал открытия, но ясно, что удача не была запрограммирована. Поэтому, начавшись на собственных ресурсах, первый этап промышленной революции получил могучий импульс, благодаря которому смог широко распространиться.

Европа могла бы остановиться в развитии или стать переростком, если бы не Великие географические открытия, *изменившие и масштаб, и характер торговли, позволившие получить огромные количества драгоценных металлов, заставившие создавать колониальное хозяйство специально для метрополии.*

3. Этот период связан с началом организации колониального хозяйства (после первого грабежа) на более основательном фундаменте, утверждением нового принципа производства, формированием некоторых его укладов. Продолжался где-то до 70-х годов XVI века. Перешел во второй этап промышленного принципа производства, продлившийся до начала XVIII века.

В чем же абстрактный смысл первого этапа промышленной революции? Он в целом должен вытекать из абстрактного смысла всей промышленной революции и соотноситься со вторым ее этапом, как менее развитый с более развитым.

Существует ряд мнений, каждое по-своему верное, суммирующих суть промышленной революции. Так, например, Бернал говорил о переходе от продовольственного к энергетическому хозяйству²¹⁶ Н. Винер – о замене человека и

---

²¹⁶ См.: Бернал Дж. Ук. соч. С. 284.

животных как источника энергии. Чаще всего – и правомерно – говорят о замене ручного труда машинным.

Однако мне кажется, что сообщения эти недостаточно широки. Например, в мануфактуре подчас не было новых механизмов, но зато разделение труда доводилось до совершенства. Поэтому я думаю, что правильнее было бы обобщить все изменения так: **шла экономия человеческого труда (и работы животных) в самых разных сферах и формах.** И энергии, и сложного труда с заменой его простым, и простого путем механизации, специализации, рационализации; шла экономия сил в учете (подсчет, хранение и перевозка денег упрощаются с векселем, кредитом, банками и другим). Достаточно только представить, какое количество писцов сэкономил печатный станок.

Но если во втором этапе наиболее ясно такая экономия обозначалась в виде замены ручного труда машинным, то на первом этапе выражено это было не столь ярко и не столь концентрированно, но весьма и весьма ощутимо. В самом деле, что такое специализация? Это более полное использование каких-то преимуществ, значит, и экономия труда в широком смысле слова. Что такое кредит в условиях металлических денег? Это гигантская экономия затрат на перевозку и охрану

денег. Что такое мануфактура? Это повышение производительности труда за счет специализации рабочих.

К концу XVI – началу XVII в. сформировалось несколько однобоких (как и должно быть вначале) вариантов нового принципа производства. В одних случаях это были торгово-промышленные общества. Примером являлась Германия. Здесь наряду с торговлей (города Ганзы и др.) мощно росла горнорудная промышленность (добыча серебра и др. металлов). А вместе с этим появилось много новых механизмов, машин, изобретений, зримо проявился процесс трудосбережения. Дальнейшее развитие немецких земель в XVI веке затормозили Реформация и гражданские войны, а в XVII – европейская 30-летняя война. Приток американского серебра сделал малорентабельным добычу его в

Силезии, Богемии и других местах. Непреодолимым препятствием стало отсутствие централизованного государства.

Другим вариантом были торговые прежде всего общества. Но тут имелись свои вариации. Швейцария занималась сухопутной посреднической торговлей. Португалия контролировала мировую торговлю наиболее прибыльными товарами. Итальянские торговые республики имели уклон в ростовщичество.

В Нидерландах и особенно позже в Голландии интенсификация труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве была наибольшей. Голландцы ввозили сырье и полуфабрикаты (шерсть, грубые ткани, шелк, лен, коноплю и другое), а вывозили дорогие изделия с большой добавленной стоимостью. Кроме того, получили развитие судостроение, лов сельди, деревообработка, изготовление сахара и бумаги, пригородное сельское хозяйство и т. п. И все же главное для голландской экономики заключалось в лидерстве в мировых торговле, фрахте и кредитном деле. И этот торгово-монопольный уклон стал позже тормозить развитие.

В Испании сформировался ярко выраженный колониальный вариант. Но богатства Америки не пошли ей впрок. Ограбление колоний и сверхприбыли монопольной торговли с Новым Светом в конечном счете предопределили ее отставание в будущем. Уже со второй половины XVI века производство в самой Испании стало сокращаться, а золото все сильнее утекало в другие европейские страны, способствуя быстрому росту цен.

Одной из важнейших особенностей более позднего английского варианта были «тесное переплетение и взаимодействие путей промышленного и аграрного развития», что представляло «основную предпосылку раннего созревания капиталистического уклада в Англии»²¹⁷.

---

²¹⁷ Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч. С. 62.

Все эти варианты все сильнее переплетались между собой, образуя вместе зону нового принципа производства.

5.5. Упрочение промышленного принципа производства

В XVI веке новый принцип производства укрепился, но еще не преобладает²¹⁸. Последняя треть XVI – первая треть XVIII в. – это второй его этап (молодости), период роста и развития новых секторов, пока они не стали в отдельных обществах (Голландия и Англия) ведущими²¹⁹. Но во всех странах односторонность хозяйств заметно уменьшается, идет процесс распространения новых форм производства с постоянным их усовершенствованием.

Этап молодости, разумеется, несет в себе множество качественных перемен, открытий и изобретений, но, как уже сказано, в плане периодизации исторического процесса они менее значимы, чем изменения предыдущего этапа. Поэтому период конца XVI – начала XVIII в. будем считать перерывом между двумя качественными этапами промышленной революции, в течение которого количественный размах нового принципа производства стал гораздо больше.

Некоторые новые отрасли демонстрируют очень впечатляющие темпы роста и объемы производства. Так, в Англии добыча каменного угля с 1560 по 1680 год выросла в 14 раз, достигнув 3 млн т в год. В Англии же за 1540–1640 годы добыча свинца, олова, меди, соли увеличилась в 6–8

---

²¹⁸ Упрочение нового принципа производства вызвало ожесточенную идейную и политическую борьбу в виде Реформации и религиозных гражданских войн, а также ранних буржуазных революций.

²¹⁹ Так, например, в одном английском официальном документе около середины XVII в. говорилось, что благополучие 2/3 англичан зависит от мануфактуры (Лавровский В. М. Сборник документов... С. 248). Это объяснялось тем, что и сельское хозяйство, и промышленность были ориентированы на производство и продажу шерсти, а «сукноделие стало к концу XVI в. главной отраслью английской промышленности... Обработкой шерсти занимались в местечках и в новых городах, в сотнях деревень, во множестве графств страны цеховые мастера и свободные от цеховых регламентации сельские ремесленники, совмещавшие ремесло с земледелием» (Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч. С. 64).

раз, железа – в 3 раза²²⁰. Происходили изменения в сельском хозяйстве: многополье, внесение неорганических удобрений, травосеяние, дренаж и мергелирование и т. п. К концу XVII – середине XVIII в. в наиболее развитых странах внедряются правильные севообороты с чередованием зерновых и корнеплодов, даже применение сельхозмашин: веялок, усовершенствованных плугов и другого²²¹. Можно отметить и специальное разведение молочного скота для городских рынков, улучшение породистости и продуктивности скота, стойловый откорм и т. п.

Это время развития потенций, открытых первым этапом промышленной революции. В том числе и в плане более свободного технического творчества. Делается множество изобретений, и создается патентное право²²². В XVII в. формируется прародительница современной науки. И в связи с тем, что «математика стала инструментом физических исследований»²²³, роль науки как непосредственной производительной силы принципиально возросла.

Однако регламентация, стремление все упорядочить и определить были все еще крайне сильными. Так, в документе кануна английской революции читаем: «Другой причиной упадка суконного производства мы считаем ворсовальную машину, которая часто применяется вопреки закону и о которой мы получаем различные жалобы в связи с тем большим злом и вредом, который приносят эти машины при изготовлении сукон; никакими иными путями невозможно устранить этого, кроме как окончательным уничтожением их каким-нибудь осторожным и искусным образом; мы не можем знать, как какая-либо из этих машин ис-

---

²²⁰ См.: Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч. С. 63.

²²¹ В 1731 г. вышел в свет труд Джетро Туля «Новый способ ведения пахотного хозяйства, или Опыт и принципы обработки земли и выращивания растений», который как бы подводил итог сельскохозяйственных достижений этого периода (см.: Всемирная история: В 13 т. Т. 5. С. 482).

²²² В 1623 г. в Англии был принят закон, по которому собственность и авторские права изобретателя в разных областях науки и ремесел охранялись жалованной грамотой или патентом (Орд-Хьюм А. Вечное движение. С. 205–206).

²²³ Singer C. A. Chort History of Science to the Nineteenth Century. P. 189.

пользуется в других странах, но в нашем королевстве, где эти машины запрещены во всех частях, кроме Глостершира, и где их с каждым днем все больше и больше [они используются] к великому, немилосердному ущербу и вызывают опасность разрушить производство, если не будет принято своевременных мер»²²⁴.

Старая цеховая система в городах весьма сильно противилась техническим и иным новшествам путем прямых запретов или королевских указов в свою пользу, изгоняя изобретателей и промышленников, уничтожая изобретения²²⁵. Но семя уже проросло: стремление к улучшениям и прибыли остановить не удавалось ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Предприниматели переносили производство за город, в села, раздавая работу на дом. Так развивалась рассеянная мануфактура. В новых городах запреты были слабее, и капиталы устремлялись туда. В сельском хозяйстве, например Англии, новый тип владельцев осваивает пустоши и осушает болота, чтобы без помех со стороны общин устраивать пастбища, вводить усовершенствования. Общеизвестно, что капитализм быстрее всего развивался в новых, не связанных регламентацией отраслях, а механизация шла особенно интенсивно там, где было мало работников, в частности в Новом Свете.

В целом идет борьба против регламентации, за инициативу в сочетании с частным интересом, которая была одним из главных двигателей нового типа прогресса, хотя она может быть и разрушительной и очень часто бывает эгоистичной. Таким образом, переходное противоречие постепенно разрешается как путем чисто производственных из-

---

²²⁴ (Отчет королевской комиссии о суконной промышленности, 1640 г. / Лавровский В. М. Сборник документов... С. 32.) Еще и в XVIII в. действовали и даже принимались законы, ограничивающие возможности развития производства, в том числе закон об обязательном 7-летнем сроке ученичества для того, чтобы завести какое-нибудь дело.

²²⁵ Стереотипной формулой многих немецких цеховых уставов XVI в. было: «никто из ремесленников цеха не должен задумывать и изобретать какие-либо новшества или вводить их» (История Европы. Т. 3. С. 70). Впрочем, желание уничтожить машины наблюдалось еще и в начале XIX в.

менений, неизбежно ведущих за собой остальные, так и путем политических революций и изменений в законодательстве. И в результате, говоря словами одного историка, в Европе устанавливается «новый дух» во всех сферах²²⁶.

§ 6. ВТОРОЙ ЭТАП ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРИНЦИПА ПРОИЗВОДСТВА

6.1. Второй этап промышленной революции

В XVIII в. в Англии начинается **второй** этап промышленной революции, приведший к созданию машинной индустрии. Почему именно в этой стране? Конечно, очевидна огромная роль успешных политических революций XVII в., превративших ее в конце концов в конституционную монархию и открывших беспрепятственный путь для капитализма. Очень важными оказались островное положение и внешняя безопасность. Но в целом это спорный и трудный вопрос, поскольку налицо неповторимое сочетание внутренних и внешних факторов, а также особенностей предыдущего развития. Отсюда и самые разные ответы. В нашу задачу не входит анализировать многообразные социальные и политические предпосылки. Но все же на некоторые причины производственно-экономического характера необходимо указать.

Об оптимальных пропорциях территории и населения мы уже говорили. Бесспорно, Британия выиграла и от войн в Европе (поскольку из разных стран туда переселялись искусные мастера), и от географических открытий. Возможность «лишним» людям уезжать в колонии рано дала толчок в направлении экономии труда. Англичане сумели победить свою главную торговую соперницу Голландию. В результате постепенно накапливаются необходимые условия.

---

²²⁶ Rayner R. M. European History 1648–1789. Ch. 17.

Стоит остановиться на особенностях развития английского сельского хозяйства, которое было издавна связано «с далекими рынками, намного раньше английской промышленности стало выгодным объектом приложения капитала, сферой крупного производства, рассчитанного на массовый сбыт. Экономическую эволюцию английской деревни ни в коем случае нельзя понять и объяснить вне связи с городским хозяйством не только Англии, но и континента»²²⁷.

Говоря современным языком, Англия была сырьевым, аграрным придатком европейской промышленности, и это дало впоследствии ей преимущества. Поскольку она являлась «единственной в мире страной, где соответствующая мануфактуре стадия производства была достигнута в земледелии не только одновременно с промышленностью, но и в ряде случаев раньше ее, где буржуазный способ производства внедрялся наиболее решительно в деревне вопреки феодальным формам землевладения»²²⁸, база для капитализма там была шире, так как тем или иным способом захватывала основную массу населения, а сверхприбыльных непроизводственных источников – меньше²²⁹.

Мы уже говорили, что сущность обоих этапов промышленной революции можно определить как трудосбережение. Но второй этап особенно заметно связан с заменой ручного труда машинным.

Правда, дать точное определение, что же такое машина и чем она отличается от инструмента или приспособления, весьма сложно. Однако можно отметить, что большинство инструментов и механических приспособлений лишь усиливали природные качества людей или выступали как специализированное продолжение руки. Они представляли

---

²²⁷ Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч. С. 76–77.

²²⁸ Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч. С. 77.

²²⁹ В Голландии также можно говорить об интенсивном сельском хозяйстве, особенно на отвоеванных у моря землях-польдерах. Однако частые войны разоряли землевладельцев. Но главное, что слишком высокие доходы от торговой и ростовщической деятельности подавили возможность совершения машинного промышленного переворота.

собой всего один элемент-посредник между человеком и предметом труда, причем основную работу делает человек, а инструмент лишь увеличивает его усилия. При этом обычный инструмент не изменяет характер движений человека, например, не превращает однообразные движения ногой (нажим на педаль) во вращательные, как делает такая элементарная машина, как ножной механический станок.

Машиной можно считать сложных посредников между человеком и предметом труда, имеющих по крайней мере два звена передачи, *специфика которых в передаче усилия на рабочий инструмент, в результате чего выполняется более сложная операция*²³⁰. Механизмы, которые имели больше двух звеньев, представляли собой более сложные и нормальные в нашем понимании машины.

Второй этап промышленной революции выразился в новом подъеме с 60–70-х годов XVIII в. развития техники и машин в хлопчатобумажной отрасли и началом замены водной энергии паровой путем внедрения усовершенствованных паровых машин. Таким образом, начало второго этапа вполне правомерно датировать серединой 60-х годов.

Разумеется, промышленный переворот начался не вдруг и не на голом месте. Паровая машина, ставшая символом индустриализации, создавалась и совершенствовалась на протяжении ста пятидесяти лет, пока не стала универсальной²³¹. В начале XVIII в. паровую машину уже применяли для откачки воды из шахт. Позднее она была приспособлена для дутья в горны иковки железа, а затем и для замены водяного колеса в силовых установках.

Замена ручного труда машинным произошла в новой для Англии отрасли – хлопчатобумажной, причем харак-

---

²³⁰ Машина – «это механизм, который под давлением простой движущей силы выполняет сложные движения какой-нибудь технической операции, производившейся раньше одним человеком или несколькими людьми» (Манту П Ук соч С. 151).

²³¹ Манту начинает отсчет с 1615 г., когда Соломон де Кю указал на практические возможности использования водяного пара и построил машину, напоминающую эолипил Герона Александрийского (Манту П. Ук. соч. С. 264). Паровой котел в конце XVII в. впервые изобрел французский физик Дени Папен для варки костей под давлением. Много позже он же построил пароатмосферную машину, в которой котел был отделен от цилиндра.

терно, что она укрепилась во многом благодаря покровительственным мерам в пользу традиционной шерстяной промышленности, представители которой добились запрета на ввоз индийских тканей. Неоднократные же попытки запретить и отечественное хлопчатобумажное производство не увенчались успехом. Однако до тех пор, пока механизация не касалась ее, эта отрасль оставалась второстепенной. Но в результате изобретения челночного ткацкого станка Джоном Кэем в 30-х годах нарушился баланс между двумя ее секторами: ткачеством и прядением. Ткачество стало резко опережать прядение. В последующие десятилетия (30-е – начало 60-х годов) готовился переворот в прядении, создавались первые варианты прядильных машин и осуществлялись не очень удачные попытки их внедрения, пока, наконец, не появились прялка Джеймса Харгривса и машины, используемые Аркрайтом.

Таким образом, 30-е – начало 60-х годов XVIII в. – это переходный период между вторым и третьим этапами промышленного принципа производства. Этот временной отрезок можно отнести и к тому и к другому. Но все же, на мой взгляд, точнее считать его уже началом (подготовительной фазой) промышленного переворота.

В конце 60-х годов не без трудностей, но новшества в прядении закрепились, а в 70-е годы Аркрайт сумел создать уже систему машинного производства хлопчатобумажных тканей, «способную выполнять все последовательные операции этой отрасли промышленности, за исключением, однако, последней и самой трудной – тканья»²³². Но затем и эта проблема, равно как и другие (отбелка, набивка и прочее), была разрешена. В результате с 1780 по 1820 г. продукция хлопчатобумажной отрасли увеличилась более чем в 16 раз²³³.

Как сказано, 60–70-е годы – начало использования уже достаточно продуктивной паровой машины Уатта. Применение пара сделало человека более независимым от приро-

---

²³² Манту П. Ук. соч. С. 184.

²³³ Экономическая история СССР и зарубежных стран. С. 51.

ды, поскольку теперь необязательно было строить фабрики у воды или рыть к ним протоку. Постепенно паровой двигатель полностью вытеснил водяной. В 1810 году в Англии насчитывалось уже около 5 тыс. паровых машин²³⁴, а в 1826 году – 15 тыс. со средней мощностью в 25 л. с.²³⁵

Возникает мощная отрасль – машиностроение. А изобретение парохода и паровоза совершило такой переворот в наземном (и закончилось в водном) транспорте, без которого расширение капитализма было немыслимо. Шли постоянные усовершенствования в металлургии (широкое применение каменного угля, пудлингование, горячее дутье и т. д.).

Однако английский вариант второго этапа промышленной революции не был единственным. И там, где водной энергии было много, например в США, водяное колесо успешно конкурировало с паровым двигателем аж до 60-х годов XIX в. «Машина и пар – вот формула технической революции в Англии. Машина и водяное колесо – вот формула для первого этапа машинной стадии американского капитализма», – подчеркивал А. В. Ефимов²³⁶.

В США промышленный переворот в текстильной промышленности происходил почти исключительно при использовании в качестве основной двигательной силы воды. Американская промышленность (кроме железных дорог и пароходов), естественно, отставала от английской по применению паровых машин. Но это понятно, если вспомнить, сколько в Северной Америке рек, энергию которых было дешево и просто использовать.

Но при примитивной, на первый взгляд, энергетической базе американская технология была весьма высокой и во многих отношениях превосходила английскую. Американские машины на выставке в Англии в 1851 году произвели такую сенсацию, что из Англии в США были направлены эксперты, которые представили правительству доклады. В

---

²³⁴ Экономическая энциклопедия. Т. 3. С. 385.

²³⁵ Экономическая история СССР и зарубежных стран. С. 51.

²³⁶ Цит.: История США. Т. 1. С. 216.

одном из них отмечалась высокая производительность американской мюльмашины, имевшей 1088 веретен и производившей в день работу 3 тыс. рабочих²³⁷. Еще в 50-е годы XIX в. достоинства паровых и водяных двигателей были предметом оживленных споров²³⁸. В целом даже в 1860 году основным источником энергии для американской промышленности оставалась вода. Но там, где было совершенно необходимо, в использовании паровых двигателей американцы могли и обогнать англичан, недаром же первый пароход был изобретен в Америке.

Таким образом, «индустриальная революция всегда по существу одинакова, но методы, которыми она осуществляется, различны из-за различных исторических (и добавим, географических. – Л. Г.) условий»²³⁹. На первых порах во втором этапе промышленной революции, как доказывает вариант американской индустриализации, главным надо считать именно машину, заменяющую труд человека, а вопрос об энергии может решаться до определенного момента различно. Но, разумеется, использование паровой энергии – более перспективный и универсальный вариант, поэтому он повсеместно и закрепился. *Следовательно, паровые машины дали новому принципу производства ту основу и тот центральный элемент, вокруг которого и создавалась вся индустриальная система*²⁴⁰.

Промышленный переворот в Англии в основном завер-

---

²³⁷ Авторы доклада объяснили исключительные успехи, достигнутые американцами в производстве машин, в первую очередь острой нехваткой в стране рабочих рук, наличием огромного внутреннего рынка, высоким уровнем образования и широким использованием зарубежного опыта (История США. Т. 1. С. 215–216).

²³⁸ Форстер У. Очерк политической истории Америки. С. 301. Он же пишет: «В 1840 г. в Лоуэлле энергия воды и энергия пара обходилась соответственно в 12 и 90 долларов за лошадиную силу. Тем не менее паровая машина прочно вошла в быт промышленных центров Новой Англии, где водной энергии уже не хватало, а топливо стоило недорого» (Там же).

²³⁹ The Industrial Revolution 1700–1914. P. 14.

²⁴⁰ «Пар не создал крупной промышленности. Но он дал ей ее мощь, он сделал подъем ее столь же непреодолимым, как непреодолимы силы, которыми он располагает сам. В особенности же он сообщил ей ее единство» (Манту П. Ук. соч. С. 288).

шился в 30-е годы XIX в.²⁴¹ После него производительные силы стали, по образному выражению Геллнера, испытывать страшную, непреодолимую жажду экономического роста²⁴². Идут мощные демографические изменения. Население быстро растет. Недаром же знаменитые труды доктора Мальтуса появляются именно в конце XVIII в. В Англии и Уэльсе за 50 лет (1750–1800 гг.) население выросло в полтора раза, с 6 до 9 млн, а за следующие 50 лет и удвоилось, достигнув 18 млн²⁴³. В целом же население Европы (без России) за век, с 1750 по 1850 год, выросло со 120 до 210 млн. чел.²⁴⁴ Таким образом, в XIX в. рост населения переходит в то, что называют демографической революцией, явление, характерное для индустриально развитых стран (или позже индустриализующихся).

В 30-е годы XIX в. остаточное противоречие в Великобритании было в основном преодолено. Экономическая и политическая сферы разделились, частная собственность и гражданское право упрочились, установилась цензовая демократия как наиболее соответствующая новому принципу производства форма правления; были устранены многие всякого рода стеснения и прекращены действия властей, которые прямо мешали промышленности и более честной конкуренции; в целом создались хорошие возможности для развития экономики.

---

²⁴¹ Ерофеев дает такие этапы промышленного переворота: 1. 60–80-е гг. XVIII в. Машинное производство делает первые шаги в одной отрасли – хлопчатобумажной. 2. 90-е годы XVIII в. – 1830 г. Приемы и методы машинного производства и фабричной организации, опробованные в хлопчатобумажном производстве, переносятся на другие отрасли. 3. 1830–1850 гг. Массовое распространение машин и фабричного производства, окончательная победа машин над остатками ремесленного производства (см.: Промышленный переворот... С. 72).

С этим можно согласиться. Однако, с точки зрения авторской концепции, время широкого распространения машин, окончательной победы машинного производства – это действительно последняя фаза промышленной революции, но она относится уже к началу четвертого этапа принципа производства (зрелости).

²⁴² По некоторым данным, производительность труда в Англии с 1770 по 1840 г. (т. е. за 70 лет) выросла в 27 (!) раз. См.: Экономическая история СССР и зарубежных стран. С. 52.

²⁴³ The Industrial Revolution... P. 15.

²⁴⁴ Op.cit.

6.2. Зрелость и основное противоречие промышленного принципа производства

Второй этап промышленной революции в основном соответствует третьему (расцвета) этапу промышленного принципа производства, который продолжался примерно сто лет (с 30-х годов XVIII в. по 30-е годы XIX в.). К его концу успехи индустриализации, хотя и не столь очевидные, как в Англии, были уже в целом ряде стран.

Окончание третьего этапа хронологически совпало в Англии с первой парламентской реформой 1832 года. И это не случайно. Подобно тому, как быстрый рост поливного в больших масштабах земледелия наилучшим образом мог быть осуществлен и – главное – воспроизведен в условиях централизованного и крепкого государства, *для капиталистического машинного производства нужна была политическая власть, на которую производители могли влиять и которая бы считалась с ними.* Ведь развитие фабричной промышленности и новых средств сообщения, непрерывный экономический и технический рост значительно усиливают влияние новой индустрии на общество. Теперь требуются быстрые и достаточно частые изменения в самых разных областях жизни (социальной, профессиональной, демографической, в области права, образования, внешней политики и т. д.), чтобы обеспечить простор для развития экономики.

С 30-х до 90-х годов XIX в. – четвертый (зрелости) этап. Трудно представить всю мощь конструкторской мысли, гения изобретателей в это время. Только за 10 лет, с 1851 по 1860 год, только в США «было запатентовано 23140 изобретений, некоторые из которых произвели подлинную революцию в производстве продукции отдельных отраслей американской промышленности»²⁴⁵. А в последующие тридцать лет, с 1860 по 1890 год, масштабы изобретательства возросли в цифрах в 7 раз, и в это тридцатилетие «

---

²⁴⁵ Джинчарадзе В. З. Экономическая история США. С. 30.

США было выдано около 440 тыс. патентов на изобретения в различных областях науки и техники»²⁴⁶.

В период зрелости, как уже не раз сказано, формируется и растет собственное, специфическое противоречие. **Основное противоречие третьей формации – это противоречие между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений – с другой**²⁴⁷. Иными словами, порядок распоряжения производительными силами подчиняется целям извлечения прибыли и интересам отдельных лиц, групп и корпораций (будь то монополии, министерства, союзы промышленников, профсоюзы и т. п.)²⁴⁸. Но поскольку все компоненты производства очень тесно взаимосвязаны, каждое частное изменение в нем, предпринятое в лично-корпоративных целях, может отражаться на многих или даже на всем обществе, иногда весьма болезненно.

Следствий этого противоречия много.

1. Наиболее известными можно считать **экономические кризисы перепроизводства** (при социализме, напротив, дефицит благ).

2. Основной производитель юридически свободен, но он отчужден от средств производства. Работодатель же не заинтересован в сохранении его здоровья и нравственности, поскольку рабочий не капитал, он как бы дается даром.

---

²⁴⁶ Джинчарадзе В. З. Ук. соч. С. 44.

²⁴⁷ Это видоизмененная и расширенная формулировка основного противоречия капитализма, которая годится и для любого индустриального (в том числе и социалистического) общества.

²⁴⁸ Объединения купцов и промышленников известны с древности и весьма характерны для раннего капитализма. Затем развитие пошло в сторону атомизированных предпринимателей, чтобы с середины XIX в. переменить направление. Частные предприятия все более становились корпоративными: сначала акционерными, затем и вовсе пришли к гигантским по размерам и могуществу монополистическим союзам. Тем более это характерно для социализма. Развитие же техники и классовая борьба рабочих вместе с другими причинами дали возможность работникам объединяться в профсоюзы, партии и т. п. Так возникли и рабочие корпорации, получившие в XX в. огромную власть и часто пользующиеся ею в корыстных и узкогрупповых интересах.

Между тем вся тяжесть воспроизводства и обучения рабочей силы перекладывается на общество. Это приводит к новому в истории явлению – массовой и постоянной безработице. Расточительство, свойственное любому типу производства, тут проявляется исключительно наглядно. Период индустриализации часто ведет к падению уровня жизни большей части населения.

3. Принцип частной собственности ведет к классовому делению и, как следствие, к острой общественной борьбе. А наращивание экспорта – к международным трениям. Бремя же поддержания внешнего и внутреннего мира полностью возлагается на общество.

4. Наблюдается постоянное стремление пользоваться общим ради частных выгод, желание поставить государство себе на службу, частный интерес вознести над общим.

5. Очень распространены случаи хищнической эксплуатации колоний, земель, природы, ресурсов, людей.

Техническая же сторона основного противоречия третьей формации означает недостаток удобных форм объединения капиталов, а также противоречие между техническим и человеческим компонентами производительных сил, связанных с возвышением первого и понижением второго. В ремесле искусство мастера было главным. Теперь же главное – капитал в виде машин и оборудования, приобретение и обновление которого требует строжайшей экономии на заработной плате.

Кроме того, сказывалась непропорциональность разных областей и отраслей экономики. Наряду с очень производительными механизированными отраслями, большинство все еще использовало главным образом ручной труд. Например, та же добыча угля велась большей частью вручную, ручной была в основном и разгрузка-погрузка. И внутри самих фабрик было еще очень много ручного труда. Следовательно, общая производительность все еще оставалась низкой. С другой стороны, вознаграждение за труд снизилось, так как усовершенствование машин позволило управлять ими неквалифицированным рабочим, даже детям.

Сказанное потребовало много и по возможности дешевой рабочей силы. В орбиту промышленности вовлекалась гигантская масса населения, в том числе женщины и дети. Таким образом, рост общественного богатства происходил только частично за счет механизации труда, а в большей мере – за счет понижения жизненного уровня массы рабочих и ремесленников.

Неспособность производительных сил создать достаточное богатство, а общества – должным образом изменить распределительную и правовую системы открывала путь увеличения абсолютной эксплуатации работников: увеличения рабочего дня, интенсивности работ, штрафов и натуральной зарплаты и т. д. И если демографические ресурсы позволяли, это длилось достаточно долго²⁴⁹.

Обратной стороной описанной ситуации являлась слабая покупательная способность населения. Кроме того, рост городского населения делал продукты питания достаточно дорогими для основной его массы. Все это означало узкий рынок потребления, жесткую конкуренцию, самоэксплуатацию мелкой буржуазии, крестьян и ремесленников, которая, по словам Гэлбрейта, бывает еще жестче эксплуатации, а также создавало основу для регулярных кризисов перепроизводства и жестокой безработицы. Таким образом, бедность становилась естественным спутником капитализма, а социальные конфликты оказывались неизбежными.

Но усилению эксплуатации препятствовало то, что буржуазия не была политически всемогуща, как рабовладельческая аристократия на Юге США или коммунистический режим. В Англии, например, с одной стороны, буржуазия стремилась ограничить власть аристократии, для чего опиралась так или иначе и на другие слои, включая рабочих. Последние же расширяли возможности отстаивать свои интересы. С другой – и после парламентских реформ бур-

---

²⁴⁹ Капитал также стремился к экстенсивному росту. Иногда это прогрессивно (например, освоение земель Америки, Австралии, новых месторождений). Иногда, когда направлено на расширение внешнеэкономически эксплуатируемой периферии, – реакционно.

жуазия не могла безраздельно господствовать на политической сцене и была вынуждена считаться с общественным мнением других слоев. Все это ставило пределы для эксплуатации.

Поэтому в историческом плане *техническое противоречие решается за счет все большей механизации и машинизации производства и повышения производительности труда в увязке с уменьшением эксплуатации и повышением жизненного уровня рабочих*²⁵⁰. В США нехватка рабочих и тем более делала технизацию главной возможностью промышленного развития.

Техническое противоречие было, как сказано, связано также с трудностью концентрации капиталов и высоким личным риском в случае неудачи. Поэтому по мере того как появлялась юридическая возможность организовывать различные формы акционерных, с ограниченной или смешанной ответственностью компаний, которые в XIX в. «создавались со скоростью лавины»²⁵¹, и по мере появления новых средств связи и транспорта, развития банков, кредита и прочего, позволяющего легче перемещать капиталы, способность их концентрации возросла неимоверно.

6.3. Высшие этапы промышленного принципа производства

Этап высокой зрелости длился примерно с 90-х годов до Первой мировой войны 1914 г. Мощно развивается химическая промышленность, происходит рывок в сталеплавлении, начинают широко использовать электрическую энергию, которая наряду с нефтью постепенно теснит уголь. Создаются станок за станком, машина за машиной. Телеграф, телефон связали мир. С двигателями внутреннего сгорания появились транспорт и машины, способные действовать автономно. Особое место среди них принадлежало

---

²⁵⁰ Правда, в Англии добавлялись и доходы от эксплуатации колоний, и это было одной из причин потери ею лидерства в развитии промышленности.

²⁵¹ Аннерс Э. История европейского права. С. 276.

автомобилю и трактору. Последний вызвал переворот в сельском хозяйстве. Электродвигатели изменили лицо фабрик, быт.

И, наконец, последний, **подготовительный**, этап продолжался до середины XX в. Идут мощная интенсификация производства и внедрение научных методов организации производства, невиданные прежде стандартизация, укрупнение предприятий, мощнейшее развитие военной техники, науки, расширение вмешательства государства в экономику, рост образования. На заводах появились индивидуальные электродвигатели вместо общего парового; колоссально распространяется электроэнергия.

В это время мы уже можем заметить предпосылки научно-технической революции. Появляются или получают значительное развитие новые виды транспорта (самолеты, первые ракеты), создаются искусственные материалы, автоматы разных видов; новые виды связи и изображения: кино, радио, первые телевизоры. Радио позволяет связать любую точку планеты, управлять на расстоянии. Открываются новые виды энергии (ядерная), идет работа над изобретением компьютеров. Происходят изменения в сельском хозяйстве: как в его механизации, так и в агротехнике (новые способы селекции, искусственное осеменение и прочее). Больших успехов достигает медицина.

Техническая часть противоречия разрешалась, таким образом, гораздо быстрее, чем общественная, а это вызвало цепь кризисных разнообразных явлений (о чем в следующем параграфе). Прибавочного продукта становилось все больше, а главный стержень распределения оставался прежним. Между тем в создании изобилия в связи с мощнейшим разделением труда фактически участвовало все общество, которое также несло все издержки экономической политики в интересах определенных групп. В результате вокруг возраставшего прибавочного продукта разгоралась все более ожесточенная борьба, причем число реальных и потенциальных участников дележа росло.

В результате классовой борьбы эксплуатация рабочих становится мягче, зато ужесточается колониальная и национальная политика. Важнейшим показателем изменений стали концентрация капитала и производства и появление нового вида корпораций, чрезмерные влияние и власть которых выкристаллизовали проблему соотношения частной собственности и общественных интересов гораздо ярче и по-новому. Все это вызывало обострение основного противоречия в его определенных моментах, что по-разному проявлялось в разных обществах.

Преодоление технического противоречия позволило появиться и иному варианту индустриального принципа производства в обществах, где в роли главного организатора производства и накопителя капиталов выступало государство. Тут производители оказались либо в роли младших партнеров чиновников, либо сами превратились в них. Поскольку направления прогресса выбирало государство, постольку оно стремилось ко всеобщему регулированию, что и породило тоталитаризм. Ведь требовалось соблюсти баланс всяческих интересов и обеспечивать развитие производства вместе с государственной мощью. Это удавалось сделать только при определенной идеологии, контроле за ресурсами и подавлении инакомыслия.

Наиболее ярким типом здесь стал **социализм**. В этом строе проявились некоторые черты как прошлого (прежде всего крен во внеэкономическое отчуждение), так и будущего: социальное обеспечение, планирование, государственное регулирование экономики и другое. Но они основывались на слишком примитивной производственной базе. Если природное богатство позволяло, то временно уровень жизни мог быстро расти²⁵². Но источники внутреннего развития были слабы.

---

²⁵² В условиях богатства недр СССР, и в особенности нефтяного бума, возник эффект псевдовысокого развития: за счет этого богатства страна пыталась создать уровень и образ жизни, которые характерны для более высокой стадии. Когда ресурсы исчерпались, рухнул и социалистический строй.

§ 7. ПЕРЕХОД К НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМУ ПРИНЦИПУ ПРОИЗВОДСТВА И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ЧЕРТЫ

7.1. Преодоление основного противоречия третьей формации и начало перехода к научно-информационному принципу производства

Переход к новому принципу производства и производственной революции не идет гладко, а сопровождается сильными кризисами и потрясениями. В конце XIX в. производительные силы достигли пределов роста, дальше которых они могли бескризисно развиваться только при существенном изменении распределительных отношений и хотя бы частичном разрешении основного противоречия. Ведь то, что в нашей науке описывалось как империалистическая стадия капитализма, по сути, довело обобществление производства почти до предела, между тем как способ принятия решения и присвоения в главном оставался прежним.

Поэтому шестой подготовительный этап промышленного принципа производства был связан не только с массой различных новаций, но и с большими потрясениями, которые так или иначе захватили почти весь мир. Первая мировая война стала результатом различных, в том числе и экономических, противоречий. Поиск способов преодолеть болезни общества вылился в чудовищные социальные эксперименты социализма и фашизма, во Вторую мировую войну, которая ясно показала неизбежность перестройки мирового порядка. Экономические кризисы становились все разрушительнее, пока не достигли такой силы, что поставили западный мир перед угрозой краха или огромного социального взрыва. Великая депрессия 20–30-х годов окончательно подорвала веру в чудодейственность рынка, в то, что хозяйство наладится само собой.

Уже с Первой мировой войны, но особенно в 30–40-е годы в результате антикризисных мер и военной регламентации промышленности во многих странах нащупывались

механизмы изменения распределения, контроля и планирования в экономике. Не везде они были удачны, а в ряде случаев (как в Германии) трагичны. Но в целом удалось отыскать пути преодоления основного противоречия. Главную роль в этом играли методы государственного регулирования макроэкономических параметров производства и распределения.

После Второй мировой войны США первыми указали дорогу в новый научно-информационный принцип производства и экономический тип отчуждения²⁵³. Начавшаяся в 50-е годы НТР закрепила эти трансформации. Почему именно в США впервые начался такой переход? Как всегда, налицо сплав особенностей и закономерностей. Основное противоречие здесь не было столь острым. Это общество сформировалось без многих феодальных пережитков, отсюда его социальная структура и правовая основа позволяли быстрее разрешать противоречия, и ресурсов в нем было больше. Поэтому достаточно долгое время казалось, что на пути капиталистического развития там не будет никаких особых помех. Однако именно в США некоторые моменты основного противоречия проявились особенно ярко. Так, нигде не было столь крупных и централизованных монополий, и нигде борьба общества с ними не принимала столь ожесточенный характер.

Уже в XIX в. и начале XX было видно лидерство США в производительности труда, в экономическом стимулировании рабочих и всеобъемлющем применении техники. Первая мировая война и последовавшие за ней революции не только особо не затронули Штаты, но и принесли им несомненную пользу. В 20–30-е годы это было технически самое передовое общество. Не было страны в мире, где была бы столь высокой производительность труда в ряде отраслей, где достижения науки внедрялись бы так быстро, где производилось бы столько электромашин и автомобилей.

---

²⁵³ 40–50-е годы, по Д. Беллу, переход к постиндустриальному обществу

По существу, уже в 20-е годы уровень техники США в ряде направлений перерос индустриальный принцип производства. Однако идея, что все должно идти, как шло раньше, сдерживала рождение нового принципа производства. Великая депрессия заставила наконец включить механизм государственного регулирования. Вторая мировая война добавила необходимый элемент вмешательства государства в регулирование, финансирование и стимулирование ряда направлений научно-технического прогресса. А то, что после войны США оказались в положении едва ли не мирового монополиста, поставлявшего самые разные товары и машины, способствовало их развитию в указанном плане.

Помимо сказанного, очень важным было то, что для перехода к новому принципу производства требовались свобода от колоний, а также территория и внутренний рынок гораздо большие, чем отдельные европейские страны. По всем требованиям США подходили на роль лидера в переходе в новый принцип производства.

Основное противоречие было прорвано и частично разрешено. В чем именно? Теперь при сохранении силы рынка государство регулировало народное хозяйство налогами, заказами, планированием, вмешательством в дела банков, контролем за обращением денег, стимулированием спроса, ограничением промышленных конфликтов и т. д. Фактически правительство в целом стало брать на себя ответственность за экономическое развитие, а позже и за рост уровня жизни. Все это делало развитие более ровным и смягчало кризисы. Безработица изменила свой жестокий характер, что вместе с различными социальными программами резко уменьшило роль внеэкономического отчуждения.

Европа и Япония вступили в новый принцип производства позже, в 50–70-е годы, когда оправались от войны. Для Европы важнейшим этапом была интеграция в ЕЭС.

7.2. Научно-информационная революция: некоторые характеристики

Производственная революция, которая началась в 40–50-е годы XX в. и продолжается по сию пору, получила название научно-технической. Но точнее ее было бы назвать научно-информационной, так как наметился переход к научным методам управления производством и обращением. В сфере же информации произошли огромные изменения. Сама информация является, по сути, новым видом предмета труда, а ее создание, сбор, обработка, распространение, прием и расшифровка (объяснение) становятся все более важной частью производства.

Результаты первого этапа этой революции были очень многообразны. Помимо создания компьютеров и различных электронных средств управления, связи и информации, НТР имела еще ряд направлений: в энергетике, в области создания искусственных материалов, автоматизации, в освоении космоса, сельском хозяйстве (в селекции и прочем), а также в медицине и ряде наук.

Но основные результаты этой революции еще впереди. Все более вероятным представляется давно высказываемое мнение о втором этапе этой революции²⁵⁴, связанном с глобальным информационным и научным проникновением во все сферы деятельности, изменением отношения к природе и возникновением мощных природовосстановительных и природоохранных секторов хозяйства. И этот второй этап может начаться в ближайшие десятилетия (если будут достаточно благоприятные условия в политическом и социальном климате основных регионов мира).

Второй этап, возможно, будет иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управление природой). И – судя по сегодняшним новинкам и направленности науки – есть основания говорить, что

---

²⁵⁴ См., например: Материалистическая диалектика. Т. 4. С. 314; Волков Г. Промышленная революция. С. 391.

первичный прорыв может состояться в области планируемого воздействия на человеческий организм²⁵⁵. Поскольку люди – важнейшая часть производительных сил, вполне правомерно считать такое направление и производственным.

Весьма возможно, что нынешнее время – это как раз перерыв между двумя ее этапами, связанный с широчайшим распространением новых техники, технологии, образа жизни, форм связи и информации²⁵⁶.

В известной мере первый этап производственной революции как бы завершает, подводит итог тенденциям прежнего принципа производства и одновременно открывает новое. Поэтому он представляет своего рода симбиоз (частью синтез) старого по форме, но нового по содержанию и функциям, с одной стороны, и принципиально нового, которое еще не играет решающей роли – с другой. Из этого понятно, почему на первом этапе научно-информационной революции наиболее заметна **экономия сложного и интеллектуального труда в производстве, науке, информационном деле и др.** НТР в то же время есть революция **экономии энергии** в самом широком смысле слова: и труда, и природы, и ресурсов, и здоровья, и другого²⁵⁷.

Но в целом очень вероятно, что эта революция станет революцией «управляемых систем», иными словами, широким развитием способности планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами, включая безотходность производства. И в НТР налицо уже черты этого, но только не столь четкие.

---

²⁵⁵ Нельзя сказать, что это вызывает только восторг, но, во всяком случае, такая тенденция есть, а отношение к ней – вопрос иного плана.

²⁵⁶ Кроме того, налицо как бы взаимопроникновение и дополнение различных направлений научно-информационной и технической революций, что и делает новый принцип производства динамичным, более эффективным и склонным к широкой экспансии.

²⁵⁷ И сегодня в этом направлении делается уже немало. А такое явление, как энергетический кризис 70-х годов, подвинуло мир к экономии топлива очень сильно.

7.3. Первые этапы научно-информационного принципа производства: хронология и некоторые характеристики

Поскольку четвертый принцип производства находится еще в начальных стадиях и только готовится вступить в свой третий (расцвета) этап, после которого уже станут более очевидными его собственные черты, говорить о его характеристиках и хронологии приходится во многом предположительно.

В настоящее время мир в лице передовых стран, по-видимому, вступил во второй (молодости) этап научно-информационного принципа производства. **Первый его этап проходил в 40–80-х годах XX в.** В нем можно выделить такие подэтапы:

1. 40–50-е годы – преодоление основного противоречия в США и утверждение здесь некоторых черт нового принципа производства.

2. 60–70-е годы. Мощный экономический подъем ряда европейских стран и Японии, вступление в новый принцип производства этих и других стран. Разворачивание ряда направлений НТР становится очевидным.

3. 70–80-е годы начинаются трудностями и потрясениями, преодоление которых готовит переход во второй этап принципа производства. Энергетический кризис ознаменовал конец многих прежних тенденций и начало действительно экономии ресурсов. Вместе с расширением мер по охране окружающей среды это свидетельствует о начале формирования собственных черт нового принципа производства и четвертой формации в целом, о наметках на будущее²⁵⁸. В этот период преимущества нового принципа производства уже становятся более очевидными на фоне кризиса в конкурирующем лагере социализма. Идет мощ-

---

²⁵⁸ Подобно тому как уже в ранних мануфактурах взаимоотношения хозяев и работников становились весьма острыми и требовали регулирования, но были принципиально разрешены только века спустя, так и эти первые шаги свидетельствуют о том, что в будущем экологические проблемы должны быть решены радикально и на иной основе.

ный экономический рост ряда азиатских и латиноамериканских стран.

С середины 80-х годов вместе с появлением или достаточно широким распространением удобных в обращении компьютеров, средств связи и прочего, думается, *мир стал вступать в этап количественного распространения новшеств*. Ведь большинство из сегодняшних технических и электронных чудес не являются принципиально новыми. Но они представляют собой самые разнообразные комбинации новшеств предшествующего периода, доведенных уже до определенной степени совершенства и рассчитанных на неспециалистов. Поэтому они распространяются в массовом количестве, круто изменяют лицо мира, быт и прочее. Новые секторы с учетом, конечно, международного разделения труда становятся в некоторых странах ведущими.

В то же время ряд открытий в области генетики и медицины, а также принципиально новые поколения компьютеров, еще не столь радикальных, чтобы начать новый виток изменений, но крайне важных в качестве составных частей будущего, возникают на глазах. *Весьма вероятно, что где-нибудь в 20–30-е годы XXI века начнется второй этап научно-информационной революции (или революции управляемых систем)*.

Как сказано, на первом этапе производственной революции, помимо совершенно новых явлений, налицо и развитие тех, что уже имелись к ее началу. Но теперь они складываются в иную систему и приобретают такие масштабы, что начинается переход количества в качество²⁵⁹. Так, электрическая связь (телеграф, телефон) и радио имеют уже солидный возраст. Но ясно, что по многим параметрам современные средства связи опережают прежние на несколь-

---

²⁵⁹ Например, Коэн выделял два коренных отличия технического развития современности от прошлого, связанных именно с масштабами явлений: огромный количественный рост и всемирный характер технических (и ими порожденных социальных) проблем (Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса. С. 216).

ко порядков. Рассмотрим некоторые тенденции в производительных силах.

Старые (относительно, конечно) тенденции бурно развиваются: растут при уменьшении препятствий для них торговля, специализация, кооперация, туризм и самые разнообразные контакты²⁶⁰. Появляются все более разнообразные и неожиданные машины и механизмы. Транспорт становится все мощнее и быстрее. Увеличивается роль науки и как средства производства (непосредственной производительной силы), и как товара в виде различных научно-исследовательских разработок.

Огромная часть населения занята оказанием различных услуг. Экономика ориентируется на товары длительного пользования и блага, связанные с развитием (или псевдоразвитием) и развлечением личности: спорт, медицина, отдых, туризм и прочим. Производство товаров духовного назначения: книг, фильмов, песен и т. п. – стало промышленно массовым, причем качество их по сравнению с прошлым, естественно, ниже, как всегда бывает, когда индивидуальные произведения переводятся на поток.

Хотя старые тенденции нарастают очень быстро, но еще быстрее разворачиваются новые. При этом особенно важным будет подчеркнуть **наднациональный** характер ряда новых областей производства, что делает национальные границы перед современными производительными силами гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом. Этому способствуют: 1) быстрота распространения информации и возможность прямого общения людей, находящихся в любых местах планеты, причем в таком диалоге могут одновременно участвовать много собеседников; 2) техническая свобода выхода в широкий эфир; 3) многократный рост аудитории; 4) разнообразие средств информации. Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей всевозможную ин-

---

²⁶⁰ Стоит отметить рост способности производительных сил вызывать новые потребности и сознательно планировать их. Реклама, достаточно развитая и раньше, теперь становится мощнейшим средством создания таких потребностей.

формацию, часто минуя национальные границы вообще. Налицо вообще изменение роли людей, которые постепенно становятся центром производительных сил (из их придатка или контролера); 5) доступность информации и все большая ее полнота по разным вопросам в масштабах мира или его ведущей части (например международные каталоги открытий и изобретений); 6) доступность компьютерной технологии и копировальных машин.

Таким образом, **производительные силы давно уже перешагнули национальный объем и границы и становятся все более интернациональными. Мало того, наиболее быстро растущие области производства как раз по природе своей наднациональны или планетарны.** Например, космос. Аналогично обстоит дело и с Интернетом, тем более что это киберпространство все более активно используется в коммерческих целях. Дальнейшее развитие производительных сил (с учетом перспектив космической индустрии и использования Мирового океана) обещает новые гигантские изменения, которые лишь усилят воздействие в указанном выше направлении²⁶¹.

Применяя аналогию, можно сказать: подобно тому как в позднефеодальную эпоху индустриальное производство первоначально формировалось в новых отраслях, не связанных цехами, неподвластных государственной или иной регламентации, так и теперь самые перспективные области экономики гораздо меньше, чем старые, связаны с национальной системой хозяйства.

Сегодня экономика все сильнее опирается уже не на национальные единицы, а на наднациональные экономические объединения с проникновением во все мировое пространство; а также на сферы деятельности, по своей сущности наднациональные или общечеловеческие²⁶². Неудивительно, что все чаще говорят о глобализации производства.

---

²⁶¹ Встречаются даже радикальные заявления, что старая экономика должна умереть, чтобы родилась новая (Dent H. S. The Roaring 2000 s: Building the Wealth and Lifestyle. P. 51).

²⁶² Среди многих факторов, способствующих новому процессу, почетное место занимают транснациональные корпорации (ТНК), которые становятся теми каналами, через которые проходят новые линии связи стран, институтов, фирм и прочее, переливается новая технология, товары, услуги, взгляды и т. п.

7.4. Основное противоречие современной эпохи

Новый принцип производства еще только в начале пути. Одни страны вступили во второй его этап. Иные лишь в первом переходном. А большинство еще в разных этапах индустриального принципа производства. Поэтому – если следовать логике тех закономерностей, о которых шла речь в этой части, – сейчас пока устраняется переходное противоречие прежней эпохи. Надо только еще раз подчеркнуть, что, частично разрешаясь, видоизменяясь, прежнее противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже вырастает в будущее, носит черты и старого, и нового, сильно не похоже на то, как оно выглядело раньше.

Как представляется, прежнее основное противоречие, разрешившись в национальном масштабе, проявляется теперь уже как остаточное в региональном и планетарном. Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частнокорпоративными, партийными (или, в лучшем случае, национально-корпоративными). **А значит, возникает противоречие между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью**²⁶³. Оно выражается по-разному, в том числе как противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным (партийным, корпоративным) эгоизмом, между общепланетарными нуждами человечества и узко понимаемыми национальными интересами.

И это глобальное противоречие, уже сегодня весьма заметное, завтра будет угадываться едва ли не в каждом аспекте жизни. В будущем оно в ряде стран может стать особенно непримиримым в плане сохранения окружающей среды, как сегодня в правах человека. Уже сейчас очевидно, что, став независимыми от частных ограничений при-

---

²⁶³ Подробнее об основном противоречии современной эпохи см.: Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета.

роды, люди столкнулись с ограниченностью ее возможностей в целом. Ведь нарушение даже отдельных звеньев ломает общее экологическое равновесие.

Поэтому укрыться в национальном доме от экологических проблем невозможно. То же касается и безопасности производства, где любая катастрофа отдается далеко от места происшествия. Следовательно, необходимы какие-то договоренности, органы и нормы, а также шкала ценностей в региональном и планетарном масштабах. Поэтому в будущем экономика должна быть направлена не просто на защиту, но и поддержание равновесия в природе. Но такая экономика должна быть по определению наднациональной.

Слаборазвитые страны используют отсталые и экологически расточительные формы хозяйствования (вроде выжигания саванн, вырубки лесов, истощения почв и т. п.). А так как их население растет, то увеличивается и нагрузка на природу, что все больше влияет на ландшафты огромных территорий и в целом на мировой климат. Такая ситуация в принципе недопустима для интересов мирового сообщества²⁶⁴. Решить самостоятельно эти и другие проблемы развивающиеся страны в большинстве случаев не смогут, значит, им необходима помощь. Но дело не просто в деньгах. С учетом их всеобъемлющей отсталости нужны международные контролирующие и направляющие развитие органы, а в целом ограничение их суверенитета во многих отношениях (добровольно прежде всего, чтобы международное право возобладало над национальным).

Это же касается неконтролируемого роста населения. Ограничение рождаемости наталкивается на множество препятствий. И, следовательно, регулирование численности населения (с одновременным уменьшением смертности и

---

²⁶⁴ Важнейшая опасность в том, что отсталые государства выбирают моделью своего развития европейско-американскую, которая сформировалась именно в условиях безудержной эксплуатации природы. А если не хватало таких ресурсов у себя, то использовали богатства других. Но в тот период это не являлось серьезным испытанием для планеты, вовлечение же в подобный процесс стран с населением в миллиарды способно подорвать экологию.

повышением качества жизни) также все более становится не только национальным, но и общим делом. Это станет особенно актуальным, если в каких-то мировых квотах начнут учитывать численность населения.

А квоты, по-видимому, будут очень важным инструментом регулирования. Ведь чтобы решить многие глобальные проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения. Ибо то, что сегодня экономическое соревнование приняло просто сумасшедшие темпы, крайне опасно. Это усиливает нежелательную диспропорцию, когда наибольшие богатства создаются в странах, где население почти не растет, и увеличивается бедность там, где оно, напротив, быстро прибавляется.

Совершенно необходима пропаганда умеренности. Если бы в развитых странах постепенно перешли к более скромной жизни, то и отсталые могли бы легче пройти через этап расточительства. Тем более что там много соответствующих традиций умеренности. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit). Пределы роста расширения окружающей среды, предел вооружения, предел вмешательства в живую природу и т. д.²⁶⁵.

Однако просто убедить отставшие страны не торопиться догонять передовые, равно как последних – задержать свое развитие невозможно. Но можно рассчитывать на выработку таких договоренностей, которые постепенно поставили бы экономический и демографический рост под контроль. Другая задача – стремиться форсировать экологически безопасные и природовосстановительные отрасли: туризм, насаждение лесов, создание национальных парков и т. п.

По сути, желательно было бы создать систему мировых и региональных бюджетов, фондов и банков (типа МВФ,

---

²⁶⁵ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. P. XXIX.

МБРР), которые бы оказывали определенную материальную, техническую, специальную и прочую помощь слабо-развитым странам в деле восстановления экологического равновесия, отказа от наиболее варварских методов природопользования и т. п. И одновременно давили бы на тех, кто не хочет это делать, подобно тому как принуждают в проведении экономических реформ. Среди возможных механизмов особенно важными могут быть региональные экономико-политические объединения стран, вроде того, что сегодня демонстрирует Европа. Эти объединения способны выработать определенные кодексы и методы природоохранной политики, которые станут как бы образцом для других.

Между тем необходимо некоторое выравнивание уровней развития, жизни и культуры районов мира. Ведь при столь тесных контактах невозможно победить болезни, наркоманию, бороться с преступностью и терроризмом, нелегальной эмиграцией и массой других социальных бедствий в самых развитых странах, если в большинстве мест планеты процветают голод, нищета, некультурность, невежество, реакционные режимы, болезни и прочее. Чтобы быстрее преодолеть отсталость, нужно сделать эти страны более привлекательными для иностранного капитала, технологий, туризма. А для этого следует двигаться по пути совмещения стандартов жизни, законов, подходов к экономической деятельности в возможно большем числе стран.

Таким образом, становится все очевиднее, что «новый экономический порядок предполагает переход от национального планирования на уровень планирования наднационального»²⁶⁶. Однако пока эта задача решается лишь на региональном, а не мировом уровне и то лишь в отдельных регионах и весьма ограниченно.

---

²⁶⁶ Ван дер Вее Г. История мировой экономики 1945–1990. С. 374.

7.5. Некоторые предположения о будущем

Надо сказать, что человечество уже заметно продвинулось в направлении уменьшения опасности истребительной войны и войн вообще, борьбы с терроризмом, выработки правил мировой торговли, помощи странам, испытывающим кризисы, защиты прав человека и многих других вопросах. Но в целом мир еще в начале пути в создании механизмов регулирования общечеловеческих интересов. Как, в каком направлении пойдет это развитие?

Футурологических прогнозов множество. Существует три главные точки зрения на будущее: мрачная, которая предрекает неизбежность ужасных катастроф; оптимистическая²⁶⁷, сторонники которой полагают, что у людей должен проснуться инстинкт самосохранения и до непоправимых последствий дело не дойдет; и средняя между ними, заключающаяся в том, что человечество испытает весьма крупные неприятности, но не погибнет и в конце концов научится регулировать свою деятельность.

Мой взгляд ближе к оптимистическому, хотя очевидно, что сами собой проблемы не разрешатся, а затягивание в осуществлении необходимых действий уменьшает шансы на успешное их преодоление. Поэтому в зависимости от того, насколько люди сумеют осознать опасность и как удачно сложатся обстоятельства, в той или иной мере вероятен любой из указанных выше прогнозов.

Я попытаюсь нарисовать некую схему, хорошо понимая, как мало шансов, что реальность будет ей соответствовать. Ведь в связи с непрерывным развитием общества его законы постоянно модифицируются, а значит, прежнее не может служить надежной моделью будущего. К тому же многие случайности способны спровоцировать экологическую или военную катастрофу. Но все же другого способа, кроме как основываться на познанном, нет. Кроме того, мне ка-

---

²⁶⁷ Есть, конечно, и сверхоптимистические, приверженцы которых думают, что научно-технический прогресс, подобно «невидимой руке» А. Смита, все регулирует сам.

жется наиболее логичным именно так завершить рассмотрение исторического процесса и сделать самый общий прогноз развития уже сегодня наметившихся процессов.

Как уже сказано, в одиночку проблем не одолеть. А для совместных действий необходимо найти способы подчинения (и совмещения) национальных интересов мировым²⁶⁸. Лишь с решением (или хотя бы перспективой решения) ряда общемировых задач по-настоящему начнется второй этап научно-информационной революции и расцвет четвертой формации.

Затем последует зрелость, в которой, собственно, и проявится ее специфическое противоречие, которое уже сегодня начинает чувствоваться в самых развитых странах. Рискну предположить, что оно может быть сформулировано так: **противоречие между стремлением производительных сил к безудержному росту, с одной стороны, и необходимостью создать стабильность в жизни людей и общества – с другой; между гигантской сложностью производительных сил регионального и мирового масштабов, с одной стороны, и ограниченностью физических, интеллектуальных и психологических возможностей людей – с другой; между огромным излишком благ и необходимостью регулировать потребление.**

На этапах зрелости и высокой зрелости, вероятно, найдут способы уменьшить разницу между богатыми и бедными странами, регулировать численность населения, сумеют несколько выровнять диспропорции между человеком и природой, возможностями экономики и регулированием потребностей²⁶⁹. В результате наступит истинно экономи-

---

²⁶⁸ Подробнее об этом см. в главе 3, § 2. См. также: Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы...

²⁶⁹ Г. Кан пишет, что в достаточно отдаленном будущем, сделав выводы из тяжелых ошибок, человечество научится управлять силами природы и «к середине XXI и XXII веков начнется период стабилизации как в росте народонаселения, так и в росте производства» (Кан Г. Грядущий подъем... С. 169–170).

ческое отчуждение, когда большинство людей мира будет иметь социальные гарантии на уровне более высоком, чем сейчас в развитых странах. Начнется движение в сторону такой экономики, в которой рост будет связан прежде всего с формированием, развитием, восстановлением, адаптацией личности и групп людей²⁷⁰.

Оговорюсь еще раз, что я рисую не радужную картину. Никогда не возникнет всеобщих гармоний, счастья, довольства. Хватит проблем, противоречий и конфликтов и в будущем²⁷¹. И при не столь благоприятных обстоятельствах они могут быть очень трудными и, так сказать, «затратными», потребовав в целом попусту массу ресурсов и исковеркав очередные поколения.

---

²⁷⁰ Возможно, это произойдет на базе невиданного взлета наук о человеке и обществе.

²⁷¹ А конфликты, связанные с необходимостью ограничить суверенитет, будут неизбежно принимать самые неожиданные (в том числе и острые) формы. Нажим на Австрию в начале 2000 г. по поводу вхождения в правительство крайних националистов – достаточно яркий пример.

Глава 3
**СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА
ПРОИЗВОДСТВА И ДРУГИХ
ФОРМАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ**

Краткие пояснения к главе

В каждом параграфе этой главы в миниатюре сделано то же, что и для категории «принцип производства» в первых двух главах. Сначала на уровне отдельного общества анализируется термин²⁷², соотносимый с рассматриваемой формационной категорией, а затем описывается и сама категория, но уже в рамках теории исторического процесса.

Другими словами, исследование идет на обоих базовых уровнях анализа (отдельной общественной системы и всемирном). Такой подход дает возможность моделировать исторический процесс в его единстве, не совершая при этом жесткой подгонки реальности под схему, более продуктивно и непротиворечиво совмещать признание большого разнообразия отношений и явлений в конкретных обществах и возможность выделить сходства в них на формационном уровне.

Но формационные категории анализируются не сами по себе, а в соотношении с принципом производства²⁷³. При этом автор исходит из следующей методологии. Во-первых, конкретизируются одновременно два методологических принципа: инвариантности формационных категорий и большей фундаментальности принципа производства. Иными словами, в данном случае, с одной стороны, принцип производства выступает как относительно более независимый фактор, а остальные как более зависимые. Это

---

²⁷² Это термины: **распределительные отношения, политическая система, социальная система, этнос, общественное сознание** и другие. Их более основательный анализ см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 3–6.

²⁷³ Еще раз оговорюсь, что **соотносятся области действительности**. Но это соотношение достаточно удобно представить как соотношение категорий (помня, что категории лишь наши научные представления о действительности, а не она сама, и предполагая заранее возможности неточного осмысления действительности).

значит, что трансформации соответствующих категорий рассматриваются прежде всего через призму той линии, которая выстроена во второй главе для принципа производства²⁷⁴. Но, с другой стороны, показывается, хотя и неполно, и обратная зависимость принципа производства от остальных категорий.

Во-вторых, очень важно помнить, *что ритмы циклов каждой формационной категории имеют свои особенности по сравнению с ритмами принципа производства*. Однако можно установить величину несовпадений и объяснить их причины. Из-за несовпадения циклов генеральная линия принципа производства, которая бралась и как генеральная в целом для исторического процесса, не всегда совпадает с главными линиями соответствующих категорий. Однако, хотя и со значительным отставанием или через большие исторические промежутки, так или иначе совпадение этих линий в конце концов происходит.

В-третьих, исследование ведется в двух измерениях: вертикальном (преимущественно описывается генеральная линия) и горизонтальном. Вертикальное измерение дает возможность наметить разные линии развития; горизонтальное позволяет выделить общие черты, в разной мере, но обязательно присущие всем обществам данной формации в ее зрелости.

§ 1. ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ БЛАГ И ЛИЧНОСТИ

1.1. Распределительные отношения

Отношения собственности, без сомнения, всегда важны для характеристики общества. Однако в индустриальных и торговых обществах их роль гораздо выше, чем в обще-

---

²⁷⁴ При этом я вынужден опускать некоторые линии связей, особенно если о них уже сказано в другом месте этой работы. Если, например, в одном параграфе уже показано, что особенности производительных сил существенно влияют на характер государства, а в другом прослежено влияние государства на социальную структуру, то должно быть ясно, что влияние производительных сил весьма существенно и в отношении социальной структуры (через государство и другие институты), даже если этот момент специально не подчеркивается.

ствах доиндустриальных или нерыночных. Поэтому теории, которые распространяют ведущую роль отношений собственности на все исторические общества, совершают очень серьезную ошибку, модернизируя историю и искажая тенденции исторического процесса.

Собственность в объеме социологии истории лишь один и не всегда самый важный способ получать ту или иную долю благ. Во многих других случаях на первый план выходят иные отношения. Поэтому необходимо отказаться от взгляда, что в любой общественной системе всегда доминируют отношения собственности, тем более отношения собственности на средства производства. От начала производства до конечного потребления лежит длинный путь движения благ, и главное звено этого процесса в каждом конкретном случае может оказаться в любом его месте²⁷⁵.

Характер потребления благ никогда полностью не определяется производством. Однако теоретически важно различать две ситуации. Первая, когда производство связано с частной собственностью и денежным обращением, а сама экономическая сфера достаточно отделена от других, более автономна и менее подвержена влиянию политики, идеологии, военщины и т. п. Вполне ярко это проявлялось в пору классического капитализма. В этих случаях отношения собственности могут являться ядром всех остальных общественных отношений, определять социальное деление общества. Тогда кажется, что «все социальное неравенство в конце концов – это неравенство в доходах»²⁷⁶, хотя это и не совсем так.

Однако подобная разделенность сфер исторически менее распространена²⁷⁷. Вторая ситуация заключается в том, что

---

²⁷⁵ Подробное доказательство этих тезисов см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. №4.

²⁷⁶ Рассел Б. История западной философии. С. 192.

²⁷⁷ Поэтому применять для докапиталистических обществ политэкономический метод примерно так же разумно, как пытаться выработать теорию национализма для донациональных обществ; теорию государства – для догосударственных; права – для не имеющих писаного права; идеологии – для обществ с шаманской религией. Но он годится как подсобный в тех обществах, где появляются элементы товарного хозяйства (например в античности).

имущественные отношения выступают не в ясном экономическом виде, а в неразрывной связи с другими отношениями, будучи переплетены с ними, как бы растворены в них, составляя их экономическую «подкладку», «изнанку»²⁷⁸. И в этом случае они очень существенно отличаются от более чистых экономических отношений²⁷⁹. В обществах, где экономические моменты выделить труднее, хуже развиваются и производительные силы, задавленные административным, религиозным или сословными привилегиями.

Итак, есть много отношений, связанных с круговоротом благ. И относительно этой функции в рамках социологии истории самые разнообразные явления можно рассматривать в общем ряду, будь то частная собственность или грабеж побежденных; свободный найм с юридическими гарантиями или принудительный труд военнопленных; первобытный обмен дарами или развитая торговля; национализация или дарения; налоги или дань; социальные гарантии или сословные имущественные привилегии; использование монопольных или конкурентных цен и т. д.

Несомненно, что во всех них имеется нечто общее, и эти родовые свойства можно обобщить определенным понятием. Для решения поставленной задачи автор вводит, как наиболее удачный, термин **«распределительные отношения»**²⁸⁰. **Это отношения, связанные с процессом движения и распределения благ в самом разном виде и самыми разными способами как внутри общества, так и между ними. Их нельзя путать с понятием распределение в узком политэкономическом смысле. Такое распределение лишь часть распределительных отношений.** Последнее также намного шире того, что обычно понимается

---

²⁷⁸ «Ведь экономические институты существуют не в вакууме, а в контексте или, если хотите, в ткани социальных и политических структур...» (Бергер П. Капиталистическая революция. С. 31). И это сказано не о древних, а о современных обществах.

²⁷⁹ Так, при социализме во многих случаях четко разграничить экономику, политику и идеологию было почти невозможно.

²⁸⁰ Рассмотрение плюсов и минусов использования альтернативных понятий см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 4.

под экономическими или имущественными отношениями²⁸¹. Распределительные в широком смысле слова отношения включают в себя наряду с другими также отношения собственности и иные производственные отношения. При этом среди распределительных отношений производственные являются важнейшими далеко не всегда, равно как в последних далеко не всегда ведущими будут отношения собственности.

В распределительном круговороте сливаются четыре потока благ: природные; созданные в производстве; живой труд; социальные (различные льготы и привилегии). Очевидно, что это очень сложный круговорот. Но можно сказать, что почти в любом акте, звене, механизме, связанных с «циркуляцией благ» (Леви-Строс), присутствует в той или иной степени момент их **распределения**. Следовательно, с этой стороны данная категория является достаточно емкой и широкой, чтобы обобщить существенные сходства внешне непохожих явлений.

Отсюда можно сформулировать и идею о некоторых свойствах благ, которые правомерно считать глубинными и универсальными, и даже о целой системе таких качеств. Но речь пойдет только о двух из них: **отчуждаемости и распределяемости** благ²⁸². О первом скажем чуть позже, о втором – сейчас. Конечно, имеются в виду не физические свойства или признаки, присущие вещам самим по себе, а социальные, то есть такие, которые возникают у благ только как у объектов отношений между людьми, только как у субстрата этих отношений.

Способность благ определенное или неопределенное число раз переходить из рук в руки, делиться на какое-то количество частей между претендентами на них, свойства их в связи с таким разделом приобретать разную форму (товарную, денежную, правовую) – **распределяемость** –

---

²⁸¹ Тем более шире, чем эксплуатация, поскольку в обществе масса случаев добровольности или полудобровольности.

²⁸² Другие свойства: полезность, дефицитность, принадлежность, эквивалентность, способность благ аккумулироваться в виде общепризнанных ценностей. См. подробнее: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 4. С. 35–38.

связано с самим жизненным оборотом общества, которое, чтобы функционировать, должно иметь ту или иную систему перераспределения благ. Но оно также связано и с неизбежным неравенством людей. Это качество дает основу для объединения всех этих часто непохожих моментов и актов в единую систему в обществе – **распределительные отношения**.

В каждом обществе главными могут быть разные (иногда весьма специфические) распределительные отношения²⁸³. **Когда исследователь найдет ведущие механизмы распределения, можно быть уверенным, что в этом пункте сосредоточены центры важнейших интересов общества.** Ведь любая форма политического, идеологического, национального и прочего господства и неравенства предполагает те или иные материальные преимущества определенным группам. Они могут быть меньшими или большими; откровенными, грубыми или прикрытыми, замаскированными; держаться на силе или обмане, праве или духовном рабстве и т. п. Но они обязательно есть.

Распределительные отношения связаны со всеми сферами общества. Но нас более всего интересует их связь с производительными силами²⁸⁴. Для более ясного представления об этой связи есть смысл рассмотреть знаменитый закон.

1.2. Закон соответствия распределительных (производственных) отношений характеру и уровню производительных сил

Как уже говорилось, понятия производительных сил и производственных отношений целесообразно использовать лишь в рамках отдельной общественной системы. Поэтому

---

²⁸³ Среди видов распределительных отношений наиболее важными могут быть налоги, частная собственность, торговые монополии, военно-грабительские или даннические отношения, принудительный труд, свободный найм и др. Подробнее см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 4.

²⁸⁴ Стоит отметить, что распределение имеет и особые каналы связи (помимо производства) с географической средой, которая дает материал для распределения (например земля), способствует или нет торговле, контактам, предполагает степень изобилия и излишка, более или менее удобный эквивалент благ и т. п.

именно на уровне отдельного общества следует рассматривать и закон их соответствия. Относить его действие к общечеловеческому масштабу было методологически обоснованно, когда предполагалось, что формационные законы – процессы, принципиально однотипные и в социальном организме, и в общечеловеческой системе. В таком контексте данный закон мог выставляться как самый ведущий. Однако все очевиднее становилось его несоответствие историческим реалиям, так как модели взаимосвязи производительных сил и производственных отношений в разных обществах могли быть принципиально отличными. Например, индустриализация в Англии проходила без прямого участия государства, а в Японии – именно под его патронированном.

В рамках же отдельного общества этот закон может быть весьма эффективным средством анализа²⁸⁵. Он важен не только в социологии истории, но еще более для теории истории, а в ряде случаев и для теории исторического процесса (например, когда переход к новому принципу производства совершается в обществе-первопроходце). Но ясно, что действие закона на коротких временных отрезках просматривается хуже, чем на длительных, из-за различных кратковременных влияний и колебаний.

Как видно из вышесказанного, на производство крайне сильно влияют не/только отношения собственности, но и вся распределительная система (в том числе запреты, налоги, принудительные работы, расстройство денежной системы, военные тяготы и другое). Следовательно, данный закон правильнее формулировать как *закон соответствия распределительных (производственных) отношений производительным силам*. Тогда соотношение производительных сил и производственных в узком смысле слова отношений будет его частным случаем.

---

²⁸⁵ Но, конечно, его действие можно проследить и на более высоком уровне. Для современности, в связи с выходом производительных сил за национальные рамки, такой масштаб можно даже рассматривать как важнейший. Тем не менее основной, **базовый**, уровень действия данного закона – отдельное общество.

Но «революционный» механизм закона в каждом обществе может вовсе не действовать, либо после одного своего полного цикла закон на следующем крупном этапе «работает» по-иному. Как справедливо замечает Ю. И. Семенов, «рост производительных сил совершенно не обязательно вел к возникновению новых производственных отношений. Более того, случалось, что, когда экономические отношения переставали стимулировать рост производительных сил, наступал резкий упадок последних... Но даже когда такого упадка не происходило, общество все равно могло оказаться в тупике. Старые производственные связи исчерпали свои прогрессивные возможности, а новые возникнуть в нем не могли»²⁸⁶.

И это не случайно. Переход на новую ступень развития производительных сил был редкой ситуацией (по крайней мере для докапиталистических обществ), и это происходило в местах наилучшего сочетания условий для такого рывка, а не автоматически. История древнего мира и средних веков, особенно Востока (Китая в частности), знает немало ситуаций, когда противоречия между производством и производственными отношениями приводили к кризису, социальному взрыву. Но за этим взрывом чаще наступал упадок, чем подъем. А последний обычно приходил вместе с восстановлением централизации и снижением налогов. «Для человечества в целом выход состоял в том, что экономические отношения более высокого типа начинали формироваться не в этом социоисторическом организме, а в совершенно иных социорах, к которым и переходила ведущая роль в мировой истории»²⁸⁷.

Ниже я даю описание модели действия закона соответствия. Но она является не универсальной, а лишь одной из возможных, причем достаточно редко реализуемых. Однако для нашего исследования она очень важна, поскольку больше характерна для обществ-первопроходцев, которые

---

²⁸⁶ Семенов Ю. И. Философия истории... С. 199–200.

²⁸⁷ Семенов Ю. И. Философия истории... С. 200.

находятся ближе к генеральной линии исторического процесса. Для других случаев следует разрабатывать иные модели действия данного закона.

Одна из формулировок рассматриваемого закона выглядит так: *чем более полное соответствие устанавливается между производительными силами и распределительными (производственными) отношениями, тем незаметнее проявляется сам закон.* Это объясняет его «отсутствие» во многие периоды²⁸⁸. Ибо пока нет качественного рывка в производстве, его фундаментальное влияние ощущается недостаточно. Следовательно, необходимо выделить разные фазы (стадии) данного закона, в которых его проявления сильно отличаются. Можно сказать, что *закон имеет две чередующиеся фазы: соответствия – несоответствия.* Но фактически правильнее говорить о четырех фазах.

Первая фаза – **соответствия, или притирки**, – связана с обычным, то есть не кризисным состоянием закона, поскольку распределительные (производственные) отношения так или иначе соответствуют производительным силам. Конечно, более или менее серьезные изменения и в производстве и распределении могут происходить даже в течение не столь длительных периодов. Однако подъемы и откаты производительных сил хотя и вызывают более или менее серьезные изменения в распределительных отношениях, но не ведут к смене типа последних. И аналогично наоборот. Поэтому для крупного (формационного) масштаба времени эти изменения в целом можно считать колебаниями вокруг некоего уровня в определенных, хотя и достаточно широких рамках, которые задаются принципиальными возможностями соответствующего типа производительных сил²⁸⁹.

Тем не менее даже медленные изменения могут привести к качественным сдвигам. Ведь постепенно все полнее

---

²⁸⁸ И поэтому-то многие, не понимая природы данного закона, отвергают его.

²⁸⁹ Такие пульсации, например, можно четко проследить у кочевников, у которых изменения в численности населения и скота, в социально-политических отношениях и внешней политике достаточно тесно связаны с усыханием или увлажнением степей, но количество населения и скота в любом случае не может превышать предел, отпущенный природой.

задействуются резервы, все заметнее интенсификация, все сложнее разделение труда, все больше прибавочного продукта, и эволюционно закон переходит в следующую фазу: **формирование новых производительных сил**. По мере все большего развития производства намечается разрыв между усложнившимися производительными силами и распределительными (производственными) отношениями, но разрыв, связанный уже не с колебаниями, вызванными временными явлениями, а с таким качественным изменением производства, которое в будущем «взорвет» соответствие.

Новые элементы и секторы производительных сил постепенно складываются в особую систему с большими потенциями, и ее потребности вступают в противоречие со старыми распределительными отношениями, которые все сильнее отстают от них и мешают их распространению. Действие закона становится кризисным, и он входит в новую фазу (противофазу первой) – **кризисную**. А кризис должен как-то разрешаться²⁹⁰.

В случае удачного разрешения кризиса распределительные отношения, а с ними вся общественная система начинают перестраиваться на более высоком уровне. Закон вступает в следующую, четвертую фазу (противофазу второй) – **подъема**. Распространение более высоких производительных сил ведет к увеличению прибавочного продукта, росту населения (качества его жизни), изменению потоков благ. А все вместе может вести к тому, что теперь *уже распределительные отношения как бы открывают простор для дальнейшего роста производства*.

Стоит отметить, что действие рассматриваемого закона наиболее четко прослеживается в определенных исторических (временных) границах: *это эпоха индустриализма до перехода от промышленного к научно-информационному*

---

²⁹⁰ Но кризис может принимать весьма различные формы. И чем дольше и сильнее он идет, тем большее число сфер и отношений захватывает, так что глубинные его причины оказываются спрятанными, закамуфлированными, непонятными. Причем *чем длительнее кризис, тем с большими разрушениями для системы он разрешается*. И это может отодвинуть общество от генеральной линии еще дальше, чем оно стояло прежде.

производству. После завершения промышленного переворота развитие производительных сил становится во много раз быстрее, чем раньше. Экономика сильнее отделяется от других сфер, роль географической среды снижается. По сравнению с сельскохозяйственной эпохой распределительные отношения реагируют на изменения в производительных силах гораздо быстрее. Поэтому цикл отставания и подтягивания распределительных отношений к производительным силам не слишком длителен. Одно из проявлений этого – периодическое возникновение и разрешение экономических кризисов.

По сравнению же с современностью производство не столь стремительно, а рассмотренный цикл не деформирован непрерывными кумулятивными изменениями. В этот период материальное производство еще достаточно ясно отделено от духовной деятельности. В современных же условиях производительные силы, во-первых, все сильнее пронизывают сферы, которые ранее противопоставлялись им, во-вторых, в условиях постоянных изменений в производительных силах так или иначе идут постоянные (хотя и с запозданием) изменения в распределительных и прочих отношениях, поэтому вся общественная система находится как бы в непрерывном движении. Следовательно, здесь менее четкий цикл закона, но более наглядна зависимость уже всей системы от производительных сил и, конечно, обратно. При этом разные сферы имеют разную степень соотношения с темпами изменения производительных сил²⁹¹.

Таким образом, *закон соответствия распределительных отношений производительным силам фактически перерастает в закон соответствия между производительными силами и системой в целом.*

1.3. Тип отчуждения благ и личности

---

²⁹¹ Это, конечно, прослеживается и для прежних эпох. Именно поэтому и можно говорить о том, что *в конечном счете коренные перемены в производительных силах влекут и коренные перемены в других сферах.* Однако прежде такой временной разрыв был слишком велик, причинная связь менее очевидной, а различные иные воздействия в этом интервале иногда крайне значительны. И такая зависимость лучше просматривалась в формационном, чем в конкретно-общественном масштабе.

Способность благ отрываться, отделяться от того, кто ими обладает (производит, контролирует), то есть их распределяемость, обязательно связана с характером и степенью воздействия на участников процесса распределения. Такое воздействие является результатом разных побудительных причин и стимулов (причем прямое насилие занимает среди них почетное место), но в целом оно составляет основу такого качества, как **отчуждаемость благ**. А последнее, в свою очередь, является исходным для введения формационной категории – **тип отчуждения благ и личности**, которая описывает **некоторые общие черты распределительных отношений одной формации исторического процесса**.

В нашей науке существовали понятия внеэкономического и экономического принуждения как характеристики соответственно классовых докапиталистического и капиталистического способов производства. Взяв за основу эту идею, я, во-первых, распространил ее на все формации, включая и первобытную, а во-вторых, заменил термин «принуждение», как недостаточно широкий, на «отчуждение».

Дело в том, что в распределительных отношениях, помимо принуждения, есть множество ситуаций выбора, добровольности, пожертвований, неэксплуатационной прибыли, а также вещей, хотя и не столь добровольных, но не подпадающих и под «принуждение». Например, всякого рода ограничения на распоряжение имуществом. Взять хотя бы институт майората в ряде европейских обществ. Понятие отчуждения (или его невозможности), таким образом, включает в себя содержание как термина «принуждение», так и большинства указанных явлений. Поэтому оно удобнее в качестве формационной характеристики.

Почему речь идет не просто об отчуждении благ, но и об отчуждении личности? Для ответа на этот вопрос сначала можно привести мысль известного историка-теоретика В. В. Крылова: «На самом деле общество не есть только некая сумма индивидов, оно есть комплекс практических и

духовных контактов и связей между ними. И если в обществе во всех сферах его жизни сверху донизу отчуждена воля, а вместо нее поступками руководят регламент, заветы богов, предков, а не собственные побуждения настоящих поколений, то и отдельная личность в таком обществе должна быть отчужденной в отношении ее воли во всех сферах ее жизни – и в сфере производства, и в социальных и духовно-надстроечных сферах... Поголовное рабство в обществе выражается поэтому в полном отчуждении воли индивида, в отчуждении ее у него как целостного человека»²⁹².

Таким образом, очевидно, что отчуждение благ не может происходить, не затрагивая личности их производителей и владельцев. Принудительная или по найму работа, торговля, налоги, судебные взыскания и т. п. неизбежно требуют какого-то приспособления личности, ограничения ее свободы, вплоть до прямого насилия над ней. И чтобы общество функционировало, люди должны так или иначе принять такие ограничения (примириться, привыкнуть, приспособиться, считать естественным). Следовательно, процесс социализации (приспособляемости) и процесс распределения выступают в данном аспекте как две стороны одной медали.

Сказанное особенно касается живого труда (услуг). Ведь труд не существует отдельно от человека, как вещь. Процесс его отчуждения можно представить как комплекс больших или меньших потерь для человека (времени, физической, умственной или нервной энергии, здоровья, сил), а также физических или моральных неудобств. Все это требует определенного подчинения личности (добровольного или по принуждению со стороны обстоятельств или других людей). Поэтому условно можно считать, что такого рода процесс предполагает полное или частичное **отчуждение личности**. Составляющие личность блага и свойства как бы распределяются между физическим и фактическим

---

²⁹² Крылов В. В. Воля и ее отчуждение... С. 56.

(юридическим, временным) владельцами: рабочим и предпринимателем, хозяином и слугой и т. д.

1.4. Доэкономический тип отчуждения

Очень важно помнить, что жизнь и особенности хозяйства в эти эпохи исключительно связаны с природными условиями. Отсюда и распределительные отношения всякий раз теснейше связаны с природой и типом хозяйствования. В каждом обществе эти отношения могли быть особыми, в чем-то неповторимыми. Но в то же время можно выделить и определенные общие характеристики доэкономического типа отчуждения, которые инвариантны присваивающему принципу производства.

На первых этапах человеческого общества нужна была система распределения и отчуждения, которая позволяла бы коллективу воспроизводить условия жизни, выживать в экстремальных ситуациях, а также поддерживать менее сильных, одновременно достаточно эффективно используя умения более энергичных членов коллектива.

На начальных этапах магистральным или наиболее типичным была коллективная охота, что, естественно, способствовало укреплению коллективизма во всем остальном. А если добыча была хорошей целые эпохи, то равнообеспечивающие тенденции и правила распределения должны были укорениться. Таким образом, *обильная добыча и связанные с этим формы распределения пищи помогли устранить остаточное биологическое противоречие и заложить основу доэкономического типа отчуждения. Уже социального, но еще почти не связанного с экономическим интересом.*

Коллектив в целом хотя и не без конфликтов, но достаточно эффективно через традиции, обычаи и прямое влияние подчиняет и примиряет требования и желания отдельных людей и групп. В известном смысле тип отчуждения можно назвать также и **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Фактически распределение благ не было и не могло

быть равным, но, по крайней мере, в идеале пищи должно быть достаточно, чтобы накормить всех. Для этого существовали специальные правила дележа добычи. Они в каждом племени могли быть особыми и зависели от разных причин (в том числе от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли)²⁹³. Где-то охотник получал лучшую долю, где-то даже худшую. Нередко главарь, старейшина, вождь первыми делили добычу и брали себе самый лучший кусок (печень, сердце и т. п.). Очень важными для ряда народов и характерными чуть не для всех были обычаи дележа с гостем, правила пользования чужим.

Таким образом, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли, подобно тому как это постоянно бывает в семьях или в коллективах, где все трудятся по-разному, а получают более-менее одинаково. Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью обычаев, традиций и запретов; требований помощи, подарков, услуг, поддержки в конфликтах родичей и соплеменников. Все это лишало людей стимулов к увеличению производства и накоплению излишков.

Исключительно важным было распределение благ, прав и обязанностей, вытекающих из родовых (и родственных) отношений, что являлось важнейшей характеристикой доэкономического типа отчуждения. Сами браки могли превращаться в удобный канал установления хороших отношений и экономических контактов между общинами, родами и племенами, в том числе и связанных с правами охоты и

---

²⁹³ За счет многовековой эволюционной притирки и выбраковки тех коллективов, которым не удалось решить проблему раздела, распределительные отношения в целом соотносятся с особенностью природы и характером деятельности, хотя ряд обычаев, то ли со временем потерявших свой первоначальный смысл, то ли связанных с какими-то индивидуальными чертами их создателя, трудно объяснить.

собиранья в группах отдельно проживающих родственников²⁹⁴.

Хозяйственные и семейные (или близкородственные) единицы порой совпадали, чаще нет. На какой-то сезон несколько семей объединялись в особую группу, затем состав ее участников менялся. Но бывали и более жесткие правила подобных объединений. Собрание (глав родов или семей, выборных) нередко распределяло охотничьи (по сбору растений, рыболовные) угодья на сезон, чтобы не возникало конфликтов и соперничества. Но многое зависело от способа хозяйствования.

Итак, доэкономический тип отчуждения характерен тем, что от производителя отчуждается весь или часть добытого им продукта, который потом делится так, чтобы, с одной стороны, поддержать весь коллектив, а с другой – воспроизводить те элементы учета индивидуального вклада и неравенства, что утвердились в каждом обществе. Доэкономическим тип отчуждения называется не только потому, что собственно экономики нет еще, но и потому, что нет ясной противоположности экономических и неэкономических способов распределения произведенного, как это наблюдается уже в следующей формации. Также нет заметного социального и имущественного неравенства (а только половозрастное), эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных²⁹⁵.

С появлением лука и возможностью (и часто одновременно необходимостью) добывать пищу малыми группами существенно меняются и правила распределения в сторону учета «трудового вклада». Некоторая «экономическая» за-

---

²⁹⁴ Например, у ряда австралийских племен мужчина мог охотиться на охотничьих угодьях рода жены. Следовательно, чем больше жен он имел, тем большие возможности у него появлялись. Тем же, кто не имел таких прав на чужие угодья, без необходимости не следовало ходить, и были даже особые правила предупреждения о нарушении границ. Строже карались такие проступки со стороны отдаленных родственных групп и тем более чужаков.

²⁹⁵ Этот тип назван так и потому, что человек еще не отделен от природы. Его можно было бы называть первичносоциальным, поскольку разделенность сфер в обществе очень слабая.

интересованность тем самым появляется, но она не столько влияет на рост производства, сколько важна для создания нужного социального баланса в коллективе.

Лучшая приспособляемость и специализация обществ вела к развитию уже имевшихся половозрастного разделения труда и половозрастного неравенства. Постепенно оно становилось все заметнее и даже острее. Тут были разные варианты: от геронтократии до убийства ненужных стариков, от большой до совсем приниженной роли женщин. Но определенное возрастное и половое неравенство в распределении благ обычно было. Часто оно выражалось в том, что женщинам и молодежи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах.

Мужчины средних лет в каких-то обществах могли работать меньше, а получать больше, чем молодежь. В лучшем положении нередко находились колдуны, которые пользовались внушаемым ими страхом. Некоторая часть доставалась в виде подарков администраторам. Но в целом неравенство не носило чрезмерного характера. Возникает и очень слабая специализация, связанная с мастерством проторемесленников, выделением колдунов и знахарей, а также полупрофессиональных руководителей.

Но рост неравенства тормозился слабыми возможностями для хранения и накопления благ. По мере разрешения этого технического противоречия происходят изменения и в типе отчуждения, в котором появляются и новые несистемные для прежних эпох моменты: изменение правил родства и соответственно распределения, возможность накопления престижных благ и их раздач, протособственность и даже институт наследования, хотя он трудно приживается.

1.5. Внеэкономический тип отчуждения

С переходом к сельскому хозяйству усиливаются процессы накопления имущества и передачи его по наследству,

поскольку появляются блага длительного хранения и возможность их запасать и обменивать²⁹⁶. А вместе с созданием крупных богатств появляются удобство и искус быстрого их отчуждения путем войны. Война, кроме того, давала рабов²⁹⁷. Но в целом на этом этапе такой труд обычно не играл существенной хозяйственной роли.

Число людей возрастает в несколько раз, а вместе с тем родство отдаляется, и не только идет разбивка на отдельные роды, но и сами они приобретают весьма сложную структуру, складываясь иногда из десятков более мелких коллективов. Кроме того, во многих случаях оседлость стала гораздо большей, а поселки постояннее. Отсюда возрастает имущественно-хозяйственное значение такого коллектива как собственника и распорядителя угодий, общего богатства. И такая общая собственность часто подавляла индивидуальную.

В зависимости от природных условий и методов хозяйствования поля порой были общими, а урожай распределялся между семьями облеченным властью лицом; в других случаях участки выделялись для индивидуальной обработки семьям, которые и владели урожаем; могли быть и какие-то комбинации (семейные участки наряду с общими полями; огороды в личном пользовании, а поля в общем и т. п.). Но генеральная линия более логично выстраивается как переход от коллективной к посемейной обработке земли. Важным в плане разрешения прежнего противоречия было также выделение богатых людей типа бигменов у папуасов. Такие «нувориши» нередко становились общинными лидерами.

Все же главные способы устранения остаточного противоречия, думается, были иные. В результате увеличения размеров родов и родовых общин между ними появляется

---

²⁹⁶ Например, скот, который долго ассоциировался с богатством и мерой ценности вообще, а также служил эквивалентом при обмене.

²⁹⁷ Подобные процессы, как уже сказано, идут и при переросте охотничье-собирательского принципа производства путем создания сверхизбыточного присваивающего хозяйства.

неравенство, образуются более и менее богатые и влиятельные коллективы. В руках отдельных из них порой скапливаются значительные богатства. Распоряжались совместным имуществом главы родов, которые тем самым приобретали большую власть и значительные возможности. Они всячески заботились о том, чтобы поднять престиж своей группы, используя подарки, раздачу имущества, обмен и дарообмен с другими общинами и т. п.²⁹⁸. Потерянное при таких действиях в целом могло возмещаться ответными дарами, а также возможностью за счет увеличившегося престижа и полученных общественных должностей вновь собрать богатства. Однако по разным причинам часть родов выпадала из такого соревнования, а другие возвышались.

В более выгодном положении находились те кланы, во главе которых стояли более крупные администраторы. В руках последних могло сосредоточиваться достояние ряда коллективов, в частности они распоряжались урожаем с общих полей. Таким образом, возникла проблема **контроля** над общими богатствами и ресурсами. Все это вело к тому, что ряд ученых называет переходом от реципрокного к редистрибутивному распределению²⁹⁹. Распределение становится очень сложным, и постепенно все глубже и полнее разрешается остаточное противоречие первой формации.

Со вторым этапом сельхозреволюции и созданием большого излишка благ возникают новые проблемы: поддержание возможности регулярно создавать такой излишек, необходимость его аккумуляции и распределения. Все это вело к очень существенным изменениям в организации общества.

Эти (и другие, которые сейчас мы не затрагиваем) зада-

---

²⁹⁸ Обмен, кроме того, позволял обойти многие традиции и запреты. В отношениях с другими племенами он чаще носил характер меновой торговли, между родами одного племени или близких племен – дарообмена.

²⁹⁹ Иными словами, осуществлялся переход от движения благ в социально нестратифицированном обществе (условно по горизонтальным кругам и в целом эквивалентного) к движению в обществе, уже имеющем сложное устройство, от нижних его частей к верхним и обратно и в целом неэквивалентному.

чи наиболее удачно решались с помощью государства. Но раз государство играет столь важную производственную и распределительную роль, следовательно, *система распределения исключительно тесно связана с типом государства и с той социальной конструкцией и иерархией, на которую оно опирается или которую поддерживает.* Таким образом, в каждом обществе второй формации с особенностями государства (или социального строя, как в Индии) нужно прямо связывать и особенности распределительных отношений.

Поэтому отделить распределительные отношения от политических, военных, идеологических и собственно социальных во многих случаях не представляется возможным и их продуктивнее исследовать именно в таком симбиотическом плане. Ведь, с одной стороны, происходит отделение производственной сферы от социальной, и появляются слои общества, которые уже не заняты непосредственным производством, а занимаются политическими, военными, духовными делами либо впоследствии и вовсе ничем. Но, с другой стороны, разделения социальной и экономической сфер не происходит, поэтому негативное влияние непродуктивных слоев и факторов на производство исключительно велико, а в распределении чисто экономические моменты играют подчиненную роль. Это хорошо видно и на отношениях собственности. Появляется несколько ее типов, а частная собственность как институт утверждается везде. Но в целом она еще неразвита, а ее роль, различная в каждом случае, бывает очень важной только как исключение, и даже в этих случаях политическая сторона может преобладать.

Возникают очень разнообразные распределительные отношения. Однако бросаются в глаза обязательное наличие и важная роль в них моментов, связанных не с экономической заинтересованностью и выбором, а напротив – с принуждением участников производства и распределения. Поэтому данный тип отчуждения можно назвать **внеэкономическим**. Под последним понимается **отчуждение силой**

или угрозой ее применения, другими способами, насильственными и парализующими волю и свободу выбора, социальной неравноправностью, регламентацией, необходимостью подчиняться жесткому государственному или общинному контролю и прочее. Естественно, что роль государства в таком внеэкономическом отчуждении особенно заметна. Сказанное дополнялось психологическим насилием со стороны жрецов или церковников, давлением идеологии и морали. Частые войны, во время которых имущество, жизнь и свобода людей подвергались постоянным опасностям, усиливали внеэкономический характер отчуждения.

Экономические рычаги играли подчиненную роль. В соотношении вне-, полу- и экономических моментов существовало много вариаций, градаций и комбинаций. При этом внеэкономические моменты, как правило, более важны, а экономическая сторона всегда окутана массой ограничений, запретов и произвола.

Наиболее полно внеэкономический характер выражается в военном грабеже, рабстве, крепостничестве. При этом рабство в классическом виде (когда раб – полная и бесправная собственность владельца, а невольники составляют основу рабочей силы) являлось, скорее, исключением. В основном рабовладение было более или менее важным составным элементом.

Если говорить о наиболее типичных в рамках формации видах распределительных отношений, то таковыми являлись налоги, характер которых в большинстве случаев мало зависел от их воздействия на экономику, поскольку правители слабо заботились о том, как влияет их налоговая политика на хозяйство. Важную роль в целом (а в некоторых обществах – ведущую, особенно у кочевников) играл военный грабёж. К нему примыкали пиратство и разбой. Бывало, что община эксплуатировала общину (как в Спарте). Социальное неравенство, привилегии и всевозможные запреты играли порой исключительно важную роль.

Одни жесткие внеэкономические формы могли делать

менее нужными другие. Так, кастовый строй в Индии способствовал большей умеренности в налогах, чем в иных азиатских деспотиях, и меньшему распространению принудительного труда, очень характерному для ряда восточных и американских обществ.

У первых (ирригационных) государств хозяйственная (а потому и регулирующая) направленность была очень заметна. У государств грабительских связь с производительными силами и распределением была искажена войной. И только с широким распространением плужного неполивного земледелия открылась возможность появления государств, у которых в будущем политическая и экономическая, социальная и правовая сферы окажутся относительно более разделенными. И это позволило в конечном счете перейти к новому (полуэкономическому) типу отчуждения.

Поскольку здесь не было столь изобильной природной среды, не было и необходимости тотально регулировать хозяйство. Задача государства была менее объемная, чем в восточных странах: защитить население и поддержать порядок. И при благоприятных политических условиях (в том числе союзе королей и городов) намечается некоторое отделение экономической и политической сфер. А затем происходит и ослабление крепостного права.

Чтобы разрешить основное противоречие второй формации, нужно было задействовать такие механизмы в типе отчуждения, которые бы позволяли осуществлять расширенное воспроизводство. А это могло быть наиболее удачно при строгой охране и расширении объектов частной собственности, облегчении накопления производительного капитала, развязывании необходимой инициативы. Предпосылки для этого были. В частности, степень институционализации частной собственности в Европе, унаследовавшей и развившей традиции античности, была выше, чем в других местах. Очень важную роль здесь играло римское частное право, наложенное на германские обычаи. В ряде от-

ношений оно было усовершенствовано³⁰⁰. О других причинах перехода Европы к третьей формации речь уже шла.

1.6. Полуэкономический принцип производства

В известном смысле весь исторический процесс можно представить как процесс появления, развития и утверждения в качестве ведущего института частной собственности. Но нельзя забывать, что важную роль она начинает играть только с нового времени, то есть линия частной собственности очень долго не совпадала с генеральной линией принципа производства. И только с развитием капитализма, когда частная собственность становится из исключения правилом, эти линии соединяются.

На первых этапах третьей формации самым важным было утверждение незыблемости, святости и неприкосновенности частной собственности и всего с ней связанного. В результате она, как своеобразный экономический магнит, стала принуждать к труду сама по себе. Надо особо отметить полное устранение регламентации (чем и как заниматься предпринимателям), свободу экономической деятельности и перемещений, а также многое другое, чего не знал или чему препятствовал прежний порядок.

Думается, что формального юридического равенства недостаточно, чтобы говорить об экономическом отчуждении. И если человека практически лишили возможности зарабатывать на жизнь иным путем, чем наниматься на работу, и перед ним постоянно стоит угроза голода и нищеты; если нет никаких социальных гарантий, права на законное коллективное отстаивание своих интересов; если работода-

---

³⁰⁰ В крупных промышленных и торговых центрах Европы практические потребности решения экономических вопросов двигали развитие правовых норм вперед весьма значительно. «Это обусловило во многих отношениях необычайно высокий уровень законодательства», например в ганзейских городах (см.: Аннерс Э. История европейского права. С. 190). Кстати отметить, что римская традиция использовалась в Европе не везде, во многих случаях создавались оригинальные системы права, но общий уровень правовой мысли, идущей из античности, бесспорно, оказывал огромное воздействие.

тель несет минимальную ответственность за вред здоровью и смертельные случаи; если рабочий день не ограничен и можно эксплуатировать малолетних детей и т. д., то, несмотря на внешнюю свободу трудовых отношений, нельзя вести речь об экономическом типе отчуждения, а только о полуэкономическом, сочетающем вне- и экономические варианты в их неразрывности.

Кроме того, формальное равенство часто ставит неимущих и мелких собственников в совершенно неравные ситуации и позиции по отношению к имущим, а политика государственного невмешательства в некоторых отношениях воспроизводит фактическое неравенство.

Поэтому, вопреки распространенному как в нашей, так и в западной науке мнению, в III формации существует не экономическое, а лишь полуэкономическое отчуждение³⁰¹. Разумеется, данная категория не означает какого-то математического равенства вне- и экономических форм. Важнее сам принцип их сосуществования, невозможности обойтись друг без друга, взаимное переплетение и дополнение.

Когда капитализм только выходит из феодализма, этот момент совершенно ясен (эксплуатация и ограбление колоний, работорговля, сгон крестьян с земли, неограниченная эксплуатация рабочих и т. п.). Поэтому, на первый взгляд, наличие внеэкономического элемента в этом случае можно объяснить остаточными явлениями, хотя в ряде случаев степень жесткости существенно усиливается (как это нередко свойственно молодому строю). Однако вне- и экономическое отчуждение сосуществуют и на стадии машинного производства. Либо органически связанные (свободный найм наряду с отсутствием норм безопасности, ограничения эксплуатации), либо как отдельные секторы (колонии и метрополии, промышленность и крестьянство и т. п.).

Способов такого соединения немало. Это и система:

---

³⁰¹ Экономическим такой тип отчуждения кажется только при сравнении его с грубыми формами прежних отношений: рабством, крепостничеством и прочими. При сравнении же его с современными формами становится ясно, что до действительно экономического ему еще далеко.

метрополия – колония; и соседство свободных и рабовладельческих штатов (как в США); и более жесткая эксплуатация крестьян, чтобы кормить города, как в СССР, Китае; и привилегированное положение рабочих одних специальностей (групп, местностей, национальностей) по сравнению с другими. Надо помнить и об изнурительной самоэксплуатации массы мелких производителей, нередко работающих больше и напряженнее рабочих (к тому же использующих труд детей и стариков). Причем потребность во внеэкономическом отчуждении сохраняется почти до самого конца, неожиданно находя свое «второе издание» в принудительном труде социализма и нацизма.

Даже налоги носят полужонономический характер. С одной стороны, изъятия у производителя со стороны государства становятся разумными и достаточно низкими, с другой – непропорциональная тяжесть налогов лежит на трудящихся классах.

Таким образом, **сочетание вне- и жонономических форм является обязательным для данного типа отчуждения.** Это объясняется как сохраняющимся политическим и социальным неравноправием, так и уровнем производства. Во-первых, машинный сектор в жономике сосуществует с другими, в которых слаба механизация; а во-вторых, сам уровень техники еще долго позволял внежонономические методы эксплуатации, если на пути этого не становилась организованная борьба рабочих. В-третьих, предприниматели всегда стремятся уменьшить издержки, а затраты на заработную плату, безопасность и прочее при жесткой конкуренции сократить технически проще всего.

Сформировавшееся в период зрелости основное противоречие, как сказано, по мере развития промышленного принципа производства постепенно разрешается в своей технической части. Поскольку труд стал механизированнее и производительнее, а прибавочный продукт – больше, удалось ограничить эксплуатацию и законодательно закреп-

пить определенные права за рабочими³⁰². Постоянно растущая потребность во все более квалифицированных работниках уменьшала внеэкономическое отчуждение, требовала введения всеобщей грамотности, устраняла наиболее жесткие формы эксплуатации. Разумеется, далеко не везде.

Расширение избирательных и иных прав, организованность и борьба рабочих привели к тому, что в конце XIX – начале XX в., вопреки представлению об усилении обнищания рабочих, их материальное положение (с колебаниями, конечно) стало улучшаться.

Но в это же время и в последующие десятилетия (конец XIX – первая половина XX в.) резко обострилась общественная часть основного противоречия третьей формации. Влияние развившейся промышленности на все общество так выросло, что от колебаний конъюнктуры стало страдать почти все население. Бесконтрольное распоряжение производительными силами делало общество заложником эгоизма и верности расчёта небольшой группы капитанов индустрии, крупнейших корпораций, которые пользовались огромным общественным богатством в своих собственных целях.

Жестокие и внезапные экономические кризисы показали, что такую свободу деятельности необходимо ввести в определенные, приемлемые для общества рамки. Это выразилось в усилении роли государства в регулировании хозяйственной деятельности и перераспределении. Как следствие увеличились налоги и государственные расходы, особенно социальные. В результате начал оформляться в систему новый тип отчуждения.

1.7. Экономический тип отчуждения

С послевоенного времени все возрастала роль государства в таких областях, как поддержание минимального бла-

---

³⁰² Интересный пример дальновидности продемонстрировала Новая Зеландия. Получив внутреннюю автономию, ее власти в конце XIX в., когда в стране промышленность еще была слабой, решили, чтобы избежать в будущем социальных конфликтов, принять необходимые законы (о рабочем дне, забастовках и т. п.) заранее.

гополучия людей, развитие и поощрение различных видов социального и иного страхования, создание такой законодательной и политической базы, которая заставляла производителей тратить большие средства на иные, чем раньше, цели (образование, адаптацию, страхование, возмещение вреда, социальные гарантии, благотворительность). Кроме того, были подтверждены или введены принудительные меры к некоторому ограничению свободы договоров в области тарифов, цен, зарплаты. Появились и существенные ограничения свободы при приеме на работу и отказе в приеме, сложности при увольнении и т. п. Страхование по безработице, болезни, несчастному случаю, различные пособия, гарантии, пенсии и многое другое сделали жизнь людей гораздо увереннее, чем в прежнее время, хотя породили массу проблем, связанных с иждивенчеством.

Развитые страны соревнуются между собой в области уровня жизни и прав граждан. Большинство населения в них имеет высокий уровень жизни и определенную уверенность в будущем. Изменение характера налогов³⁰³ и безработицы, увеличение доли интеллектуального труда, возможность получать образование и информацию резко уменьшили сферу внеэкономического отчуждения. Существенно повлияла в этом смысле также борьба женщин, молодежи, цветных, иммигрантов за равноправие.

Таким образом сформировался **экономический тип отчуждения**. Что же он собой представляет? Одна его сторона связана с тем, что благодаря гигантскому излишку благ общество стало способно поддерживать слабых, поэтому **каждый человек в условиях различных свобод просто потому, что он гражданин или житель определенной страны, может претендовать на социальные гарантии и**

---

³⁰³ В IV формации налоги больше бьют по богатым и являются источником социальных пособий (то есть механизмом установления большего социального равенства). Они стали рассматриваться не только как возможность пополнить казну, но как важнейший способ влияния на экономику, очень тонкий инструмент экономического регулирования, поощрения или сдерживания экономического роста привлечения инвестиций.

права (на образование, медицину, защиту, помощь в старости или по нетрудоспособности и прочее). Однако, с другой стороны, экономический тип отчуждения – это возможность полностью проявить свои умения, квалификацию, талант и получать во много раз больше социального минимума.

Следовательно, стимул, чтобы побудить людей к активности, не прибегая к чрезмерному насилию, остается. Разумеется, новый тип отчуждения включает в своих основах и много существенно негативных сторон, подробное рассмотрение которых здесь невозможно³⁰⁴.

Экономический тип отчуждения, однако, чтобы проявиться полностью, предполагает выход за рамки одного общества, а следовательно, возможность определенных стандартов в основной части мира³⁰⁵. В настоящий момент главный район внеэкономических форм не сами развитые государства, но слабо- и среднеразвитые страны. И это свидетельствует о том, что данный тип отчуждения еще не раскрылся полностью. С другой стороны, попытки механически перенести западные стандарты на слаборазвитые и перенаселенные страны могут иметь негативные последствия.

В результате развития производительных сил, науки и общественных отношений постоянно растет объем производимых благ. Отсюда все сильнее и насущнее историческая задача – найти новые (при сохранении лучшего в старых) пути и формы организации производства и распределения. И одной из наиболее важных проблем в этом плане является оптимизация темпов экономического роста во всемирном масштабе.

---

³⁰⁴ Возросшее бремя гарантированности, накладывающееся на демографические проблемы (особенно увеличение доли пенсионеров и больных), плюс привычка к тому, что государство, работодатель или кто-то другой должен что-то кому-либо гарантировать и выплатить, стремление предъявить кому-то огромные требования и использовать для этого правовые механизмы, другие виды иждивенчества – все это очень серьезные проблемы.

³⁰⁵ В этом отношении уже сделаны очень важные шаги, в частности введение большинством стран запрета на использование принудительного труда, признание недопустимости неравноправия по социальным признакам.

§ 2. ТИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ

2.1. Политические единицы и государство

Власть – явление, характерное для любого, в том числе и догосударственного периода. Она создает центр, вокруг которого структурируется общество. По мнению Ж. Бурдо, без достаточно деятельной власти общество есть неподвижное тело, неспособное удовлетворить своему назначению, которое есть постоянное действие.

Власть может быть разной по своей природе и направленности. Политическая власть – это элемент (свойство) социальной системы, который структурирует общество так, что одна его часть может принимать или проводить в жизнь решения, подчинять своей воле все или часть общества. Эта власть может быть безликой (оправдываться законом, обычаем, божественной волей), выступать в виде группы руководителей или быть персонифицированной. Сила власти и способы ее осуществления должны быть пропорциональны масштабу общества. Если в малых коллективах достаточно авторитета, то в крупных требуются иные рычаги.

В государственный период базовой политической структурой выступает государство. Как известно, различий в определении этого института множество. В рамках социологии истории, на мой взгляд, правильнее определять его через родовое ему понятие – политическую единицу. Но что такое **политические единицы**?³⁰⁶

Они есть властные образования и организации, то есть либо уже обладающие властью, либо стремящиеся ее пере-

---

³⁰⁶ Этот и связанные с ним вопросы, а также свой взгляд на происхождение государства и на процесс политогенеза в целом, на эволюцию государства и его связь с производительными силами более подробно рассмотрены автором в работах: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 3. С. 68–92; № 5. С. 5–47; Соотношение развития государства и производительных сил; Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации; The Early State and its Analogues и других.

распределить³⁰⁷. Вот эта деятельность и борьба вокруг распределения власти и, добавим, за ее использование в каких-то целях и составляет важнейшую черту политических единиц, в том числе и догосударственных. Они могут выступать либо самостоятельно, либо как часть системы путем общего и административного управления социальным организмом и представления его во внешних связях. Таким образом, политические единицы определяются через более широкое понятие – «власть». В государстве же связь с властью особенно очевидна и почти всеми подчеркивается.

В чем особенность политической власти? На мой взгляд, одно из коренных отличий ее от других форм (равно как и политической сферы от других сфер) – это то, что политическая власть **не специализирована** и более универсальна, чем остальные, так как может быть направлена на любую область жизни. Эта власть жестко не связана лишь с определенными задачами, сторонами или областями жизни, но в целом (по функциям) общесоциальна и при этом может заниматься любой проблемой и формировать специальные органы. Другими словами, если политическая единица специализирована, то она часть более широкого целого, а если самостоятельна, то не может замыкаться в узких рамках. Кроме того, такая власть стремится в своих пределах либо к верховенству над другими видами власти, либо к их ограничению, регулированию, отчленению. Тем более это характерно для государственной власти.

Итак, не претендуя на универсальность определения, **государство** можно охарактеризовать как *особую, достаточно устойчивую политическую единицу, представляющую отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующую на верховное право управлять (требовать выполнения определенных действий) определенными территорией и населением и представлять*

---

³⁰⁷ Макс Вебер определял политику как «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которое оно в себе заключает» (Вебер М. Избранные произведения. С. 646).

*их во внешних сношениях вне зависимости от согласия последнего; имеющую силы и средства для осуществления своих претензий*³⁰⁸.

2.2. Типы политической организации обществ

Если самым схематичным образом наметить генеральную линию взаимосвязи политической и производственной составляющих исторического процесса, то она может быть такой. В первобытности ни демографических, ни материальных условий для существования государства не было. В течение первого этапа аграрной революции появляются особые политические формы (вождества, крупные самоуправляющиеся общины, конфедерации племен и другие). Наконец, в стадии расцвета второй формации вместе с ирригационным земледелием рождаются первые примитивные государства. Постепенно они приобретают более или менее зрелые черты.

Для второй формации наиболее важным было соответствие формы государства как типу хозяйства, так и утвердившемуся социальному (социально-идеологическому) порядку; способность обеспечить стабильность. Отсюда исключительное разнообразие размеров и политических форм. Государство становится своего рода «сепаратором» избыточного продукта, либо облегчая его концентрацию в руках определенных лиц и групп, либо делая это самостоятельно (чаще – комбинированно). Поэтому государство предполагает неравенство (эксплуатацию) либо по признаку близости к власти и аппарату, либо как способ защиты и институционализации другого неравенства административно-силовым (правовым) путем.

Для третьей формации проблема состояла в необходимости обеспечить стабильность в условиях быстрого роста

---

³⁰⁸ В случае же несовпадения претензий власти и реального положения дел возникают коллизии разных властей (децентрализация, спорная территория, сепаратизм, номинальная власть, восстания и т. п.). Отметим, что чем больше претензии власти и реальность совпадают, тем несомненнее факт существования именно государства, а не какой-либо иной политической единицы. Этот момент особенно важен для ранних стадий политогенеза.

экономики (и поддержку такого роста). Наилучшим образом этого удалось достичь в рамках нового типа государства: одновременно правового (с легитимной, но ограниченной властью) и мононационального (не всегда моноэтнического, но формирующего единую или преобладающую нацию). Но и в многонациональных государствах связь государства и наций (народов) оказалась более заметной, чем ранее.

Для четвертой формации, думается, наиболее важной будет задача (которая уже требует и потребует далее соответствующих форм реализации) найти оптимальный компромисс между суверенитетом, демократией и национальным эгоизмом, с одной стороны, и готовностью к интеграции в региональные и мировое сообщество с неизбежными жертвами – с другой.

2.3. Родовой тип и образование государства

В первобытном обществе связь того, что можно назвать властью, с производством была в некоторых отношениях даже заметнее, чем в обществах классовых. Это понятно, поскольку властные структуры еще не стали автономными, а система перераспределения благ от низших к высшим слоям (как и сами эти слои) была в зачаточном состоянии.

Власть держалась на личном авторитете и тесно связывалась с умением вожака обеспечить коллективу достаточно приемлемую жизнь³⁰⁹. Политическая сфера вызревала очень медленно, поскольку и концентрация населения была очень малой. Племена были намного меньше, чем в земледельческую эпоху. Так, у австралийцев их численность колебалась от 100 до 1500 чел., составляя в среднем 500–600 человек³¹⁰. Но и они собирались вместе только какую-то часть года, обычно на праздники и особые церемонии. Ба-

---

³⁰⁹ См. об этом, например: Леви-Строс К. Печальные тропики. С. 170–172.

³¹⁰ 300 тысяч (по предположениям этнологов) аборигенов в конце XVIII в. обрывались от 500 до 700 племен (Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. С. 18).

зовыми единицами были общины и роды в несколько десятков человек.

Тем не менее постепенно укреплялись не только родовые, но и надродовые институты, хотя власть оставалась малорасчлененной и малоконцентрированной. В ряде случаев в коллективах удавалось выработать достаточно устойчивые системы управления (и межродовых отношений). Но такое общество не могло решительно эволюционировать.

Ситуация начинает меняться с аграрной революцией и последовавшей за ней демографической революцией. Постепенно размеры поселений росли. Порой это уже были настоящие деревни в сотни человек. Иногда их возглавляли так называемые бигмены. По мере развития производства, обмена и увеличения плотности населения возникали и более крупные поселки и даже города, в которых жили многие сотни и даже тысячи человек. Во главе такого «города» мог стоять вождь или «царь», но большую роль играли органы самоуправления, вроде древнерусского веча.

Население родовых коллективов разрасталось в племена, но они часто были еще очень аморфными. Во главе их не было руководителей. Но появлялись и более сплоченные племена во главе с наследственным вождем. Такое образование, население которого находилось в интервале от нескольких сот до нескольких тысяч человек, в науке получило название **вождества**³¹¹. Его вождь объединял вокруг своего поселения несколько других, и возникала как бы двухуровневая структура управления. Но иногда вождество образовывалось в одном крупном поселении. Нередко одно племя могло быть разбито на два и более вождеств или, наоборот, вождество включало в себя больше, чем одно племя. В пользу вождя выполнялись некоторые повинности, ему делали подарки. Он также мог сосредоточивать в своих руках торговлю или другие престижные занятия. Люди часто верили, что такой вождь обладает особой сакральной силой.

---

³¹¹ Этот термин является «калькой» английского термина *chiefdom*.

В результате завоеваний или по другим причинам вожества объединялись, и образовывались так называемые **сложные вожества** размером в десятки тысяч человек. Верховные вожди здесь все более напоминали царей и королей. В результате их деятельности по аккумуляции благ закладывался материальный базис, без которого государство не могло возникнуть³¹².

Между догосударственными политиями и зрелыми государствами выделяют особую стадию политического развития незрелых, или **ранних** государств (хотя и не все это признают). Ранние государства – это, безусловно, уже государства, но во многом они еще похожи на догосударственные общества. Большинство из ранних государств так и не смогли стать зрелыми. Теория раннего государства с новой силой подняла вопрос о том, что же такое государство и каковы его признаки. Для меня, как и для некоторых других ученых, несомненно, однако, что те признаки, которые вслед за Морганом и Энгельсом многие считают обязательными для любого государства: территориальность вместо родового строя, налоги и наличие аппарата принуждения и управления – в полной мере нехарактерны для ранних государств. Эти признаки являются атрибутами только зрелых государств.

Вопрос о происхождении государства остается одним из самых спорных вот уже более двух веков. Маркс и Энгельс считали, что оно образуется как особый аппарат насилия для защиты интересов экономически господствующего класса и для подавления эксплуатируемого класса. Но такой путь появления государства если и имел место, то редко. Тем не менее, эта теория до сих пор поддерживается многими отечественными учеными. Некоторые зарубежные обществоведы (например, М. Фрид) также разделяли и разделяют подобные идеи, хотя, конечно, в существенно измененном по сравнению с марксизмом виде (так называемая

---

³¹² В этом плане можно согласиться с М. Салинзом в том, что «рост власти и положения вождя становится одновременно развитием производительных сил» (Sahlins M. Stone Age Economics. P. 140).

конфликтная теория происхождения государства). В настоящий момент наиболее популярны следующие теории появления государства: **производственная, торговая, военная**³¹³. Все они имеют свои уязвимые места. Большинство ученых справедливо склоняются к тому, что такой сложный процесс не мог идти однотипно и что обычно имела место комбинация различных факторов (производственная необходимость, конфликт социальных слоев, война и другое).

Я пришел к выводу, что переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации, такими, как прекращение изоляции, возникновение военной или иной угрозы, успешные войны, резкое увеличение роли торговли, внутренние конфликты. Все это может служить толчком для существенных изменений в управлении и политическом устройстве. Но думается, что среди факторов такого резкого изменения жизненных условий война, завоевание или опасность быть завоеванным, несомненно, занимают первое место³¹⁴.

Вождества могли прямо перерасти в ранние государства. Однако порой общество развивалось, в нем появлялись знать, имущественное неравенство, рабы и неполноправные, но государством оно не становилось. Пытаясь объяснить такие явления, некоторые исследователи³¹⁵, в том числе и я, пришли к выводу о том, что, наряду с формированием ранних государств, появлялись и такие политии, которые были сравнимы с государствами по объему и

---

³¹³ Имеет своих сторонников и теория Э. Сервиса, который считал, что по мере усложнения хозяйственных и иных функций власти правители и управляемые взаимно все более нуждались в услугах друг друга. И поскольку и те, и другие имели выгоду от усиления власти (хотя, конечно, подданные платили за это высокую цену), постепенно происходят усложнение управления и образование государства.

³¹⁴ Г. Классен в одной из своих последних работ (*Was the State Inevitable?*) также подчеркивает, что, помимо общих условий, для образования государства необходим определенный толчок. Но, к сожалению, он не признает, что именно войны часто и являлись таким толчком.

³¹⁵ См., например: «Альтернативные пути к ранней государственности»; «Альтернативные пути к цивилизации»; «Цивилизационные модели политогенеза»; «Кочевая альтернатива социальной эволюции».

сложности устройства, но не имели государственных политических институтов (например, крепкой центральной власти, или аппарата управления, или чего-то другого). Такие негосударственные общества, которые можно сравнить с государством по сложности и выполняемым функциям, я назвал **аналогами раннего государства**³¹⁶. Подобных аналогов было много среди кочевников, независимых городов и объединений крупных сельских общин, больших племенных союзов. Взять, например, Галлию накануне ее завоевания Римом в I веке до н. э. Галлы не создали государства, но их уровень развития по ряду показателей был выше многих раннегосударственных обществ, например, храмовых городов Междуречья в начале III тыс. до н. э. или Руси в IX веке.

Некоторые из этих аналогов так никогда и не стали государством. Другие превратились в него, но уже на достаточно высоком уровне развития, поэтому они перешли сразу к крупному государству (а не к малому или среднему по размерам)³¹⁷.

Мы не знаем точно, как образовались самые первые государства (в Египте, Месопотамии и других местах). Считается, что при их образовании роль войн была меньше, поскольку очень важной была хозяйственная роль высшей власти. Однако и постоянные войны за соперничество между мелкими политиями в долинах Нила или Тигра и Евфрата также сыграли очень важную роль в превращении их в ранние государства. В дальнейшей истории (по мнению многих ученых) роль войн в процессе формирования государств стала еще большей.

---

³¹⁶ Подробнее см.: Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации; Grinin L. The Early State and its Analogues и другие мои работы.

³¹⁷ Я также пришел к выводу, что можно говорить о двух принципиальных случаях перехода к государству. Первый, когда государства образовывались, так сказать, «вертикально», то есть от догосударственных обществ сразу к государственным. Второй (вероятно, более частый), когда государства образовывались «горизонтально». Он связан с тем, что сначала догосударственные общества переходят на новую стадию развития, однако только в форме аналогов раннего государства. А уже потом сам аналог трансформируется в государство.

2.4. Государственно-областной тип

Как именно шел политогенез, не в последнюю очередь зависело от конкретных природных условий и типа хозяйства. Но несомненно, что для возникновения первичных государств как совершенно нового феномена требовались исключительные условия, в том числе и небывалые доселе возможности по производству и отчуждению прибавочного продукта. Впервые этого удалось достичь на базе интенсивного ирригационного земледелия³¹⁸.

Вариантов перехода от кровнородственных и племенных к территориально-государственным образованиям было много, и процесс этот оказался непростым и долгим. В данном контексте важно подчеркнуть, что в зависимости от того, какие моменты в политогенезе выходят на первый план, существенно меняется соотношение политической власти и производства. Если раннее государство возникало в результате завоеваний или объединения обществ для ведения совместных военных действий, то есть война была основным его делом, оно представляло собой в основном политическую надстройку, озабоченную сбором дани или налогов, почти безразличную к хозяйственным проблемам, а то и просто враждебную им. При аристократическом и плутократическом пути формирования государства политическое насилие осуществлялось аристократией или плутократией с помощью новых или трансформировавшихся старых институтов, например суда, монополии на установление законов, правил, запретов³¹⁹.

Там, где государство образовывалось под мощным влиянием хозяйственных, особенно ирригационных задач, оно не было лишь организацией господства и перераспределения благ, а одновременно являлось также организатором и контролером производства. Можно сказать, что *не только*

---

³¹⁸ Позднее иногда государства появлялись и на базе мотыжного земледелия, например в Африке. Но они бывали весьма непрочными и обычно были связаны также с иными источниками богатства (торговлей, добычей золота и т. п.).

³¹⁹ Иногда в виде толкования древних обычаев, иногда в виде прямых запретов типа «табу», иной раз путем получения «инструкций» от высших сил.

на первых этапах, но и долгое время спустя симбиоз хозяйственных и политических функций был наиболее удачным решением, которое позволяло достаточно полно использовать возможности природы, накапливать богатства, благоприятствовало росту населения и культуры. При поощрении торговли в некоторых государствах усиливались процесс заимствования достижений, специализация хозяйства, а потребности власти могли вести к специализации ремесленного производства, строительству портов, складов и пр.

Но по мере увеличения государственного аппарата все заметнее становилась тенденция, когда государство лишало экономику потенциалов к развитию, подстраивая ее под различные административно-политические нужды. Кроме того, система была настолько «завязана» на административную машину, что при упадке власти кризис хозяйства порой принимал катастрофические масштабы. В таких обществах при высоком плодородии и многочисленном населении, если хозяйство функционировало в целом нормально, удавалось собирать огромные средства. Поэтому в условиях стабильности правительство не видело особого смысла в переменах и экспериментах. Политическая надстройка же в большинстве случаев препятствовала обратной связи между производством и распределением³²⁰.

Хотя в доиндустриальную эпоху и было сделано множество важных изобретений и открытий, повывисивших производительность труда, все же правильным будет сказать, что в период после перехода к развитому сельскому хозяйству одним из самых основных, а часто главным источником повышения объема производства был рост населения (есте-

---

³²⁰ Хозяйственная политика даже таких стран, как Китай, который в этом плане, на мой взгляд, составляет исключение, была непоследовательной. С одной стороны, влияние власти на развитие производства с помощью поощрения заселения земель, налоговых льгот, запретов на стеснение крестьян-налогоплательщиков было позитивным. С другой – налоговые тяготы, злоупотребления чиновников, различные сиюминутные причины, имперские амбиции или, наоборот, неспособность власти сдерживать кочевников часто вели к деградации хозяйства.

ственно, что есть и обратная зависимость). Прирост валового продукта в целом соответствует объемам увеличения населения. Но демографический рост может быть достаточно длительным (если позволяет природный фактор) только при сильном государстве, способном обеспечить внутренний мир и безопасность от внешнего врага³²¹.

Для доиндустриальной эпохи зависимость производства от государства оказывалась тем выше, чем благоприятнее и изобильнее была географическая среда, ибо численность населения и количество избыточного продукта были прямо пропорциональны ее щедрости. Но тем сильнее становилась роль государства как силы, необходимой для поддержания единства и порядка (иначе изобилие иссякает) и защиты от внешних грабителей. Таким образом, главными условиями существования такого хозяйства были поддержание необходимого порядка, отсутствие чрезмерного перенапряжения народа и защита его от внешних нашествий.

Сформировался **государственно-областной** тип политической организации обществ³²². Это название подчеркивает обычно невысокую степень централизации, административного порядка и единства правил для всей территории и существенные различия между частями государства. Провинции, используя выражение Ленина, очень часто сохраняли живые следы прежней автономии. И даже крепкие централизованные государства нередко распадались.

---

³²¹ Но даже и в этом случае, как показывает Нефедов (см. его «Всемирную историю») такой рост редко превышал 200-летний период, поскольку возникала диспропорция между возросшим населением и природными ресурсами (особенно землей).

³²² Но он имел ряд подтипов. **Государственно-племенной** характерен для еще не зрелых (вроде державы ацтеков) или плохо централизованных государств типа Тюркского каганата. **Государственно-этнический** был там, где сосуществовало множество мелких и мельчайших государств, как в Элладе. **Имперский** характерен для гигантских конгломератов разнородных областей и частей, внутренне непрочных, поскольку от них то отделялись покоренные народы, то переставала подчиняться администрация провинций, то не удавалось укротить родню повелителя или возникал династийный кризис, а с ним тяжелые смуты. Некоторые более централизованные и административно более совершенные государства (Египет, Китай) в отдельные периоды приближались к более чистому **государственному** подтипу.

Хотя внутреннее единство чаще опиралось на геополитические или военные, чем на экономические моменты, тем не менее шел постоянный поиск наиболее удачного сочетания политической и производственной сфер. Есть смысл задержаться на варианте, который стал исходным для перехода в новый тип политической организация.

В районах с не столь плодородными почвами, естественно, и населения было меньше, и плотность его была ниже, поэтому меньше была и необходимость государству вмешиваться непосредственно. Но и прибавочного продукта в таких районах было намного меньше. И нередко задача обеспечить ресурсами военную сферу становилась настолько обременительной, что все хозяйство перестраивалось для ее реализации. Поэтому не чиновник, а воин выступал здесь главным посредническим звеном между государством и производством. Конечно, воин не мог быть хорошим хозяином, а следовательно, рост производства мог длительное время сдерживаться.

Однако и в ситуации относительной бедности природы таились важные потенции, которые при благоприятных обстоятельствах стали обнаруживаться в Европе с XI века, где отсутствие тесной опеки и контроля со стороны государства, его слабость дали возможность возникнуть городам как центрам ремесла и торговли с заметной экономической автономией. А затем в XIV–XV веках начался переход к новому принципу производства.

Таким образом, менее тесная связь между производством и государством в западных странах и отсутствие там деспотизма, требовавшегося для «цементирования» богатых и густонаселенных восточных держав, в конце концов оказались преимуществом Европы. Ведь власть на Востоке не могла способствовать таким процессам, как развитие частной инициативы, экспроприация земли у крестьян, а значит, и механизации, трудосбережению и другому уже потому, что это противоречило ее насущным интересам. В Европе сложился **новый и удачный баланс между политической и экономической (и, следовательно, производ-**

ственной) сферами. Относительная бедность европейских стран толкала их государей к поиску новых источников богатства, результатом чего и стали Великие географические открытия, резко изменившие потенциальные возможности Запада.

Но с другой стороны, государство еще очень неохотно допускало влияние промышленников и торговцев на внутреннюю и особенно внешнюю политику. Поэтому если в этот переходный от феодализма к капитализму период экономическая деятельность власти уже больше отвечала прогрессу промышленности, то общая политика осталась в основном дворянской, аристократической.

2.5. Государственно-национальный тип

В XVI–XVII веках в результате установления новых принципов производства и формации в Европе формируются новые типы государства с гораздо большей централизацией и единством правил, чем раньше. Хотя среди них были и многонациональные, вроде империи Габсбургов, но уже намечается первенство именно национальных. Появляются абсолютные монархии, в которых власть в значительной мере выступала как надсословная сила. Но в это же время рождаются и республики, причем не средневековые городские, а нового плана на базе национальных государств.

Наиболее удачный баланс между государством и экономикой в XVIII веке сложился в Англии, где и начался совершенно новый этап развития производительных сил – промышленный переворот. Постепенно мысль о необходимости создания машинного производства утвердилась и в ряде других стран. Шло медленное осознание, что именно крупная промышленность и связанная с ней торговля (а не сельское хозяйство, как, например, утверждали физиократы) – главный источник национального богатства. И этому способствовало то, что представители крупной и средней буржуазии добились права активно участвовать в опреде-

лении внутренней и внешней политики. Вместе со всем этим обозначился и процесс превращения государства в «ночного сторожа» предпринимательства, а иногда даже в «исполнительный комитет» буржуазии. В такой роли оно пребывало примерно столетие (с 30-х годов XIX до середины XX века). Но этот период следует разбить на две части, рубежом между которыми явился конец XIX века.

Процесс перехода государства от поддержки аристократии и дворянства, крупных финансистов, торговцев и торговых монополий к поддержке собственной промышленности в разных странах проходил по-разному, но гладким не был нигде.

Крупное промышленное производство машинного типа таково, что требует именно расширенного воспроизводства. А последнее, в свою очередь, обязывает государство создавать и постоянно поддерживать целый ряд условий. Многие из них стали создаваться еще в предшествующие эпохи, но теперь складывались в единую систему. Помимо устойчивого денежного обращения, четкого судопроизводства, большой свободы деятельности, требовались также определенные правительственные гарантии, общественный порядок и мир, воспроизводство рабочей силы и специалистов (для чего, в частности, развивалась система образования и здравоохранения, библиотек и т. д.), соответствующие общественное мнение и уважение со стороны властей, забота о поддержании зарубежных рынков сырья и сбыта, отстаивание промышленных интересов в международных делах, разумные налоги и прочее. Нельзя не видеть и огромную заботу государств о строительстве железных дорог, телеграфа и других путей сообщения и средств связи, без чего столь стремительное увеличение объемов производства было бы невозможным.

Таким образом, сформировался новый тип политической организации обществ – **государственно-национальный**, поскольку он был неразрывно связан с формированием единого хозяйственного национального организма и веду-

щей или господствующей нацией (в том числе с нацией, имеющей колонии)³²³. Но, конечно, он имел существенные особенности в разных странах. В обществах недемократических роль государства непосредственно в индустриализации и регулировании экономики могла быть существенно выше³²⁴. Раньше всего в странах классического капитализма сложился **государственно-классовый** подтип.

При расширении демократии правительство хотя и явно сочувствовало имущим классам, но все же вынуждено было отказаться от принципа невмешательства в отношении капиталистов и рабочих³²⁵. В результате во второй половине XIX – первой половине XX в. был достигнут определенный, хотя и не всегда устойчивый компромисс между классами, возросло влияние рабочих партий и профсоюзов.

С конца XIX века в результате концентрации производства резко выросло влияние монополий. Следствием стремления финансово-промышленной олигархии подмять под себя политику, мелкий и даже средний бизнес стали особого рода конфликты между ней и демократией. Поэтому государственная политика колебалась между интересами монополий и большинства населения как основного избирателя. (Ведь избирательное право сильно расширилось.) Наиболее известный пример – антитрестовские законы в США. Демократическое государство все чаще выступало арбитром в социальных спорах, следовательно, все более становилось надклассовой силой. И хотя до 30-х годов XX века в целом еще господствовала установка на то, чтобы не

---

³²³ О неразрывной связи индустриализма и национализма см.: Armstrong J. A. Nations before Nationalism; Геллнер Э. Нации и национализм.

³²⁴ Сначала такая роль в некоторых странах (особенно Японии, России) резко выросла, сформировался государственно-материалистский подтип. А затем и государственно-идеологический в социалистических и фашистских обществах.

³²⁵ Нельзя забывать, что рост промышленного производства – это и рост городов, что не может не заботить власти, которые и сами в этих городах располагаются и вынуждены реагировать на любые конфликты там. Рост городов – это, в свою очередь, и тесная связь бизнеса и властей по поводу городского строительства и т. д.

вмешиваться в естественный ход дел³²⁶, роль государства в регулировании экономики начала возрастать³²⁷.

2.6. Надгосударственный тип

После Великой депрессии и Второй мировой войны возникла ситуация, когда государство возвратилось, но уже на совсем новом этапе развития производства, к его регулированию и часто прямому вмешательству в него. Вместе с тем увеличилось и налоговое бремя. Кроме того, экономическое соревнование между странами стало носить идеологический характер, а темпы роста сделались важнейшим показателем успеха правительства. Для крупных корпораций, как отмечал Дж. К. Гэлбрейт, главной целью теперь была не столько максимальная прибыль, сколько максимальная устойчивость. В определенной мере это сблизило сам характер деятельности государства и корпораций, облегчило их сращивание в различных сферах, особенно военной и НИОКР. Еще одним исключительно важным фактором, определяющим направление развития производства, является новая социальная политика государства, нацеленная на поддержку аутсайдеров всякого рода и связанные с ней высокие налоговые изъятия.

Переход к кейнсианской модели уменьшил остроту экономических кризисов. Таким образом, новая модель соотношения государства и производства оказалась эффективной. В современных условиях получается, по меткому сравнению Р. Арона, что «мотор» общества находится в экономике, а «тормоз» – в политике. И в зависимости от экономической конъюнктуры государство то отпускает его, то, напротив, нажимает на него.

---

³²⁶ Она, однако, трансформировалась в идею о том, что неприемлемо лишь вмешательство в бизнес, а прямая помощь государства предпринимателям вполне допустима и даже желательна (см. об этом: Шлезингер А. М. Циклы американской истории. С. 334).

³²⁷ Недаром же 20–30-е годы Бернхем определил как начало перехода от капиталистического или буржуазного общества к типу общества, который он назвал менеджерским (Burnham J. The Managerial Revolution. P. 71) и которое позже называлось самыми разными именами – от нового индустриального до программируемого.

Однако бурный экономический рост многих стран и усиливающиеся глобальные проблемы уже показали ограниченность многих прежних представлений и необходимость изменения в будущем модели взаимоотношений государства и экономики.

Экологический кризис поставил под сомнение важнейшую черту индустриального производства – неизбежность постоянного расширения производства. Все очевиднее зависимость благополучия национальных экономик от стабильности в самых разных местах мира и невозможность в одиночку решить глобальные проблемы. Это усиливает тенденции ограничения суверенитета в ряде случаев. Но главное, сами потребности производства резко увеличивают тягу к интеграции, особенно региональной или отраслевой.

Следовательно, развитие производительных сил становится одной из **важнейших причин изменения характера власти и суверенитета**³²⁸. И необходимо констатировать формирование нового типа политической организации обществ – **надгосударственного**.

Правомерно также сказать, что объединения стран в региональные и прочие организации – это реакция на то, что экономика все более выходит за национальные рамки и все более интернационализируется. Поэтому **можно прогнозировать, что и в дальнейшем (если иметь в виду «генеральную линию» исторического процесса) взаимодействие экономики и политики пойдет в направлении ограничения национального суверенитета в пользу планетарных интересов**. Но борьба за то, кто и как будет формулировать эти интересы, конфронтация между национальными идеологиями, привычками и интересами и наднациональными тенденциями обещает быть острой и, весьма вероятно, даже драматической.

---

³²⁸ По сути, уже несколько десятилетий мировое развитие идет по пути постепенного ограничения национального государственного суверенитета, прежде всего в вопросах войны и мира, прав человека, в экономической сфере (экспортно-импортные пошлины, кредитно-денежная политика и т. п.).

По сути (но не по формам, а по результатам), должна произойти определенная «политическая революция», которая ограничит национальный суверенитет в пользу общемировых интересов. Можно легко представить, какие политические и идеологические проблемы и конфликты это вызовет. И сегодня уже конфликты, подобные югославскому в 1999 г., иракскому 2003, раскалывают мир³²⁹. Но другого пути в принципе нет. Хотя, конечно, жесткость или мягкость противостояния, умение предвидеть последствия и избегать негативных явлений в будущем могут очень различаться.

В любом случае тесная взаимозависимость между новыми производительными силами и новыми политическими процессами, уже и сегодня очень заметная, в дальнейшем станет, думается, еще более тесной и – особенно важно – осознанной и управляемой.

Можно высказать несколько предположений. Все больший выход производительных сил за земные пределы (то есть за ограничения государственных границ) будет настоятельнее требовать выработки принципиально новых способов регулирования пользования этими коллективными пространствами. А появление таких эффективных механизмов поведет к тому, что их начнут использовать и для влияния на те процессы, которые сегодня находятся в рамках национального контроля. Убеждение же, что природа любой страны – общее достояние, потребует более пропорционального развития мира. Это заставит развитые страны форсировать развитие отсталых, а последним придется уменьшить эгоизм правящей элиты и ограничить ложно понимаемый суверенитет, чтобы подстроиться под общие правила.

---

³²⁹ Я подробно рассматриваю вопрос о различных современных национальных и политических тенденциях в аспекте развития современных производительных сил в статье: Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета.

§ 3. ТИП СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ

3.1. Социальная структура общества и тип социальной организации обществ

В широком смысле слова, любое общественное явление можно считать социальным. Но мы будем говорить о социальном в узком смысле, имея в виду признаки, согласно которым можно выделять группы людей. В этом плане ключевым выступает понятие **неравенства**³³⁰. В той или иной степени оно присутствует в любом, даже самом примитивном обществе.

Однако опоры, на которых оно держится, могут быть различными. Очень различны также признаки неравенства, которые создают своего рода **линии** социального деления. Среди наиболее типичных линий – имущественные, сословные, генеалогические (связанные с родовитостью), этнические, религиозные. Значение каждой из них в плане влияния на статус, престиж, доступ к каким-то благам в разных обществах неодинаково. Одни линии в этом смысле можно считать **нейтральными**. Зато другие в сильной степени предопределяют возможности обладания дефицитными благами. Эти социально структурирующие общество признаки и линии и осознающиеся именно как неравенство (равенство), несправедливость (справедливость) можно назвать **социально окрашенными**. Именно они имеют для социологии истории наибольшее значение. Однако в каждом обществе (и в разные периоды) набор таких признаков и линий неравенства будет весьма различным.

В социологии к наиболее важным среди типов благ, вокруг обладания которыми возникает неравенство, относят: **власть, богатство, престиж, статус, привилегии**. Иногда еще выделяют **образование**. К этому списку, на мой взгляд, следовало бы добавить и достаточно существенный мо-

---

³³⁰ Оно «является результатом такого положения, когда люди, под чьим контролем находятся общественные ценности (главным образом богатство и власть), имеют возможности извлекать для себя выгоды» (Смелзер Н. Социология. С. 280).

мент – **удобство и гарантии** в обладании, получении, сохранении благ, реализации прав и прочее. Распределение указанных выше типов благ имеет весьма сложные способы, во многом особые для каждого общества.

Социальное и материальное неравенство, хотя и не в строгой прямой пропорции, но так или иначе связаны. Однако иногда получение имущественных выгод – главное назначение социальной дифференциации, иногда дополнительное, иной раз именно разница в доходах, собственности и стратифицирует общество. Очень многое зависит в этом плане от социального «вектора», под воздействием которого одни типы благ как бы следуют за другими. Так, знатность или должность могут влечь за собой и богатство. Причем социальные характеристики способны не только дополнять, но и переходить друг в друга, а также заменять друг друга. Легкость или сложность таких переходов и особенности самих процессов очень многое говорят об обществе.

Все линии и признаки, по которым неравенство устанавливается, обнаруживается и узнается, обычно существуют не в чистом виде, а в той или иной комбинации между собой. Тем не менее их можно условно разделить на три группы. Первая связана с некоторыми наследственными и приобретенными признаками, которые, что называется, бросаются в глаза: половозрастные, расовые, антропологические и некоторые этнические различия, язык и т. п.

Вторая группа связана с признаками, жестко закрепленными обычаем, законом или неким фактом. Сюда относятся родственные отношения, принадлежность к какой-либо закрытой группе (типа сословия, касты), этнические и профессиональные характеристики и некоторые аналогичные им. Поскольку статус и авторитет группы распространяются на всех, входящих в нее, то социальная роль личности меньше зависит от ее индивидуальных качеств³³¹.

---

³³¹ При этом «характерно, что индивид высшего класса в системе с высокой устойчивостью статуса... обычно мало теряет даже в том случае, если он плохо выполняет свои обязанности» (Гуд У. Социология семьи. С. 210).

Третья группа связана с самим фактом обладания, близости и контроля над властью, богатством, образованием и прочим. Получение этих благ относительно легко меняет и социальное положение человека. А его престиж и статус напрямую связаны с полнотой и объемом владения, распоряжения и контроля над данными ресурсами.

История демонстрирует нам гигантское разнообразие социальных единиц. Их можно типологизировать по разным основаниям. Для социологии истории в целом, думается, удобным будет следующее деление: 1) связанные с жестко закрепляемыми признаками (в основном совпадает с первой и второй группами линий деления); 2) связанные преимущественно с личными качествами индивидов и обладанием благами самими по себе (в основном третья группа линий деления). Первый тип можно назвать **закрепленным**. Он, как ясно, более присущ доиндустриальным стадиям. Его примеры: касты, юридически оформленные сословия, закрытые цехи и прочее. Второй тип – **незакрепленный** – более характерен для индустриальных стадий, в которых социальное положение определяется богатством, личной известностью или образованием.

Способы анализа социальной структуры требуют учета возможностей теоретических средств. Иногда крупные единицы правильнее представлять как реальное целое, состоящее из меньших единиц (например, сословие делится на отдельные слои и группы). Но иной раз говорить о крупных единицах возможно только как о теоретических конструкциях, выделяемых на основе объективного сходства мелких единиц. Здесь подстерегают методологические опасности, существенные даже в отношении «закрепленных» единиц типа сословий. Ведь нередко фактическое и юридическое положение не совпадают, а противоречия внутри каждого сословия могут оказаться сильнее, чем объединяющие его начала.

Тем более строго следует подходить к анализу «незакрепленных» единиц, вроде слоя или класса³³². Одна из главных ошибок здесь связана с объективизмом, когда «теоретический, сконструированный ученым класс рассматривается как реальный класс, как реально действующая группа людей»³³³. Бурдьё называет это классом «на бумаге»³³⁴. В результате происходит отрыв от реальности, умаляется роль фактически более важных единиц, появляется стремление представить общество одномерным.

Это весьма актуальные недостатки для нашей науки, в которой и до сих пор классовое деление считается (кроме доклассовых обществ) естественным и главным. Таким образом, очень часто теоретическая модель как бы наделяется свойствами реального бытия, а ситуация, характерная для определенной эпохи, распространяется на всю историю. Стремление связывать классы прежде всего с чисто экономическими отношениями, а собственность определять как главный классовобразующий признак было важнейшей причиной распространения практики представлять в стадильно однотипных обществах и классы однотипными, что искажало историю и затрудняло ее анализ.

Без сомнения, чем яснее преобладание именно экономических характеристик в распределительных отношениях, тем четче и важнее классовое деление. Но такая ситуация более или менее ярко выражена лишь для капиталистических обществ определенных эпох.

---

³³² Понятие «общественный класс» родилось в трудах французских историков XIX в. После Маркса в западной науке оно стало довольно популярным и по сию пору в ходу. В свое время П. Сорокин насчитал 32 различных определения классов, и меньше с тех пор их не стало.

³³³ Бурдьё П. Социология политики. С. 55.

³³⁴ Там же. С. 59. Бурдьё также отмечает, что подобная конструкция «имеет теоретическое существование такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике, он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых. И, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причем группы «мобилизованной», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс...» (Бурдьё П. Ук. соч. С. 59).

Конечно, и в докапиталистических эпохах встречались ситуации «экономических» классов: ростовщики и должники, землевладельцы и юридически свободные арендаторы, скупщики и ремесленники и т. п. Но гораздо чаще господствовали иные отношения. И в целом в рамках социологии истории классовая принадлежность осознается реже, чем иная (сословная, кастовая, религиозная, этническая). Ибо там, где господствовало жесткое целение, ведущими были и соответствующего типа единицы. Далекое не всегда классы будут важнейшими социальными единицами и в современных условиях.

Поэтому нужно совершенно ясно представлять, что понятие классов имеет свои ограничения и неудобства, важнейшие из которых в том, что, **хотя теоретически классы можно конструировать для большинства обществ определенной зрелости, роль главных социальных единиц они будут выполнять лишь в некоторых обществах.**

Кроме того, чтобы использовать категорию классов как достаточно универсальную (хотя и не всегда главную в социологии истории), **рациональнее связывать их не с экономическими только, а с более широким спектром распределительных отношений**³³⁵. Совершенно очевидно также, что поскольку распределительные отношения сплошь и рядом теснейше увязаны с политическими, идеологическими, военными и иными, постольку очень часто налицо полное или частичное совпадение класса и сословия, группы, элиты, этноса и т. д.

Следовательно, в каждом обществе и классовый состав, и число, и характер классов могут быть весьма своеобразными или даже уникальными, что, разумеется, не мешает искать общие черты и сходные типы.

---

³³⁵ Прежде всего с достаточно устоявшимися и важными видами распределительных отношений. Следовательно, можно вести речь и о классе чиновников, характерном для общества так называемого азиатского способа производства и социалистических стран; и о классе жречества там, где оно объединялось в мощные корпорации и занимало важное место в системе распределения. В иных случаях имеет смысл выделять классы ремесленников, купцов и т. д. Причем выделение какого-либо класса необязательно требует наличия класса-антагониста.

Если классы теснее связаны с такими типами благ, как богатство и имущественные привилегии, то другие крупные теоретические социальные единицы – с властью, высоким статусом и престижем, почетными привилегиями и пр. Речь идет о делении общества на **эли**ту (меньшинство) и **неэ**литу (народ, массы и т. п.). Эти понятия в некоторых отношениях даже более универсальные, чем классы, поскольку об элитах можно говорить и в доклассовых обществах. Ведь часть людей всегда имеет больше прав в отношении власти и управления, чем остальные³³⁶. Но как и класс, это во многом теоретическое понятие, в зависимости от нашего угла зрения приобретающее более или менее широкое значение³³⁷.

Итак, существует ряд категорий для представления социальной структуры в виде крупных социальных единиц, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. *При этом роль главных, ведущих социальных единиц в разных обществах и периодах могут выполнять разные виды (и типы) социальных единиц.* Иногда даже это будут сравнительно небольшая группа, часть сословия или класса, некая корпорация и т. п.³³⁸. Совместить разные подходы удобнее всего, выделяя **главные единицы** для данного общества (периода) и оттеняя их менее важными характеристиками.

Если рассматривать социальную структуру в формационном разрезе, то для первой формации главными можно считать родственные, половозрастные (брачные) единицы; для второй – нечто сходное с сословиями, кастами и пр. Для третьей – это мог быть класс. Наконец, сегодня

---

³³⁶ Вероятно, в этом смысле нужно понимать утверждение Г. Москва, что «во всех обществах... существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых» (Москва Г. Правящий класс. С. 187). Примерно то же говорит и В. Парсто.

³³⁷ Еще более теоретической, но иногда удобной является категория «слой». Так, в современных обществах очень часто говорят о так называемом среднем слое или классе (в смысле слоя), понятии, обобщающем весьма разношерстные группы, но тем не менее имеющем и реальные основания.

³³⁸ Подробнее о социальной структуре общества и методах ее анализа см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 5.

все большее значение наряду со слоями, выделяемыми по уровню дохода и качеству жизни, приобретают социальные единицы, связанные с образованием, квалификацией, местом в управлении и личной известностью. Тем не менее в рамках одной формации все социальные единицы имеют важные сходства, которые можно обобщить категорией **тип социальной организации.**

3.2. Родственно-половозрастной тип социальной организации обществ

Преодоление остаточного противоречия антропогенеза привело к созданию очень примитивного, но уже социума. Конечно, социальное не отделилось от других сфер. Мало того, **социальная структура первобытного общества во многом связана именно с биологическими (в той или иной мере) признаками,** но уже имеющими явно социальную окраску, причем последнее качество становится постепенно все более заметным³³⁹.

Длительные периоды достаточно обильной охоты заложили очень прочные основы эгалитарности, без чего, впрочем, первобытные коллективы и не выжили бы. Это были объединения людей, у которых нет институционализированных различий в зависимости от того, в какой семье они родились или каким имуществом владеют. Поэтому главными признаками неравенства являлись, во-первых, половые и возрастные различия, а также отношения родства и свойства, которые вместе и определяли место человека в родовом коллективе, его права и обязанности; во-вторых, приобретенный с помощью личных качеств (ум, сила, хитрость и т. п.) и заслуг статус (авторитет, общественная должность). Таким образом, тип социальной организации обществ этой формации можно назвать **родственно-половозрастным.**

---

³³⁹ «...Социальный характер родству придаст не то, что оно должно сохранять от природы, а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы», – подчеркивает Леви-Строс (Леви-Строс К. Структурная антропология. С. 51).

Неравенство определялось также в основном по вышеуказанным линиям и закреплялось обычаями, традициями, верованиями и авторитетом. Естественное неравенство пола и возраста усиливалось и общественным разделением труда между мужчинами и женщинами (детьми). Родственные отношения, права и обязанности, поначалу слабо выраженные, постепенно приобретали все большую роль, тем более в коллективах, где хозяйственная роль семей была высокой. Обязанности родственника, а в иных случаях и свойственника (зятя, тещи и тестя например) были порой довольно обременительными.

Институт брака во многом играл центральную роль в социальном делении этих обществ. Крайне важными являлись брачные правила и запреты вступать в брак с людьми из определенных родов и групп (т. н. брачные классы). В отношении брачных обычаев, роли парной семьи, моногамии и полигамии, установленных мест поселения молодоженов (в роде жены, мужа или отдельно) имелось большое разнообразие (частично объясняющееся характером хозяйственной деятельности). При заключении брака где-то главными могли быть симпатии мужчин и женщин, где-то их не принимали во внимание и вопросы о браке решали старшие.

Половозрастные отношения очень существенны для любого охотничье-собираетельского общества, но их значение могло быть различным. В некоторых случаях доходило до сильного антагонизма между мужчинами и женщинами, между молодежью и «стариками» (то есть людьми определенного возраста)³⁴⁰. Очень часто женщин не допускали до религиозных таинств, праздников, решения важнейших дел. Инициации (для юношей, реже девушек), иногда исключительно жестокие, – это и метод отсекаания слабых (порой недовольных), и воспитания в нужном духе, даже устрашения. Во всяком случае, это довольно эффективный способ ослабления конфликта поколений.

---

³⁴⁰ Сложность вступления в брак для молодежи ряда австралийских племен соседствует с тем, что старики имеют нередко несколько жен. Это порой вызывает конфликты или супружеские измены.

Общественное положение, престиж поднимали человека в глазах соплеменников, могли давать ему больше прав или привилегий в материальном положении. Но нередко это сопровождалось и усилением обязанностей, требований щедрости. Такая двойственность, вообще свойственная в чем-то выделяющимся людям, была весьма характерна для древнего общества. Нередко общественная должность становилась тяжким грузом, и не все ее домогались или могли выдержать³⁴¹. Конечно, за престиж всегда есть определенное соперничество, но оно, очевидно, не слишком часто перерастало в острые формы. Ведь в обычных условиях власть была не тиранической, а привилегии – не слишком значительными. Просто не было материальной основы для такой власти. Иными

словами, злоупотребления могли быть, но для них было мало экономических и общественных условий, а следовательно, люди и меньше к ним стремились³⁴².

Многое, разумеется, зависело от размеров коллективов и формы хозяйствования. Там, где общины были большими, а охота, скажем, коллективная, неизбежны иерархия и более сильная власть (в виде совета старейшин, малого совета и т. п.), которая обладала даже зачатками аппарата принуждения. Заметную роль могли играть колдуны и знахари, которые обладали большой психологической и моральной властью³⁴³. Но чтобы стать колдуном или знахарем, нужны были особые данные характера и знания, которые в некоторых племенах при обретались долгими годами учебы и испытаний, специальных инициации колдунов.

---

³⁴¹ См., например: Леви-Строс К. Печальные тропики. С. 170, 171.

³⁴² Дело меняется, когда появляются большие запасы и излишки, требуется постоянная должность для решения хозяйственных дел и споров, рождается возможность существенно выгадывать для себя и для более близких себе людей.

³⁴³ «Колдуны и знахари нередко захватывали роль лидеров в своих коллективах. При этом бывало, что доминирование обеспечивалось страхом, который они старательно возбуждали у окружающих и благодаря которому могли безнаказанно совершать антисоциальные, антиколлективистские поступки. Вместе с тем отмечалось соответствующее коллективистским социальным нормам и даже альтруистическое поведение колдунов или «знахарей-лидеров» (Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. С. 164–165).

Хотя сильные характеры, выдающиеся личности могли себя в каких-то вопросах противопоставлять обществу и общественному мнению, но в целом господство коллектива было достаточным. Слишком частого вмешательства персональных авторитетов не требовалось, хотя без них, конечно, не обходилось при разборе жалоб, споров, ссор. Словом, в этих обществах не было «жестокой обусловленности, всегда одинаковой реакции личности или коллектива в целом на те или иные поступки индивидов или общественные события»³⁴⁴. Жесткого регламента жизни также не было, люди в основном сами распределяли свое время, кроме того, что подпадало под запреты, церемонии, обязательные дела³⁴⁵.

Как справедливо замечал В. П. Алексеев, совершенно неправильно представлять первобытное общество как тоталитарное, с казарменной дисциплиной и всесторонним контролем за личностью. Стоит также учитывать, что особого аппарата принуждения не было. Но зато его успешно заменяли внимательность, любопытство и сплетни сородичей. Огромную роль играло общественное мнение. Насмешки, оскорбления, бойкот – все это в маленьких коллективах грозное оружие. Тем не менее в отношении серьезно провинившихся наказания подчас были строгими: изгнание, а иногда и убийство или особое колдовство, которое должно было, по мнению туземцев, умертвить приговоренного (у австралийцев это называлось «отпеть»).

3.3. Сословие-классовый (ранговый) тип

С началом и развитием аграрной революции численность населения значительно увеличилась, что ломало прежнее равенство. Ведь едва человеческие коллективы превышают определенное число, достигая даже нескольких

---

³⁴⁴ Артемова О. Ю. Ук. соч. С. 171.

³⁴⁵ «Да, таков первейший нерушимый закон этих краев: то, что делает человек, священо, и никто не имеет права вмешиваться в его дела, за исключением таких случаев, когда действия одного человека могут представлять опасность для остальных членов общества» (Моуэт Ф. Люди оленьего края. С. 175).

десятков человек, как они, по справедливому замечанию социолога У. Гуда, выходят за пределы простейшей половозрастной градации, приобретая более сложную систему деления. Тем более если они начинают насчитывать сотни и даже тысячи человек.

Но именно в период примитивного сельского хозяйства значение родовых отношений возрастает даже по сравнению с прежней эпохой³⁴⁶. В связи с ростом населения оформляются и особые (высшие) формы родовых (клановых, линиджных) отношений, связанных с появлением во многих обществах так называемого вертикального счета родства, осознанием или идеологическим объяснением такого общего родства, идущего от определенного предка. Следовательно, отношение к такому предку становится важнейшей социальной характеристикой (наряду с положением в семейной группе). Жизнь в основном регулируется в меньших, чем род, структурных группах (линиджи, их части, семейные группы),

В результате роста населения и его структуризации также возникает неравенство внутри разных линий одного рода и между родами. Постепенно формируются привилегированные кланы и линиджи, которые оттесняют других от принятия решений, члены которых становились родовой знатью. Позже на этой основе появились примитивные, но жесткие сословия, вроде полинезийских. Иногда такие аристократические кланы вообще переселялись в особые поселки (позже становившиеся городами), а вместо себя оставляли своего рода управляющих, которые взыскивали с других долю аристократов. Власть вождей и старейшин усиливалась, и эти должности могли уже наследоваться. Все большее значение получают и иные выдающиеся люди.

---

³⁴⁶ И половозрастное неравенство стало еще более заметным, а противоположность мужчин и женщин в чем-то даже возрастает. У многих племен зафиксировано существование отдельных мужских и женских домов, своего рода клубов. Но по-прежнему сильный пол чаще оставался в привилегированном положении. А в связи с общим ростом богатства могло усиливаться многоженство. В период разложения родового строя почти везде окончательно переходят на счет родства по отцовской линии, а роль мужчин, глав семей, возрастает.

Увеличивается и имущественное неравенство, возникает рабство.

По мере дальнейшего роста населения усиливались как конфликты и споры между родами внутри племени, так и межплеменные связи и столкновения. Все это вело к увеличению власти тех, кто выполнял общественные задачи, регулировал споры, стоял над родами и над их главами. Руководитель племени, а тем более вождь в вождестве становился все более самостоятельным, а его экономические возможности – огромными.

Все это и многое другое свидетельствовало о разложении родового строя. Но все же эгалитарность еще долго оставалась исключительно сильной. Основательно эксплуатировать родичей, изменить уравнительную психологию было очень непросто, а родовая система оказалась настолько крепкой, что сломать ее изнутри в ряде обществ оказалось невозможным. Поэтому требовались новые факторы воздействия. Таким могло быть сильное перемешивание населения. Ведь родовые связи неизбежно ломались в результате переселений, войн, смешения народов и т. д. Тогда родовая община заменялась соседской, крестьянской. Другой фактор – резкое возрастание объема производства и населения. Это происходило в результате перехода к интенсивному земледелию. Появление излишка продукции открывало путь к новым формам неравенства. Последнее формировалось различными способами. Среди них важное, нередко ведущее место занимали религия, разделение общества на слои (касты), а также война, насилие и грабеж³⁴⁷.

Но только когда над общинами надстроилось государство, родовый строй окончательно стал уходить в прошлое, хотя его остатки («пережитки») еще долго чувствовались. Родовые связи продолжали играть весьма важную, но уже

---

³⁴⁷ К сожалению, в истории, по словам Маркса, важнейшую роль играли война, порабощение, разбой – одним словом, насилие. А Анри Бергсон писал: «В самом деле, не вызывает сомнений, что сила лежит у истоков разделения древних обществ на классы, подчиненные одни другим» (Бергсон А. Два источника морали и репигии. С. 75).

подчиненную социальную роль³⁴⁸. Стоит отметить, что географическая среда (особенно плодородие почвы и естественные границы) сильно влияла на численность населения, его социальную структуру и социальные отношения³⁴⁹.

С появлением и укреплением государства появляется или резко возрастает возможность насильственного введения тех или иных различий. На ранних этапах законодательное или иное ясное закрепление различного положения могло играть положительную роль, так как способствовало формированию общества и регулированию отношений внутри него, иногда без этого бывших весьма конфликтными и разрушительными. Но чем дальше, тем сильнее сказывались ограничения такого подхода.

Таким образом, во второй формации на основе достаточно производительного, но консервативного аграрного производства сформировался сословно-классовый тип социальной организации обществ. Он имел ряд вариантов. Там, где были сильнее развиты отношения собственности, как в античных обществах или в сильных бюрократических государствах (вроде Китая), можно говорить именно о сословно-классовом или даже классово-сословном вариантах.. Там, где социальное деление было более жестким, как в Индии, имел место сословно-кастовый вариант. Для раннегосударственных обществ часто были характерны сословно-ранговые (Китай в ранние периоды) или сословный (империя инков) варианты.

Главные стержни организации общества становились и важнейшим фактором социального деления, но могло быть и наоборот. Там, где государство играло важнейшую

---

³⁴⁸ Семья становится базовой ячейкой общества. В ней велика власть отца и мужа, который в исключительных случаях даже имеет право убить или продать в рабство своих домочадцев.

³⁴⁹ Известно, что в горных районах, где трудно объединить и держать под контролем население, долгое время сохраняется клановая структура, родовая знать которых фактически феодализируется. Наличие или отсутствие свободной земли, равно как и возможность уходить из-под контроля власти могли влиять в сторону усиления крепостничества или административных рычагов, с одной стороны, или полужоноэкономических форм контроля – с другой.

роль в экономике, социальный стержень общества был связан с чиновничеством. Поэтому в ряде стран бюрократия превращается в особый слой, почти сословие или класс. В более бедных странах особое значение приобретает военное сословие, которому государство очень часто дает землю и власть над крестьянами. Во многих обществах важную (а то и ведущую) роль играло духовное сословие.

Положение человека характеризовалось, во-первых, в каком сословии, слое, касте и т. п., а во-вторых, в какой конкретно группе (общине, цехе, дружине) он находился. Это и определяло его права и обязанности, образ жизни. Разумеется, и внутри этих групп была своя сложная иерархия.

Имущественное неравенство, различия в богатстве и собственности возникли как один из способов оформления социальной стратификации. Причем их можно обнаружить везде, однако социальная роль их была различной в разных местах. В некоторых (особенно торговых) обществах второй формации можно обнаружить в относительно чистом виде экономические классы, когда социальное положение определялось в основном богатством. *Но, за отдельными исключениями, в рамках этой формации владение собственностью (тем более движимой, денежной) не было самой главной линией неравенства. А часто не было даже достаточно самостоятельной социальной характеристикой, а скорее дополнительной к другим: знатности и месту в административной иерархии*³⁵⁰.

Зато родовитость и знатность всегда играли важную роль, а весьма нередко – важнейшую. Но поскольку развитие производительных сил, промышленности, ремесла и торговли приводило к росту богатых и незнатных людей,

---

³⁵⁰ Известно множество случаев, когда родовитые землевладельцы, переходя на службу к иному государю, теряли свои земли. Но в другом государстве легко получали новые поместья. Так неоднократно было, скажем, при переходе литовских бояр к московскому князю (царю). Нередко место в административной (военной) иерархии превращается в нечто материальное. Скажем, в Золотой Орде размеры землепользования прямо зависели от воинского ранга.

нередки были конфликты между денежным влиянием (ростовщиков, менял, банкиров, купцов) и земельным или родовым могуществом. В некоторых государствах, например, в Китае, богатые люди могли за деньги официально повысить свой статус.

3.4. Классово-собственнический тип

Связь производительных сил и социального деления во второй формации иногда очень наглядна, иногда опосредована всевозможными политическими и религиозными вещами. В индустриальных обществах третьей формации она становится более прозрачной.

Если слабое развитие коммуникаций, примитивность транспорта и вообще экономической жизни ведет к господству натурального хозяйства, то социальная структура также может приобретать форму своего рода натуральности. Вокруг крупного землевладельца-сеньора создается несколько кругов его друзей, вассалов и подданных. Потребление при таком хозяйстве ограничено как в размерах, так и в формах. Но уже переход даже не к промышленному, а торговому только обществу сильно меняет жизнь и социальную структуру даже при сравнимых производительных силах. Ибо при расширении рынка потребности растут в геометрической прогрессии³⁵¹.

При утверждении же машинной промышленности и во все идет коренное изменение в социальной сфере. Во-

---

³⁵¹ Адам Смит замечает по этому поводу: «В стране, где отсутствует внешняя торговля, крупный землевладелец, так как он не может обменять большую часть продукта своих земель, которая остается после покрытия расходов на содержание обрабатывающих землю людей, употребляет целиком на деревенское гостеприимство у себя в поместье. Если этого избытка хватает на содержание ста или тысячи человек, он может его использовать не иначе как на содержание ста или тысячи человек». Но как только крупные землевладельцы «находят способ потреблять всю стоимость своих доходов, они утрачивают всякую готовность делиться ими с кем-либо другим. За пару бриллиантовых пряжек или за что-нибудь столь же суетное и бесполезное они платили такую цену, которая соответствовала стоимости содержания тысячи человек в течение года, а вместе с тем отказывались от того влияния и власти, которое это могло давать им» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. С. 348, 351).

первых, мощная урбанизация, сокращение и расслоение крестьянского населения. А вместе с этим рост образования, культуры и прочего. Во-вторых, появляются новые классы буржуазии и пролетариата с многочисленными прослойками и группами. Недаром же в отношении промышленного переворота всегда подчеркивается не только техническая, но и общественная его сторона. В XIX–XX вв. на сцену вышли классовые конфликты.

Реальная классовая структура более подвижна, чем словная и ей подобная. Но и она предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепляющих классовое неравенство. Если взять буржуазное общество, то там можно увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших (например, избирательный ценз). Если же эти «подпорки» убираются, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои и т. д.).

Новое в положении человека кратко можно выразить тремя линиями. Во-первых, все большее юридическое равенство и меньшее вмешательство в частную жизнь. А отсюда определенная независимость. А также свобода занятий, эмиграции, предпринимательства, творчества и т. п. Все это открывало невиданные возможности для проявления своих способностей. Во-вторых, статус человека все больше зависит теперь от его имущественного положения. Деньги становятся основным социальным признаком, а следовательно, общественная мобильность возрастает. Вместе с удачей, предпринимательской сметкой, возможностью получить образование и т. п. миллионы людей поднимаются по социальной лестнице. В-третьих, усиливается стремление объединиться в профессиональные, по интересам или иные группы для улучшения своего положения, прежде всего материального. Это всевозможные кружки, партии, профсоюзы, клубы, а также акционерные общества.

3.5. Профессионально-информационный тип³⁵²

Влияние производительных сил резко возросло с переходом к научно-информационному производству и экономическому типу отчуждения³⁵³. Поэтому увеличилась и роль государства в регулировании экономики и жизни. Вместе с ростом социальных гарантий, страхования, получением равных политических и юридических прав для всего населения это способствовало изменению социальной структуры и отношений. Прежнее классово-антагонистическое деление играет меньшую роль, тем более что основная часть населения имеет большое сходство в образе жизни (т. н. «средний класс»). В этот переходный период наиболее острые конфликты проходили не по прежнему классовому делению, а по расовым, национальным, возрастным и половым признакам.

Роль частной собственности и имущественного неравенства по-прежнему очень велика, но уже существенно меньше, чем раньше, к тому же происходит «распыление» собственности и отделение, выражаясь терминами некоторых социологов, капитала-собственности от капитала-функции. Уже с 30–40-х годов стала заметна возрастающая роль управляющих. Автор теории «революции управляющих» Джеймс Бернхем даже предполагал, что государство и его институты станут «собственностью» управляющих, а последние превратятся в правящий класс. Этого не случилось, но роль менеджеров всякого рода (техноструктуры, по терминологии Гэлбрейта), а также технических специалистов весьма велика. В целом *такие группы высокообразованных специалистов и ученых, которые имеют значительное влияние и доход, получили общее название технократии и меритократии.*

---

³⁵² Он только в стадии формирования, и характеристики его во многом предположительные.

³⁵³ При этом само государство все сильнее становится надклассовой силой, поэтому возрастает роль государственной бюрократии.

Помимо тех благ, вокруг которых проходят главные линии неравенства, указанных в начале параграфа, нужно, на мой взгляд, добавить и такой тип благ, как **личная известность**. Существенный всегда, в современных обществах он становится одним из важнейших. Эта весьма разношерстная публика имеет общим то, что эксплуатирует свою популярность, конвертируя ее в должности, деньги, связи и разные блага, даже порой передавая свою известность по наследству. Значение такого слоя в информационном обществе, по-видимому, будет расти, чему, в частности, способствует и будет способствовать перерастание производительными силами национального масштаба. По аналогии с теми, кого Питер Бергер называет «люди знания» и чей главный капитал – образование, слой людей, главный капитал которых – известность, можно было бы назвать «люди известности».

Таким образом, положение человека четвертой формации характеризуется во многом уже новыми моментами: все большее значение имеют его образование и квалификация, известность, место в управлении, а также гражданство. Ведь уровень и качество жизни колоссально зависят от того, в каком государстве (или сообществе стран) живет человек. Люди также стали менее зависимы от участия в группах и корпорациях, усиливается общественная анонимность³⁵⁴.

§ 4. ТИП ЭТНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ

4.1. Понятие этничности

В 60–70-е годы большинство советских исследователей исходило из того, что «этноты представляют собой одну из разновидностей социальных общностей»³⁵⁵. Разумеется,

---

³⁵⁴ «Однородность, грамотность, анонимность – вот ключевые черты современных обществ (Геллнер Э. Нации и национализм. С. 280).

³⁵⁵ Бромлей Ю. В. Теория этноса... С. 47.

такой подход страдал сильной недооценкой специфики собственно этнического. Введением понятия «этнокос» Ю. В. Бромлей попытался разделить этнические и социальные в узком смысле слова явления. Однако думается, что правильнее было бы – во всяком случае для социологии истории – идти не по пути жесткого разграничения этнических и социальных в узком смысле слова явлений, а по пути уточнения связи между ними. Ибо отрыв (вольный или невольный) этнического аспекта от социального и политического неизбежно ведет к идее, что этнические черты есть нечто существующее как бы независимо от остального³⁵⁶.

Неудивительно, что такой очень распространенный в нашей науке взгляд подвергся резкой критике со стороны ряда ученых (Тишков и другие), которые подчеркивают подвижность понятий этничности и других, ситуативность их содержания и во многом умозрительный характер. И в целом их подход более предпочтителен. Но и «релятивизм оправдан в нормальных дозах, а перебор его чреват тем же, в чем мы ныне, и небезосновательно, обвиняем прежний догматизм»³⁵⁷. Следовательно, нужно найти такие подходы, которые позволили бы соблюсти меру между объективностью явлений и односторонностью теоретических построений. Поскольку в этнографии существуют большие расхождения по поводу определения главных терминов, необходимо определиться с самим понятием **этнического или этничности**.

Первая задача социологии истории – найти единое в разнообразном. Поэтому для характеристики этнических общностей и групп самых разных уровней и форм наиболее общей категорией логично избрать понятие **этнической единицы**. Что общего во всех этнических единицах? В них

---

³⁵⁶ А нередко выпячивание этнической специфики ведет ко всякого рода мистифицированию этого феномена, попыткам придать ему нечто таинственное, непонятное, необъяснимое.

³⁵⁷ Заринов И. Ю. Исторические рамки феномена этничности. С. 22. Хотел бы также заметить, что наличие самой концепции этноса при всех ее недостатках есть определенное преимущество нашей науки перед западной.

в разной степени присутствует качество этничности, которое и должно в теории отличать этнические единицы от всех остальных. Однако его содержание составляет камень преткновения. Есть много определений этничности. Но в большинстве случаев они кривятся либо в сторону субъективного толкования (через самосознание), либо – объективистского как качества, существующего в основном независимо от воли и сознания людей. Очень часто этничность пытаются определить через совокупность этнических признаков: язык, этническое самосознание и самоназвание, особенности культуры, быта, образа жизни и еще многих других, причем список нередко пополняется³⁵⁸.

Бесспорно, на практике эти характеристики часто выступают как этнические. Но они не являются сугубо этническими, а могут быть иной раз и социальными. Кроме того, ни один из них не является таким, по которому можно было бы отделять один этнос от другого, что создает очень серьезные теоретические трудности. Поэтому, по моему мнению, правильнее искать определения этничности не через признаки, а через функции³⁵⁹.

Тогда можно было бы сказать, что *этничность показывает степень легкости, удобства, доступности в общении и понимании людей между собой как на самых обыденных, так и на более высоких уровнях контактов*. При таком акценте будет ясно, что язык, общие черты поведения и культуры и другое есть средства общения и коммуникации, облегчающие понимание внутри определенного количества людей, владеющих этими средствами, и одновременно отделяющие их от тех, кто ими не владеет. Отделение (пролегание этнической границы) происходит за счет осознания указанных сходств – отличий и структурирования на их базе данной совокупности людей под влиянием самых разных внешних воздействий, особенно со стороны других этнических единиц.

---

³⁵⁸ Обобщение взглядов по этому вопросу см.: Бромлей Ю. В. У к. соч. С. 47–48.

³⁵⁹ Подробнее обоснование этой мысли, авторский взгляд на этничность, этнос и другие категории см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1997. № 6.

Но надо сделать очень важное дополнение. Способностью облегчать понимание и контакты внутри определенных групп и множеств людей и тем самым сплавивать своих и отличать чужих обладают также социальные, профессиональные, религиозные и иные характеристики, по которым люди могут группироваться. Но в отличие от всех остальных, **этничность проявляется не узко**, не только в особых или специальных областях, **а универсально**, подобно тому как есть обычные (универсальные) и специальные языки, и вторые так или иначе базируются на первых.

Этничность облегчает общение и понимание на самом низком, бытовом, элементарном уровне и одновременно на всех остальных уровнях, **но чем выше уровень контактов (специальнее сфера общения), тем меньше в общении роль этничности**. Таким образом, у этничности более нейтральный и широкий функциональный профиль, чем у других качеств, которые выполняют более конкретные функции (производственные, сплочения социальных групп, религиозного общения и другие), и в то же время этничность благодаря своей универсальности выступает как основа для специального понимания (в социальных группах, религиозных общинах и т. п.).

То что Карл Дейч говорит о нации, а именно, что принадлежность к тому или иному народу связана с распространённостью дополнительной социальной коммуникации, которая «сводится к способности более эффективно общаться **по широкому кругу тем** с членами большой группы, чем со стоящими вне ее»³⁶⁰, относится к этничности в целом, ибо универсальное, неспециализированное общение включает в себя и «**широкий круг тем**», хотя и не сводится только к нему³⁶¹.

---

³⁶⁰ Цит.: Козинг А. Нации в истории и современности. С. 63. (Выделено мной. – Л. Г.).

³⁶¹ Однако надо возразить, что в логическом плане этничность как раз **базовая**, а не дополнительная «социальная коммуникация». Именно будучи базовой, она дает основу для более специальных комбинаций объединений. И даже когда она ясно отделилась от социальных, религиозных и прочих факторов, это ее качество – служить фундаментом для специализированной коммуникации – обуславливает то, что она реже выступает в специфической форме, а чаще в том или ином симбиозе с религией, политикой или социальным неравенством.

Все сказанное показывает глубинные причины устойчивости этнических характеристик, особенно нижнего слоя этничности. Ведь социализация и воспитание детей невозможны вне этничности. Языковые, поведенческие и психологические стереотипы, впитываясь, что называется, с молоком матери, усваиваясь в общении со сверстниками, могут быть исключительно сильными и живучими.

Этничность является одним из самых базовых и ранних социальных качеств и формируется вместе с обществом и социальностью. Поэтому-то, с одной стороны, черты этничности заметны уже чуть не у архантропов, а с другой – очевидна разница между незрелыми этническими (племенными) группами и народами с совершенно отчетливым этническим самосознанием, а также между последними и современными нациями. Таким образом, поскольку в самих этнических характеристиках по мере развития общества нарастают слои, связанные с формой устройства обществ и их интегрированностью, то и само понятие этничности следует рассматривать как многослойное. Следовательно, и анализировать его лучше по слоям.

Сначала этничность выражалась в родоплеменной форме и, будучи неразрывной с ней, не могла еще быть достаточно заметной и ясной. Тем более при малой численности групп людей, слабости их контактов. Но таковыми были и другие институты и качества, наличие которых в этот период никем не отрицается (власть, неравенство и т. п.). Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что этничность не сопровождает человечество с самого начала, а есть «явление, находящееся над кровной и локальной связью»³⁶². Нерасчлененность свойств не означает их отсутствия, и, утверждая бесспорную идею историчности этничности, не стоит забывать, что зрелые формы не появляются вдруг, а этому предшествует долгий период их созревания.

---

³⁶² См.: Заринов И. Ю. Ук. соч. С. 30.

Думается, что без признания одновременно и историчности, и изначальности этничности (как и социальности, власти и прочего) мы неизбежно будем колебаться между объективизмом и утверждениями о неуловимости, заопытности, надсоциальности этничности.

По мере роста населения и усиления сложных политических процессов, связанных с его интеграцией, начинает вырастать политический уровень этничности. С одной стороны, государства возникают и укрепляются, используя родственную этничность более или менее полно (либо базируясь на ней в основном, либо хотя бы в господствующем ядре). Но с другой – они мощно объединяют и ассимилируют как близкие, так и неблизкие этнические единицы. В результате концентрация этничности становится намного выше. И все ярче обозначается, так сказать, ее обратное качество – очерчивание определенной границы взаимопонимания людей, дальше которой оно становится затруднительным, и одновременно более тесное сплочение внутри этой границы.

С появлением мировых религий этничность начинает отделяться от религии, прежде исключительно сильно влияющей на особость культурно-поведенческих стереотипов. Утверждение же свободы совести отсекает (в идеале) от этничности принадлежность к религии, сделало ее нейтральным по отношению к этничности качеством.

Появление такой личностной характеристики человека, как национальность, нарастило еще один уровень этничности. Национальность где-то закрепляется юридически, где-то выбирается, как религия, но в любом случае этническая идентификация теперь становится более четкой и однозначной с официальной стороны и рождает множество пограничных случаев с реальной³⁶³. Расширяется возможность для административного произвола, принудительного исчезновения или возникновения тех или иных националь-

---

³⁶³ Это несколько похоже на то, как изменяется ситуация с личными именами людей с обязательным присвоением фамилий.

ностей, очень часто выбор национальности определяется какой-то выгодой.

4.2. Стадиальные типы этнических единиц и формации. Понятие этноса.

Тип этнической организации обществ

Одним из «дежурных» в этнологии, но весьма важных также для социологии истории и теории исторического процесса является вопрос: когда возникают этносы? Есть два принципиальных ответа: этносы существуют изначально вместе с обществом, и они появляются лишь в определенную историческую эпоху. Но думается, противоположные точки зрения возможно совместить. При этом рациональнее полагать, что этничность – очень древнее свойство, которое появляется вместе с человеческим обществом и в целом в каждый период соответствует уровню его развития. Но этнос как особая этническая единица появляется лишь с определенного периода, а именно после формирования государства. Таким образом, этнос – рубежная этническая единица, поскольку подобных единиц в догосударственный период не было.

Поэтому можно согласиться с теми, кто, как и Ю. И. Семенов, полагает, что «этносы в точном смысле этого слова существуют только в классовом или цивилизованном обществе. В обществе первобытном их нет»³⁶⁴. Но нельзя согласиться, что до этносов не было никаких иных этнических единиц и тем более этничности, пусть слабо выраженной. Все качества были соразмерны общему уровню, и было бы удивительно, если бы этническая сторона опередила его. Это же касается и этнического самосознания³⁶⁵.

---

³⁶⁴ Семенов Ю. И. Секреты Клио... С. 33.

³⁶⁵ Здесь ситуация, аналогичная соотношению терминов «власть» и «государство». Последнее появляется лишь на определенном этапе, но власть существовала всегда, а политические единицы (племена, роды и общины, вождества), если не всегда, то задолго до государства.

Этнос – категория, с помощью которой можно выделять этнические единицы особого таксономического уровня, характеризующиеся тесной связью с политической и административной структурой.

Таким образом, данное определение показывает, что этнос отличается от всех других этнических единиц тем, что его связь с государством особенно тесная и очевидная. Разумеется, связь между ними далеко не всегда столь прямая, как в случае, когда этнос имеет собственное государство. Типы такой связи могут быть весьма различными, что сильно влияет на характер этноса³⁶⁶. Но в любом случае налицо факт определенного отношения с политической и административной структурой, а равно с поддерживаемыми государством институтами (церковью, образованием, СМИ). Население, относящееся к этносу, обычно имеет компактную или непрерывную

территорию проживания и полагает свои права на нее особыми (право первопоселения, завоевания и т. п.).

Чтобы понять сказанное лучше, следует учесть, что в историческом процессе можно выделить стадийные типы этнических единиц, которые правомерно связать с формациями. Тут придется кстати концепция исторического материализма о так называемых исторических формах общности людей и их триаде: *племя – народность – нация*. Правда, в последнее время она подвергается – и не без веских оснований – разнообразной критике. Но в ней есть рациональные моменты, прежде всего сама идея связи формаций и стадийных типов этнических единиц.

Сложность анализа с помощью данной парадигмы, однако, в том, что число формаций (пять) и количество этих типов (три) не совпадают³⁶⁷. И указанное несоответствие как будто выводит этнический аспект за рамки теории истори-

---

³⁶⁶ Могут быть воспоминания о прежде единой державе; государство может исчезнуть вовсе, а память о нем служить основой самосознания. Иной раз есть только стремление к созданию государства и т. п.

³⁶⁷ Я сознательно не говорю о такой форме, как союз племен. Она явно переходного плана, и если ее ставить в общий ряд, то логика потребует ввести и другие переходные формы, что запутает суть дела.

ческого процесса. Но если изменить взгляд на формации и их периодизацию, то обнаружится, что этот подход в достаточной мере отвечает реальностям. Если не считать коммунизм за формацию, а между первобытностью и капитализмом видеть единую формацию, то станет видно, что трем последовательным стадиям соответствуют и три типа этнических единиц. И это ценная концептуальная часть, на которую можно опираться. Что же касается современной четвертой формации, то ей соответствуют наднациональные единицы, о которых дальше.

Но в представлениях о самих племени, народности и нации много неверного, вытекающего из неучета того, что это абстракции, которые объединяют очень разнообразные в реальности явления. Можно вполне согласиться с В. А. Тишковым, что указанные понятия обрели «со временем догматизированное представление о неких существующих архетипах», а сама теория «оказалась неспособной принять вызов современных реалий»³⁶⁸. Кроме того, и содержание указанных понятий, особенно племени, разработано слабо³⁶⁹. Удивительно, но то, что вызывало и вызывает жаркие споры в этнографии и антропологии – неопределенность термина «племя» (и, соответственно, союза племен), вплоть до утверждения вообще вторичности его происхождения, почти не затронуло нашу философию истории³⁷⁰. А между тем племенем называют и жалкую орду дикарей без единого руководства в несколько сот человек, и целый народ численностью в сотни тысяч с ополчением во многие десятки тысяч воинов.

Хотя в дефинициях этих понятий большие расхождения, тем не менее, думается, их возможно использовать, особенно если не стремиться подогнать под какой-то образец. То-

---

³⁶⁸ Тишков В. А. Социальное и национальное... С. 7–10.

³⁶⁹ Больше внимания уделялось, правда, определению нации, но во многом, а по мнению Семенова, и во всем, – неверно.

³⁷⁰ Гораздо активнее разрабатывали эту проблему теоретизирующие историки и этнографы. См., например: Ольдерогге Д. А. Проблемы этнической истории Африки. С. 6–7.

гда, если задаться целью построить «генеральную линию» этнического развития в рамках теории исторического процесса, указанная выше триада с известными уточнениями может быть ее основой.

Как вписывается в сказанное понятие этнос? Во-первых, для послегосударственного периода оно может употребляться как обобщающее слово для этнических единиц определенного типа и уровня.

Во-вторых, этнос рациональнее представить в двух стадийных формах: народности и нации. Это позволит яснее увидеть как общие их черты, так и различия. Логично объясняется и плавность в ряде случаев перерастания народности в нацию. Ведь это движение в рамках одного явления (этноса) не столь революционное, как переход от племен к народностям.

В-третьих, триада: племя – народность – нация в описании этнического аспекта исторического процесса приобретает более глубокое концептуальное значение, так как представляет часть генеральной линии этого аспекта. Более полно эту линию можно описать таким образом: доэтносовые единицы (племя) – этносы (ранние – народности; позднее – нации) – наднациональные (надэтнические в дальнейшем) единицы.

Но если речь идет о том, чтобы выделить общие черты этнических единиц каждой формации по горизонтали, мы уже не можем ограничиться единственной линией. Ведь помимо единиц, более или менее приближающихся к вышеуказанным стадийным, можно говорить еще о других, структурно несхожих, но функционально однотипных. Их следует назвать аналогами соответственно племени, народности, нации³⁷¹. Вместо государства ведущим стержнем в

---

³⁷¹ Например, аналогом малой народности были системы (союзы) воинственных кланов, подобные существовавшим у горных шотландцев, оказывающиеся в определенных условиях вполне достаточными, вплоть до эпохи промышленного производства. Подобных вариантов, особенно в переходные периоды, немало. Но, способные более-менее удачно выполнять этнические функции, они оказываются эволюционно неперспективными и должны исчезнуть или радикально трансформироваться на новой ступени развития.

этих вариантах могли быть иные силы: религия, общность образа жизни и интересов (особенно у кочевников и изгоев) и другое.

Для решения такой задачи подойдет понятие **тип этнической организации обществ**, который включает в себя как «классические» варианты и формы, так и их аналоги, а равно и иные комбинации. Однако следует подчеркнуть, что это модель, построенная на основе явлений уже зрелой формации, а переходным периодам соответствуют и переходные формы.

Теперь рассмотрим процесс развития этнического аспекта истории и смены типов этнической организации. Но из-за ограниченности объема исследования основное внимание придется уделить лишь генеральной линии этнического аспекта.

4.3. Родо-племенной и народно-территориальный типы

В первобытности задолго до неолитической революции предельными этническими единицами были племена и соплеменности (то есть группы близкородственных племен, находившихся в достаточно тесном контакте). Они имели сходные культурно-этнические (особенно языковые) характеристики. Разумеется, племена и тем более соплеменности – это еще аморфные образования³⁷². Более же крепкие и организованные единицы – роды – могли полноценно существовать, только составляя между собой определенное культурное, религиозное, брачное и иное единство. Поэтому тип этнической организации называется **родоплеменным**.

В предгосударственный и раннегосударственный периоды возникли более крупные и сплоченные племена и объ-

---

³⁷² Ученые-первобытники говорят об этнической непрерывности, представляющей своего рода спектр различий, когда близкие, соседние племена достаточно понимают друг друга, но чем больше расстояние между общинами, тем труднее общение и понимание. Следовательно, по крайней мере фланги этого спектра можно считать разными этническими единицами.

единения племен. На базе этих часто разноэтнических групп в результате сложных исторических процессов с появлением новых политических форм, прежде всего государства, стали возникать и новые этнические общности – первые рыхлые этносы.

Таким образом, формирование этнических, социальных и политических структур представляет в общем плане единый процесс дифференциации первобытной синкретичности, который в целом вызван переходом от присваивающих форм хозяйствования через примитивные производящие к более зрелым производящим и, как следствие, к росту населения, его перемешиванию и группированию по самым разным основаниям.

Итак, чтобы из разных этнических единиц или из историко-этнографической области получился этнос-народность, чисто этнических процессов было недостаточно. Часто требовался своего рода толчок. Нужен был и некий магнит, создающий этническое притяжение. В этой роли могла выступать центральная политическая власть, а нередко даже иноэтническое ядро, которое впоследствии могло раствориться, дав этноним (болгары, норманны и другие). Требовался и определенный уровень стратификации и неравенства в обществе, что иной раз достигалось как раз с помощью иноэтнического элемента. Таким образом, процесс образования этноса часто связан с какими-то переломными событиями: войнами, переселениями, завоеваниями и т. п.

Но в любом случае базисом служило более высокое, чем в доземледельческую пору, демографическое давление, способствующее «прессовке» этнических единиц³⁷³. И – как ясно – все эти условия оказались возможными только после аграрной революции, при этом каждый ее этап вел к росту зрелости народностей и этноса как явления в целом.

---

³⁷³ Поэтому кочевые народы при слабой плотности населения и нестабильной территории следует относить к аналогам этносов, которые могут превратиться в этносы при оседлости и переходе к государству. Низкая плотность населения и, как следствие, более слабые этнические процессы у кочевников – важнейшая причина их быстрой ассимиляции в ряде случаев.

Итак, можно сказать, что хорошо выраженный этнос (народность) появляется уже в зрелой фазе второй формации на базе достаточно развитых государства и культуры. Но, разумеется, процесс сложения народностей-этносов даже из близких племен был долгим, и очень длительное время этносы имели рыхлую структуру. Однако благодаря крепким обручам (вроде государства и религии) этносы цементировались, разные их части сплавлялись, и тогда они иной раз были способны довольно длительное время обходиться без подпорок³⁷⁴.

Тип этнической организации второй формации называется **народно-территориальным** потому, что формируется уже народность как объединение многих племен и групп в некую целостность, а также потому, что принадлежность к народности и ей соответствующему государству (или группе близких географически и этнически государств) связывается уже с проживанием на определенной территории, а не с вхождением в какую-то родовую группу.

4.4. Национально-государственный тип.

Этнические процессы и индустриальное производство

В другом месте уже говорилось, что тесная связь между переходом к индустриальному производству, с одной стороны, национальным государством, формированием наций и национализма современного типа – с другой, отмечается многими учеными разных школ. С индустриализмом связано и возрастание роли государства в этнических процессах. Формирование наций шло, как правило, в государственной форме: либо как ведущей в государстве, либо как имеющей какую-то автономию, либо как угнетенной, но именно политически. Вызревание наций в более современный период все сильнее определяется общепризнанными идеями права наций на самоопределение, административную или культурную автономию.

---

³⁷⁴ Однако далеко не все, как далеко не все приобрели гомогенную структуру. А очень многие, не обретя нужных черт, исчезали.

В первой стадии этноса – народности – связь его с государством не столь уж очевидна. Совпадение их так, чтобы в одном государстве сосредоточивалась одна главная народность, отнюдь не являлось не то что правилом, но и даже более частым случаем. Но поскольку в ходе эволюции выяснилось, что такие государства, как более крепкие, имеют преимущества, их число возрастало.

Зато у второй стадии этноса – нации – связь с государством настолько несомненна и общепризнанна, что многие перестают видеть в нации этнос, а говорят лишь о политической общности. Многолетний спор о том, трактовать ли нацию как этническую или как политическую общность, не решается однозначно. В общем случае правильнее считать, что *вне симбиоза этнического – политического такого явления, как нация, в принципе быть не может. Она существует лишь в этой определенной форме*³⁷⁵. Конечно, можно теоретически разделить этничность и, так сказать, «политичность» нации. И, разумеется, в каких-то аспектах ее можно представить либо этнической, либо политической общностью. В настоящем исследовании автор так и делает: ставит нацию в ряд этнических форм, одновременно подчеркивая, что связь ее с государством – важнейшей характеристикой этноса – особенно сильна³⁷⁶.

Отметим, что чем существеннее государство регулирует этнические, культурные и религиозные процессы, тем сильнее и неразрывность этнического и политического (либо в сторону сближения и ассимиляции, либо, напротив, противостояния). В прежние эпохи очень часто в крупных и многоэтнических государствах национальным вопросам уделялось мало внимания, а власть в основном устраивала лояльность народов и племен по отношению к ней (хотя не-

---

³⁷⁵ Это аналогично ситуации нерасторжимости социального и этнического, когда, например, высшие и низшие социальные слои имеют разное этническое происхождение.

³⁷⁶ При этом в старых нациях этничность чувствуется сильнее, а в новых, созданных при капитализме как бы заново (США, Австралия и другие), сильнее политичность.

мало и случаев ассимиляторства, преследования и прочего). Такая политика не влияла очень заметно на этнические процессы. Следует отметить, что поскольку ряд правительств гораздо сильнее волновали вопросы религиозные, здесь процесс ассимиляторства мог быть заметнее, и в целом часто религиозная однородность заменяла этническую³⁷⁷.

В более позднее время основные усилия государства в плане ассимиляции касались не религии, а прежде всего языка (именно поэтому вопрос о национальных школах, газетах и позже радио и телепрограммах был едва ли не самым острым).

4.5. Формирование наднационального типа

Трансформация государств в более крупные сообщества сегодня очень сильно влияет и на нации. Как уже говорилось, под влиянием современных производительных сил, средств связи, коммуникаций происходят процессы интеграции стран в различные наднациональные объединения экономического и даже экономико-политического характера. Особое место занимает интеграция Европы. В связи с этим сильно сузился и объем государственного суверенитета. И чем дальше заходит процесс ограничения суверенитета, тем он становится необратимее, тем более что и развитие производительных сил идет именно в сторону интеграции. Сказанное, учитывая особую связь нации и государства, ведет к тому, что над прежней национальностью надстраивается новый этаж особой этничности (точнее, качество, близкое к ней по своим функциям)³⁷⁸.

Наднациональные этнические единицы широко пред-

---

³⁷⁷ Например, хотя в Византии греческий язык постепенно становился национальным языком империи, «еще значительнее был процесс ассимиляции, происходивший под влиянием общей православной религии ...в Византийской империи православие заменяло собой национальность» (Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 57). Такие же процессы происходили в арабских государствах.

³⁷⁸ Например, сегодня европейцы в глазах остального мира становятся все больше в первую очередь именно европейцами, а потом уже французами, немцами и прочими. Да и национализм европейских наций уже иной, чем у малых, стоящих еще на более низких ступенях.

ставлены уже сегодня (хотя их формирование только начинается) в виде десятков различных союзов государств в самых разных регионах, внутри которых (в том числе и за счет ослабления национальных связей) существует и нарастает несомненно более тесная связь в принципе или функционально этнического характера.

При этом возникает ситуация, когда национальные крепления ослабевают, поскольку государства передают часть своих функций наднациональным союзам. Отсюда одна из важнейших причин усиления национализма, связанная со стремлением напрямую войти в такие сообщества. Следовательно, обе тенденции: и рост национализма, и делегирование суверенитета (то есть интеграция) – во многом имеют в современном мире общие причины и являются разными сторонами одной медали. Однако постоянно обе тенденции не будут идти параллельно. По мере нарастания интеграции беспокойный национализм и сепаратизм будут сокращаться, хотя впереди еще десятилетия достаточно горячих проблем, ослабевающих в одних регионах и возникающих в других³⁷⁹.

Какие именно формы наднациональных образований станут в будущем наиболее удачными, покажет время, однако нации, по-видимому, перестанут быть наиболее крупной этнической (точнее этнополитической) единицей. Но подобно тому, что уже в самих нациях этничность проглядывается не в чистом виде, будущие ее формы, вероятно, станут еще более закамуфлированными и синкретичными.

§ 5. ТИП ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

---

³⁷⁹ Подобно тому, как революции постепенно становились все менее прогрессивными и все более могли быть заменены реформами, так и национальные проблемы могут перейти на более низкий этаж и решаться более спокойно.

5.1. Соотношение общественного бытия и общественного сознания

Один из важных и специфических для социологии истории способов анализа общества состоит в том, чтобы представить его в виде двух органически связанных частей: общественного бытия и общественного сознания. Правда, среди тем, которые подверглись критике за вульгарный подход, проблема доминирования первого над вторым занимает очень «почетное» место. Поэтому необходимо подчеркнуть, что речь ни в коем случае не идет об абсолютном всегда и везде доминировании, а лишь об относительном, то есть в масштабе социологии истории в целом, в то время как в каждом конкретном случае соотношение может быть иным³⁸⁰.

Следовательно, целесообразно остановиться на том, как может быть развернут тезис «общественное бытие определяет общественное сознание» (далее просто бытие и сознание). Если он нужен лишь для того, чтобы доказать превосходство материализма над идеализмом или чтобы всегда и всюду отыскивать классовую позицию, то для науки он становится просто вредным. Иное дело, если мы сравниваем его с точки зрения преимуществ и недостатков с альтернативными подходами.

Отрицать наличие большого числа ситуаций, при которых влияние сознания на бытие очень велико, не только невозможно, но просто глупо. Масса исторических и этнографических фактов (например, огромные дарения и завещания в пользу церкви, влияние табу и т. д.) свидетельствует об этом. Но даже если не брать во внимание мифологичное сознание, то очевидно, что именно овладение какими-то знаниями позволяет людям эффективнее добивать-

---

³⁸⁰ Однако по-прежнему есть сторонники как представления о том, что материальные факторы всегда доминируют, так и убеждения, что абсолютно ведущим фактором может быть только идеальный (например, знания и идеи). Из числа наиболее интересных сторонников последнего подхода укажу: Жданко А. В. Кибернетическая историософия, или Научная теория истории.

ся целей.

В историческом материализме подобное влияние объяснялось так называемым законом обратного воздействия сознания на бытие. Но этот закон, по сути, имел только название, а сколько-нибудь четкая его формулировка или развернутая теория, объединяющая прямое и обратное воздействие, отсутствовала. Поэтому автор предлагает собственную формулировку закона соотношения общественных бытия и сознания, чтобы стало яснее, когда влияние первого на второе существенно больше и сильнее, а когда наоборот.

Бытие определяет сознание с тем большей силой, чем сильнее осознается это доминирование, чем сильнее меняется бытие, чем больше разрыв между уровнями бытия и сознания, чем больший период времени и пространственный объем рассматриваются³⁸¹.

И наоборот: чем меньше ощущается обществом связь бытия и сознания, чем стабильнее то и другое, чем жестче, монопольнее данная идеология, тем слабее влияние бытия и автономнее сознание.

При таком подходе легче понять, когда исходный пункт анализа причинно-следственной связи лежит в бытии, когда в сознании, почему на одни и те же изменения по-разному реагируют разные секторы сознания (например, производственное меняется радикально, а идеология остается почти без изменений), и ряд других моментов. Стоит отметить, что само по себе сознание не может перейти определенных уровневых рамок, которые ему задает бытие. Для такого перехода нужны материальная потребность и определенный исходный уровень³⁸². В то же время ограничительные рамки могут быть весьма широкими и позволять очень большие вариации. В большинстве случаев сознание

---

³⁸¹ В ряде случаев влияние бытия также наглядно при остром кризисе, обусловленном борьбой идеологий, когда те или иные идеи достаточно ясно связываются в сознании с интересами определенных слоев, групп, классов.

³⁸² Поэтому, если случается, что отдельные гениальные люди могут сказать что-то очень ценное, но превосходящее потребности данного общества, то чаще всего их идеи или вообще пропадают втуне, или востребуются уже гораздо позже, когда общество доходит до соответствующей стадии.

не бывает выше бытия. Напротив, чаще оно несколько ниже его, поскольку консервативнее и сохраняет в себе архаичные формы³⁸³.

Подчеркнем также, что в особых, в том числе неустойчивых, бифуркационных обстоятельствах роль малых причин способна возрасти до больших. Так, идеи, зародившиеся в голове одного индивида, могут стать мощным общественным фактором. Но для этого требуется сложная комбинация условий и совпадений. Также только при наличии целого ряда обстоятельств какая-либо доктрина способна выделиться из ряда других и стать мощным социальным фактором. Однако понять, какие именно условия нужны, исключительно трудно. И почти всегда конкретные формы реализации идей являются делом исторического случая. Отметим также, что *чем меньше ощущается правильная связь между бытием и сознанием, тем сильнее может быть роль увлекших массы верований*.

Мысль о том, что чем больше разрыв между уровнем сознания и бытия, тем заметнее давление последнего, хорошо объясняет массу случаев, когда служившее долгое время сознание вдруг с легкостью и даже радостью отбрасывается как ненужный хлам. Так, многие народы принимали христианство (или иную религию) и довольно быстро уничтожали и забывали своих идолов, поскольку социально уже выросли и приобрели государственность.

Из вышеприведенного закона ясно, что в устойчивые эпохи влияние бытия ощущается меньше, в периоды его серьезных трансформаций – больше. Однако изменения в сознании далеко не всегда следуют за переменами в бытии в необходимых полноте и ритме. Возникают длительные задержки, а какие-то сегменты сознания очень упорно противятся сдвигам. В результате разрыв может стать слишком большим, и тогда вероятен резкий слом старого сознания.

---

³⁸³ Более высоким сознание бывает при сломе старого порядка, но сильный отрыв неизбежно вызывает коррекцию сознания и откат его назад. Возможны также ситуации, когда общество заимствует более развитые формы сознания. Но и тогда происходит редукция его к наличному бытию.

Такой взрывной переворот чреват тем, что реакция измененного сознания становится неадекватной объективным задачам и нередко разрушительной. Требуется время, чтобы бытие и сознание вновь притерлись друг к другу.

Если же перемены в бытии происходят постоянно, то постоянно должна идти и коррекция сознания. Но поскольку многие элементы его по своей природе плохо приспособлены к перманентной трансформации, возникают серьезные сбои, разрыв между подсистемами сознания, упадок ряда его форм и т. п. Такая ситуация наблюдается в настоящее время и, вероятно, может усилиться в будущем³⁸⁴.

В свою очередь, чем более жестко, консервативно и мифологизированно сознание, чем более оно выступает как комплекс безусловных и вечных, несменяемых идей, тем заметнее оно может доминировать во многих (даже главных) областях жизни, ослабляя и скрывая роль бытия.

Но такое преобладание осуществляется не просто чистыми идеями, а в результате того, что они обрастают собственным, достаточно мощным бытием, чтобы поддерживать данные представления, материализовывать их, воспроизводить, извлекать выгоду. Например, суеверия сильнее в тех первобытных обществах, где имеется институт колдунов и шаманов. А если «сверхъестественные» качества совмещаются с обладанием политической властью, то возникает мощная социальная сила, которая требует различных форм поклонения и материальной подпитки.

Итак, за примерами сильного воздействия сознания на бытие далеко ходить не надо³⁸⁵, и в рамках определенных задач порой за доминанту удобнее брать именно сознание.

---

³⁸⁴ В роли изменяющихся частей бытия могут выступать не только новации в производстве, но также политические, социальные, экономические и информационные (переход к письменности, печати) перемены. Однако в формационном масштабе роль относительно более важных следует отдать именно производственным.

³⁸⁵ Помимо уже приведенных, напомним, что представление, будто чем больше гробница, тем больших благ можно достигнуть в загробном мире, заставляло египетских фараонов перенапрягать силы страны, по двадцать лет сооружая колоссальные пирамиды.

Вопрос, однако, в том, как такие случаи и ситуации вписать в общую концепцию, в каком аспекте здесь видна определяющая роль бытия. Несомненно, что и самое консервативное сознание способно меняться под воздействием перемен в бытии. *Но скорость и глубина таких перемен в сознании обратно пропорциональны его крепости и устойчивости*³⁸⁶, а значит, они обычно отстают от изменений в бытии.

В отношении элементов сознания, теснее связанных с бытием, такие вещи могли происходить легче. Поколебать, изменить другие сегменты сознания: идеологические, за которыми стоят определенные силы, или просто такие, что попадают в ситуации изолированности от данного бытия, пробить в них брешь способны только очень и очень упрямые факты. Ведь если люди считали некоторые представления данными от бога, то для их смены или коррекции нужны были весьма веские причины.

Поэтому-то многие изменения в бытии просто в силу недостаточной мощности разбиваются о сознание, как волны о скалу. Но, продолжая сравнение, все же подтачивают ее. Наконец, в один прекрасный момент наступает перелом и «скала» рушится. Естественно, что мощностность и глубина перемен для каждого общества и ситуации нужны свои.

Следовательно, в указанном аспекте общий закон можно было бы переформулировать так: *чем консервативнее сознание, чем меньше оно воспринимается как человеческое (и чем больше как божеское, непререкаемое, священное), тем большие изменения должны произойти в бытии, чтобы его изменить.*

5.2. Формационные типы общественного сознания.

---

³⁸⁶ Так, вспоминая историю Египта, видим, что после того как страна перенапрягла силы на сооружении пирамид Хеопса и Хефрена, в общественное сознание, в частности, в сознание фараонов и высших жрецов, постепенно вошла мысль, что столь большие гробницы в общем-то необязательны для успеха царей в загробном мире. Аналогично под влиянием различных причин в других местах уходили в прошлое представления о необходимости массовых умерщвлений, уничтожения имущества и многое другое.

Примитивно-религиозный тип

Но и серьезные причины не всегда ведут к необратимым результатам. И нередко, если они затем ослабевают, сознание как бы возвращается в точку своего равновесия. Только коренная перемена образа жизни, особенно переход на более высокий уровень развития, способны бесповоротно закрепить новации в сознании. Такие коренные перемены в рамках исторического процесса происходят, как было показано, в результате смены или развития формации, а процесс необратимых кумулятивных формационных перемен начинается с изменений в принципе производства. Следовательно, новый тип общественного сознания может появиться и закрепиться лишь при совершении производственной революции³⁸⁷.

Соотношение бытия и сознания в каждом социальном организме может быть особым, подобно тому – если позволена такая аналогия, – как различно соотношение материальных и духовных интересов в характере и жизни каждого отдельного человека. Но если перейти от отдельного общества к всемирно-историческому уровню, соотношение бытия и сознания будет выглядеть по-иному. В теории исторического процесса можно говорить о генеральной и прочих линиях, которые в чем-то развиваются параллельно, а в чем-то взаимодействуют и взаимообогащаются. Однако некоторые варианты заходят в тупик не в последнюю очередь из-за неадекватного соотношения в них бытия и сознания, а другие, доказавшие свои преимущества, переходят на новые ступени, становясь предметом заимствования. И чем ближе к современности, тем меньше времени для собственной эволюции, тем чаще мы видим ту или иную степень заимствования.

Подобно другим аспектам исторического процесса,

---

³⁸⁷ Но напомним, что в переходные между формациями периоды согласно закону относительно большей фундаментальности принципа производства развитие последнего сильно опережает развитие других формационных аспектов (категорий). И особенно это относится к типу общественного сознания. Поэтому и формирование нового его типа происходит по времени значительно позже формирования нового принципа производства.

сходные формационные черты в общественном сознании необходимо обозначить особой категорией – **тип общественного сознания**.

Рассмотрим тип сознания первой формации. Вместе с интеллектом, психикой и языком формировалось и общественное сознание Homo sapiens. Постепенно выработались и первые общие понятия уже не инстинктивного, не рефлекторного типа. Первые смутные социальные представления о взаимной связи и особой близости людей одного рода, первые примитивные верования и, конечно, необходимость кооперации для совместной охоты и уравнилельного раздела заложили основы первобытного общественно-го сознания. В послеледниковый период, когда во многих местах крупные общины распались и большое значение приобрели локальные группы, выросло осознание индивидуальности каждого, более ясными стали представления о родственных отношениях, развивался институт брака.

Если давать характеристику общественного сознания первой формации и в целом, то прежде всего необходимо указать на примитивную религию. Ибо сознание первобытных людей буквально пропитано ею. Тип общественного сознания можно определить как **примитивно-религиозный**, поскольку другие формы сознания во многом подчинены религиозным представлениям, хотя, разумеется, не полностью. Так, производственное сознание было больше детерминировано практикой и природой.

Да и сама религия при всей ее фантастичности была все же особым образом связана с практикой. А в силу ряда причин (неразвитости абстрактного мышления, слабости вертикальной структуры общества и других) в некоторых смыслах связь первобытных религий с природным окружением и хозяйственной деятельностью прослеживается даже сильнее, чем в более поздние эпохи и особенно, чем в период мировых монотеистических религий³⁸⁸.

Мораль также была тесно связана с хозяйственной дея-

---

³⁸⁸ Речь не идет о том, что каждый миф, обряд или суеверие можно прямо вывести из хозяйственных занятий. Но, как общее правило, большинство верований и обрядов имеет (или имело) ту или иную степень связи с конкретной природой и деятельностью данного протоэтноса. Хотя эта связь часто очень искаженная.

тельностью. Поощрялись удачливость, щедрость, помощь родичам, а также выносливость, терпение к боли и т. п. Иначе мальчики могли не пройти испытаний и никогда не стать мужчинами. Одобрялись коллективизм и выдающиеся умения, которые шли на пользу общине. Напротив, качества, которые позволяли человеку внушать другим страх, хотя, возможно, уважались, но не считались хорошими.

Среди примитивных религий обществ этого периода обычно выделяют анимизм, тотемизм, магию и шаманизм, а также аниматизм, или веру в души людей, прежде всего покойников, которые могли помогать живым³⁸⁹. В дальнейшем все эти верования так или иначе эволюционизировали, и их отголоски могут быть прослежены много позже. Но с точки зрения генеральной линии исторического процесса, наиболее перспективными оказались анимизм и аниматизм, поскольку учение о душе было колоссальным шагом вперед в развитии интеллектуальной жизни. Эти верования стали мостом к культу предков в раннеземледельческий период, а также способствовали развитию язычества и даже идее о едином боге.

5.3. Религиозно-идеологический (философский) тип

Переход к примитивному земледелию и скотоводству привел к росту населения, большей его оседлости, усложнению структуры родов. Все это способствовало развитию вертикальной системы родства, когда генеалогия прослеживается в достаточно длинном ряде поколений. У каждого человека был (мог появиться) теперь свой особый статус и неповторимое положение по отношению к предку, от которого шло родство. Значит, усилилось и почитание предков, а также индивидуальных духов-покровителей.

Далее развитие религиозных представлений шло к обо-

---

³⁸⁹ Есть, конечно, и другие формы. Но сложность классификации здесь, помимо прочего, вырастает из нерасчлененности конкретных верований, так как обычные какие-то формы встречались не в чистом, а в смешанном, а потому весьма своеобразном виде.

жествлению сил природы, тем более что люди все более полно использовали ее возможности. И в период совершенного второго этапа сельхозреволюции и формирования ранних государств возникает более или менее развитое язычество. Эти верования оформляются в различных мифах и легендах и затем часто служат основой литературы и вообще письменной культуры. Позже происходит синтез религиозных и идеологических моментов и возникают развитые формы общественного сознания. Появляются уже не просто профессиональные идеологи, но и огромные, очень влиятельные корпорации такого рода интеллектуалов.

Для второй и третьей формаций связь принципа производства и типа общественного сознания удобнее проследить в двух аспектах: общий уровень общественного сознания в период зрелости формаций; развитие цивилизаций как особых пространственно-временных группировок обществ³⁹⁰.

Итак, в переходный между первой и второй формациями период, когда совершается аграрная революция, начинается процесс складывания отдельных элементов цивилизаций, переход от выделения собственно идеологии из аморфной стихии мифов и культовых текстов. Где-то генезис цивилизаций находился в неразрывной связи с формированием государства и этноса, а где-то значительно отставал от них.

Все эти процессы заняли ряд тысячелетий и во многих регионах продолжались в течение всей писаной истории. Но генеральная линия исторического процесса обозначилась уже более пяти тысяч лет назад, когда на базе первых малых государств стали образовываться достаточно большие. А прежние культурные сообщества начали перерастать в первичные цивилизации³⁹¹. Это означало также

---

³⁹⁰ Подробно цивилизационный аспект исторического процесса прослежен автором в работе: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1998. № 2–5.

³⁹¹ По терминологии некоторых ученых, это было одно из самых критических среди важных эволюционных событий мировой истории (см.: Dawson D. Evolutionary Materialism. P.83).

очень крупное общественное разделение между физическим и умственным трудом.

Для образования цивилизации требуется достаточно высокая концентрация человеческих и материальных ресурсов. Поэтому в государствах, редко населенных, возникновение самостоятельной цивилизации маловероятно. **Она рождается в сгустках населения, богатства, специализации и власти.** Необходимо также определенный баланс между политической и сакральной сторонами, то есть между силой политической и административной власти, с одной стороны, и значением жреческого сословия – с другой.

Ранние цивилизации (египетская, крито-микенская, месопотамская) со сравнительно слабой и рыхлой идеологией сменяют цивилизации второго поколения, в которых возникает большая дифференциация в областях духовного знания и интеллектуальной деятельности, появляются религиозно-этические и политико-этические концепции, философия. Местами или временами отдельные формы общественного сознания пытаются играть роль идеологии (философия, право, литература, искусство и другие). Это иудейская, греческая, раннекитайская и раннеиндийская цивилизации. Но и они в конце концов доходят до своего пика. Затем одни из них застывают, другие трансформируются в более высокий тип цивилизаций, а иные служат основой для таких изменений на базе новой идеологии. Высшая стадия цивилизаций связана с мировыми религиями или их аналогами, в которых идеология стала надэтнической и надгосударственной.

Сложившийся порядок нуждался в идеологическом обосновании и воспроизводстве, поэтому естественно, что шла взаимная пригонка социально-политических отношений и верований. В ранних государствах роль такой идеологии выполняла развитая мифология, которая с течением времени все сильнее приобретала философско-этический оттенок. В более развитых обществах древнего мира возросло значение и собственно философии как попытки объяснить мировой и социальный порядок. А в некоторых случаях

философско-религиозное или философско-этическое учение и вовсе становилось государственной или социальной идеологией. Наиболее яркими примерами тут служат Китай и Индия. Мировые религии уже прямо включают в себя мораль, а над ними вырастает высшая форма религиозной философии того времени – теология.

Таким образом, тип общественного сознания второй формации можно определить как религиозно-идеологический, имеющий различные подтипы, например, религиозно-философский и религиозно-этический. В общественном сознании формируется несколько уровней. Нижний, связанный с народной бесписьменной культурой, еще очень тесно переплетен с языческими и доязыческими представлениями. А высший – это философско-богословский уровень, кое-где претеча науки, а где-то и на самом деле наука.

Большой объем благ, жесткая социальная стратификация, образование сложных государственных форм привели к тому, что во второй формации, в отличие от первой, между производительными силами и общественным сознанием вторгся мощный посредник в виде государственного или социального порядка. Данное обстоятельство существенно изменило соотношение между этими сферами, сделало его намного сложнее. В некоторых обществах, вроде древнеиудейского, религия становилась самым главным стержнем, приобретая относительную независимость от производства. И практически везде религиозные корпорации (или корпорации идеологов, как в Китае) играли важную роль в жизни общества. Но в некоторых случаях (весьма нередких) они превращались в ведущее экономически и политически сословие или класс. Отсюда такое влияние религии на право, собственность, политику и устройство государства, не говоря уже о браке, быте, морали, характере потребления (посты, отношение к богатству и т. п.). Конечно, в культуре могло быть сильным и светское направление, особенно там, где была велика роль государственной идеологии или существовал особый политический режим (как в полисных государствах). Важно отметить и

появление группового, сословного, классового сознания, в некоторых случаях даже имеющего собственную идеологию.

5.4. Политико-правовой (идеологический) тип

Рост городов и специфика городской жизни в Западной Европе, невиданный взлет торговли и укрепление частной собственности, все более широкое применение механизмов и машин, в целом первый этап промышленной революции XV–XVI вв. и Великие географические открытия привели к большим переменам и в духовной жизни.

В течение XIV–XVI вв. в Европе складываются по крайней мере две формы, которые можно оценить как высшие, сверхзрелые для классической цивилизации идеологии. Первая – гражданская (в значительной мере) идеология и связанные с ней культура, наука, движение мысли и духа, характерные сначала для итальянских, а затем и других государств, получила название Возрождения. Но хотя оно и имело огромное влияние на всю дальнейшую культурную жизнь Европы и мира, на роль массовой идеологии в тот период не годилось.

Зато другая идеология – реформистская религия – стала духовной основой жизни ряда стран. Эта новая вера, как известно, оказалась весьма совместимой и с новыми экономическими веяниями и потому способствовала промышленным и иным переменам. Однако рост экономики, науки, печати и утомление от религиозных войн уменьшили роль протестантизма как ведущей идеологии. Постепенно формируется единое культурно-научное и правовое пространство, к которому в течение определенного времени так или иначе примыкают все новые европейские страны, а также белые и частично небелые колонии. Роль главного стержня переходит теперь от религии к научным и политико-правовым, а также к социальным (основывающимся на концепции прав человека) и философско-историческим (концепции прогресса, роли просвещения, эволюции и дру-

гим) теориям.

В третьей формации в связи с развитием машинного производства, образования, науки, урбанизации, появлением средств массовой информации, необходимостью тонко регулировать хозяйственный и политический механизм со-здалось правовое государство с конституционным режимом. В связи с уменьшением регулирования хозяйственной жизни методами прямого административного контроля на первый план выдвигается право и как бы подчиняет себе все остальные формы. Закон кажется теперь естественным, незыблемым, нерушимым. В этом случае формируется **политико-правовое сознание**.

Напротив, в странах, где индустриализация началась позже и с помощью государства, в условиях авторитаризма, а позже тоталитаризма, происходит гигантский рост влияния государства в регулировании хозяйства и всей жизни. Политические представления основываются на убеждении, что руководство может все, решает за каждого, а человек – слуга государства. Это **политико-идеологическое сознание**.

Но и в том и в другом случае связь нового политическо-го сознания и экономики несомненна. Таким образом, тип общественного сознания третьей формации можно определить **как политико-правовой (идеологический)**.

Огромную роль начинают играть новые идеологии (одна или несколько, если они классово-групповые), а также их создатели, распространители и хранители, то есть различные отряды интеллигенции и партийные активисты. Наиболее влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма можно считать либерализм, демократизм, веру во всемогущество науки и разума, революционизм и ре-формизм. Здесь сравнительно легко можно провести связь между производственным базисом и идеологиями. В более поздний период появляются империализм (как идеология), коммунизм, фашизм, антикоммунизм и т. д.

Но для всей формации с этапа ее зрелости наиболее универсальной идеологией можно считать **национализм**. При

этом, как уже отмечалось, связь между индустриализмом и его последствиями (урбанизацией, единым рынком, быстрым транспортом, почтой, ростом образования, культуры, роли прессы) и национализмом теснейшая.

Изменения в Европе, расширение европейского экономического пространства до мирового создают условия для надлома других цивилизаций. В этих районах экономика развивалась последние столетия вбок от генеральной линии. Сами по себе совершить рывок и выйти в новую формацию они уже не могли. Однако внешние воздействия создали кризис и способствовали надлому этих цивилизаций. Лишь много позже, уже под влиянием прямого вмешательства или внутренней модернизации, в этих странах начнутся экономические перемены, которые приводят также к глубоким политическим кризисам, выразившимся в революциях, военных поражениях, гражданских войнах, подъеме национально-освободительного движения.

Эти изменения, дополненные обретением политической независимости, огромными сдвигами в мировой экономике, связанными с научно-технической революцией, породили новые формы культурных группировок на основе некоторых бывших цивилизаций. Такие культурные группировки, связанные с особой реакцией общественного сознания на большие перемены в экономике и культуре, автор назвал **квазицивилизациями**, поскольку они внешне весьма похожи на классические цивилизации, а роль идеологии в них очень велика³⁹².

5.5. Научно-информационный тип

В четвертой формации мир стал теснее за счет новых или более совершенных видов транспорта, связи, средств информации, гораздо большей, чем прежде, информиро-

---

³⁹² Можно выделить квазицивилизации, которые возникают на базе мировых или иных религий. Сегодня наиболее значительным из таких образований выступает мировой ислаимизм. Однако в результате революций и иных процессов появились и образования с нерелигиозной идеологией. Наиболее яркими примерами будут социализм и фашизм. (Подробнее см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 1998. № 4.)

ванности друг о друге, осознания достаточно тесной взаимной зависимости друг от друга. Можно считать, что современный мир на порядок более интегрирован, чем несколько десятилетий тому назад. Как результат родились и оформились представления о единстве человечества, его интересов и судеб, несмотря на все различия между его частицами.

Все явственнее выделяется среди других форм общественного сознания научно-информационное, которое во многом подчиняет себе другие. Информация стала, по образному выражению одного ученого, сырьем сегодняшней деятельности. Поэтому формирующемуся типу общественного сознания четвертой формации можно дать название **научно-информационного** (хотя, возможно, в будущем он трансформируется в нечто иное, то есть появится какой-то иной аспект его, хотя роль информации и науки останется очень большой).

Колоссально выросло значение образования. Огромна и роль науки. Развитие ее в современном мире во многом идет уже под влиянием ее внутренних процессов, что существенно изменяет ее характер и цели. Отмечается определенный кризис науки, который выражается в уменьшении ее гуманизма³⁹³ и прямой или потенциальной опасности многих исследований, превращении ученых в своего рода касту, «неспособности научной и технической элиты преодолеть свою национальную ограниченность», «фетишизм науки»³⁹⁴, все большей ее коммерциализации и т. д. Очень тревожит и то, что в большинстве областей нет координации между странами по поводу регулирования исследований. Между тем какие-то формы международного контроля здесь совершенно необходимы, так как сегодня некоторые открытия оказывают или могут оказать исключительное, непредсказуемое, а следовательно, возможно, очень опас-

---

³⁹³ «В этом отчуждении науки от человека – исток современного кризиса научного разума и рациональности вообще» (Черткова Е. Л. Кризис науки как кризис гуманизма. С. 188).

³⁹⁴ Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса. С. 217.

ное влияние на весь мир. При этом никто не несет ответственности³⁹⁵.

Важная особенность нынешней духовной жизни, которая связана с большой свободой и избытком благ, – развлекательность. Она пронизывает все: средства массовой информации, искусство, даже науку. Следует отметить и формирование особых значимых социальных пластов сознания: женского, молодежного, различных меньшинств и т. п.

Динамизм современной жизни, осознание глобальной природы важнейших проблем, стоящих перед человечеством, привели к появлению «нового мышления». Несомненно, что такое мышление предполагает: осознание необходимости сбережения природы, которая рассматривается не только как национальное, но и общечеловеческое достояние; представление об уникальности Земли; мысль о гармонизации национальных, религиозных и прочих групповых интересов и воззрений, с одной стороны, и мировых – с другой; твердое убеждение в недопустимости войн. При всех различиях, вкладываемых в понятие «нового мышления», то общее, в чем согласны его сторонники, так или иначе объективно должно вести к интеграции мира.

Рассматривая это в перспективе, нужно отметить, что, с одной стороны, такое объединение требует развития соответствующих производительных сил, направленных, в частности, на природосбережение и выравнивание уровней развития разных регионов. С другой – их развитие в указанном плане будет неизбежно тормозиться и вести к тяжелому и системному кризису, если новое сознание, новое мышление не возобладают.

Однако, как сказано, в переходные эпохи культурное

---

³⁹⁵ Д. Белл задаст очень важный вопрос: удастся ли установить какие-то очертания предела развития экономики и технологии, удастся ли также очертить предел исследований в таких культурных разработках, результаты которых ведут к переходу моральных норм и восприятию демонического, так как сегодня господствует убеждение, что все исследования есть «творчество»? (Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. P. XXIX).

развитие отстает от изменений в производстве. Передовые страны сейчас находятся именно в таком периоде. Поэтому, хотя целый ряд явлений будущего уже сложился, говорить о культурных группировках четвертой формации как о системе сложно, ибо таковые пока в зрелом виде не только не существуют, но, по-видимому, еще отсутствуют весьма важные или даже определяющие их элементы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование подошло к концу. В нем я стремился не просто представить эскиз производственного аспекта исторического процесса, но и сопоставить его с историческим процессом как часть и целое. Читателю судить, насколько автору удалось справиться с поставленными задачами. Одно несомненно: данная работа еще раз показала всю необъятность проблем и множество белых пятен в теории исторического процесса и теории истории в целом. И эта масса требующих внимания задач делает исключительно важным поиск более эффективных и экономичных способов их решения. Поэтому-то избранное в этой монографии направление и представляется мне перспективным. И значит, в любом случае не только удачи, но даже и ошибки данной книги будут полезными. А использованные в ней методики сквозного исследования отдельного аспекта исторического процесса могут послужить отправным пунктом для аналогичного анализа и других его аспектов. Несомненно, такая работа позволит глубже понять направление, ритм, движущие силы и законы исторического процесса.

SUMMARY

Philosophers and scientists have been trying to clear up the factors (moving forces), which determine the course of history. It turned out to be an unreachable task. There is no any productive theory of factors yet. The point is that any monism carried to the last logical degree is doomed to nonsense. But pluralism without general theory and accurate methods leads to the dispersal of the science and to the multiplication of one-sided and competing theories on almost any problem.

The author of the research tries to find out such a form and a degree of monism and pluralism combination, which would not possess obvious one-sidedness of the former and concept flabbiness of the latter. The main principles of this combination are the following: it's impossible for one factor to prevail always or in general but it's possible to pick out **relatively** more important factors for rather wide theories and problems. But only as the general principle and within strictly determined by the researcher limits of application. In order to realize the described principle the author elaborates special methods.

The book «Productive forces and historical process» is devoted to the analysis of world productive forces development throughout the entire history of mankind as the most important constituent of the historical process in general. The author has carried out complicated and rather important and valuable theoretical work. The fact is that we proceed to the scientific (rational) understanding from the «contemplation» and the description of the process only when we understand what is the role of separate constituents in the entire system or process and how these constituents correlate. We can make our knowledge more precise exactly when we are looking for clear and accurate correlation between separate forces, factors and events. The majority of scientific laws depict exactly this correlation.

The more precise we get when we understand how, when and what effect one part of reality produces on other parts and on the system in general the better idea we get about the matter of reality and the more scientific our conception of it is. As for

the historical process field for such research is immense. And the most important are research works, aimed at the analysis of end-to-end factors in the historical process, changes of their role and reasons of these changes.

The development of one aspect of historical process – the world productive forces is shown in the book. To be more accurate the author shows their qualitatively different states, which are generalized as **the principle of welfare production**. Why the productive forces have been chosen for the correlation of the part and the whole? The changes in one part of the system cannot take place absolutely independently from other parts and any of these parts may be chosen as an independent variable. Of course, we cannot speak about absolute predominance of one factor. The problem is which factor would it be more productive and correct to choose as the basis factor. From this point of view *the impact of production pattern on other parts of historical process seems to be relatively more fundamental than vice versa*. The reasoning of this statement in the book is profound.

Besides, productive forces are chosen because of their increasing role and influence and because their impact increases in geometric series. This means that it becomes more important to see how and why the impact of one part of the whole is constantly increasing. At the same time, though the influence of productive forces on all sides of the modern life (and vice versa) have become obvious, relations between production and other spheres are not analyzed deeply enough or even incorrectly. It lessens our possibility to be adequate in understanding of many historical and modern phenomena. This is one of the reasons why this book has been written.

In spite of the abundance of literature where influence of engineering and interaction of society and nature is analyzed, one can feel scarcity in the field of philosophy and theory of history, incompleteness and shortcomings of theoretical works which could give us the possibility to understand clearly and consider thoroughly the influence of industrial sector and geographical environment on the historical process. Besides, it is necessary to look at the influence of above mentioned factors on the entire

historical process and on its separate aspects in order to make it clear when, to what degree and why their influence increases or decreases, is critical or rather unimportant, is fluctuating or is stable.

This book is focused on these (and many other) problems. But new methodology, which will allow studying these subjects in a wide context, is necessary in order to solve the problems. As the author realized many years ago neither large scale nor even medium size concept was not effective if it was not possible to understand if that concept was true on different levels and in different aspects and if it was able to solve appearing difficulties.

The special attention in the first chapter is put on methodological aspects. Correlation of several relative branches of knowledge (philosophy of history, sociology of history, theory of history and theory of historical process), interconnections of productive forces and geographical environment are also analyzed in a new way. The necessity of usage of different terms for the world process and separate societies is grounded as well.

The second chapter analyzes dynamics of production principles development as a constituent part and in several correlations of more fundamental part of the historical process. The chapter is also focused on the analysis of production revolutions (agricultural, industrial and scientific) as the critical parameters of the historical process.

The third chapter depicts the connection of production principles with other aspects and lines of the historical process: political, social, ethnic and spiritual. As a result the degree and the reasons of industrial aspect influence on other aspects and the reasons of other lines and aspects dominance in different periods become more obvious.

ЛИТЕРАТУРА

Аверикиева Ю. П. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты) / Североамериканские индейцы / Сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978.

Алаев Л. Б. Выступление на «круглом столе» «Формации или цивилизации?» // Вопросы философии. – 1989. – № 10.

Алаев Л. Б. Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 3.

Александров Ю. Г. О формационной специфике доколониальных восточных обществ // Народы Азии и Африки. – 1988. – №2.

Алексеев В. П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.

Алексеев В. П. Этногенез. – М.: Высшая школа, 1986.

Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. – Владивосток: Дальнаука, 1995.

Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М.: Логос, 2000.

Аннерс Э. История европейского права / Пер. со швед. – М.: Наука, 1994.

Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. – М., 1982.

Антология экономической классики: В 2 т. – М.: Эконом, 1993.

Антонов Е. В. Примечания к кн.: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М., 1982.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. – М. Текст, 1993.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с фр. – М.: Прогресс. Универс, 1993.

Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине. – М.: Наука, 1987.

Бакс К. Богатства земных недр / Пер. с нем. – М., 1986,

Барулин В. С. Исторический материализм. Современные тенденции развития. – М., 1986.

Вахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество / Проблемы истории докапиталистических обществ. – М., 1968.

Башляр Г. Новый рационализм / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987.

Бергер П. Капиталистическая революция / Пер. с англ. – М.: Прогресс. Универс, 1994.

Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр. – М.: Канон, 1994.

Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. – М., 1956.

Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев / Пер. с англ. – М.: Наука, 1981.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. – М., 1973.

Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов. – М.: Институт Африки РАН и др., 2001.

Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. – М.: Наука, 1980.

Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. – Смоленск, 1993.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1986.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.

Бромлей Ю. В. Теория этноса. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Свод этнографических понятий и терминов / Под общей ред. Ю. В. Бромлея и Г. Штробаха. – М., 1988.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Соч.: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1.

Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. – М., 1993.

Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие (эскиз новой конструкции) // Философия и общество. – 1997. – № 5.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия / Пер. с англ. – М.: Наука, 1977.

Васильев Л. С. Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической конструкции) // *Философия и общество*. – 1997. – № 1, 2; 1998. – № 1, 3, 4.

Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. – М.: Высшая школа, 1993.

Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990 / Пер. с фр. – М.: Наука, 1994.

Вебер М. Образ общества / Вебер М. Избранное / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1993.

Винер Н. Кибернетика и общество / Пер. с англ. – М., 1958.

Волков Г. Промышленная революция / *Философская энциклопедия*. – Т. 4. – М., 1967.

Всемирная история: В 10 т. – Т. 5. – М., 1958.

Всемирная история: В 24 т. – Т. 1. Каменный век. – Минск: Литература, 1996.

Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.

Гобзов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Теис, 1999.

Гобзов И. А. Смысл и направленность исторического процесса. – М.: МГУ, 1987.

Гобзов И. А. Философия политики. – М.: Теис, 1998.

Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1987.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. – 1997. – № 1–6; 1998. – № 1–6; 1999. – № 1, 2, 3, 5; 2000. – № 1, 2, 3, 4; 2001. – № 1, 3.

Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // *Философия и общество*. – 1999. – № 4.

Гринин Л. Е. Периодизация исторического процесса: Дис. канд. филос. наук / МГУ. – М., 1996.

Гринин Л. Е. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического

процесса) // Вести. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 1999. – № 1.

Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. – Изд. 3-е. – Волгоград, 2003.

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // Философия и общество. – 2001. – № 4; 2002. – № 2, 3; 2003. – № 2.

Гуд У. Социология семьи / Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М., 1965.

Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. – М.: Наука, 1972.

Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Мишель и К°, 1993.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Мишель и К°, 1993.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970.

Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. – 1990. – № 11.

Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. – М., 1985.

Далин В. М. Историки Франции XIX–XX вв. – М.: Наука, 1981.

Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития / Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. – М., 1981.

Джинчарадзе В. З. Экономическая история США. – М., 1973.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. – М., 1947.

Духовное производство. – М., 1981.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М., 1984.

Дюби Ж. Европа в средние века / Пер. с фр. – Смоленск, 1994.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. – М.: Наука, 1991.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. – Л., 1985.

Жданко А. В. Заметки о первобытной истории (современные данные палеоантропологии и палеоархеологии о возникновении *Homo sapiens*) // *Философия и общество*. – 1999. – № 5.

Жданко А. В. Кибернетическая историософия, или Научная теория истории // *Философия и общество*. – 2002. – № 1; 2003. – № 1.

Заринов И. Ю. Исторические рамки феномена этничности // *Этнографическое обозрение*. – 1997. – № 3.

Зиммель Г. Избранное: В 2 т. / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1996.

Иди М. Недостающее звено / Пер. с англ. – М., 1977.

Илларионова Ж. И. НТР и мировое хозяйство. – М., 1979.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). – М.: Наука, 1986.

Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. – М.: Наука, 1990.

Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // *Новая и новейшая история*. – 1986. – № 1.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. – М.: МГУ, 1977.

История Востока: В 6 т. Т. 2. Восток в средние века. – М.: Восточная литература, 1995.

История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т.

История Италии: В 3 т. – М.: Наука, 1970–1971.

История Норвегии. – М.: Наука, 1980.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. – М.: Наука, 1988.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

История средних веков / Под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова: В 2 т. – М., 1990.– Т. 1.

История США: В 4 т. Т. 1. (1607–1877). – М.: Наука, 1983.

История Франции: В 3 т. – М.: Наука, 1972–1973.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. – Л.: ЛГУ, 1991.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. – М., 1986.

Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный / Новая технократическая волна на Западе / Пер. с англ. – М., 1986.

Карнап Р. Философские основания физики / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1971.

Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб.: АО «Комплект», 1993.

Категории исторического материализма. – М., 1980.

Каутский К. Материалистическое понимание истории / Пер. с нем. – М.; Л., 1931. – Т. 2.

Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм. – М., 1962.

Ким М. П. Природное и социальное в историческом процессе / Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. – М., 1981.

Китай: История, культура, историография. – М.: Наука, 1977.

Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. – М.: Росспен, 1995.

Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. – М.: Мысль, 1982.

Ковальска-Левицка А. Мавритания / Пер. с польского. – М., 1981.

Козинг А. Нации в истории и современности / Пер. с нем. – М., 1978.

Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. – М.: Наука, 1980.

Коротаев А. В. Факторы социальной эволюции. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

Коротаев А. В. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // В. А. Попов (сост. и отв. ред.). Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. – СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 224–302.

Коротаев А. В., Кузьминов Я. И. Участие в обсуждении книги В. П. Илюшечкина «Сословно-классовое общество в истории Китая» // Народы Азии и Африки. – 1989. – № 1.

Кочевая альтернатива социальной эволюции // Под ред. Н. Н. Крадина и Д. М. Бондаренко. – М.: Институт Африки РАН и др., 2002.

Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса / Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

Крадин Н. Н. Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001.

Крапивенский С. Э. Социальная философия. – Волгоград, 1994.

Крылов В. В. Воля и ее отчуждение как средство превращения работающего субъекта в «неорганическое условие производства» других людей / В. В. Крылов. Теория формаций. – М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 50–56.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1978.

Кузьмищев В. Царство сынов солнца. – М., 1985.

Кудрявцев Б. Б. Биография великана. – М., 1967.

Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М., 1975.

Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории / Пер. с ит. – М., 1960.

Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция XVII века. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958.

Лавровский В. М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII века. – М., 1973.

Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель / Пер. с англ. –Л.: Недра, 1991. С. 180–183.

Лебек С. Происхождение франков V–IX вв.: В 2 кн. / Пер. с фр. – М.: Скарабей, 1993.

Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995.

Леви-Строс К. Печальные тропики / Пер. с фр. – М., 1984.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. – М.: Наука, 1983.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. –М., 1992.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» / ПСС, Изд. 5-е. Т. 5. С. 95–268.

Липперт Ю. История культуры / Пер. с нем. – Л., 1925.

Липе Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества / Пер. с нем. – М.: Ин. лит., 1954.

Лукач Д. Онтология общественного бытия / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1991.

Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества.–М., 1972.

Мабли Г. Б. Об изучении истории. О том, как писать историю /Пер. с фр. – М., 1993.

Макаров С. П. Философские основания построения экономической парадигмы / Экономическая теория на пороге XXI века – 2. – М., 1998.

Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. – 1990. – № 3.

Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии / Пер. с фр. – М.: Соцэкгиз, 1937.

Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.

Марков Г. Е. История хозяйства и первобытной культуры в первобытнообщинном и раннеклассовом обществе. – М., 1979.

Маркович Д. Общая социология / Пер. с серб.-хорв. – Ростов-на-Дону, 1993.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса: В 3 т. – М., 1981, 1983, 1987.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – 2-е изд.

Массой В. М. Первые цивилизации. – М.: Наука, 1989.

Материалистическая диалектика: В 5 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4.

Материалистическое учение Карла Маркса и современность: Межвузовский сб. / Под общей ред. В. Г. Марахова. – Л.: ЛГУ, 1985. – Вып. 23.

Материалы совещания по проблемам исторического материализма в редакции жур. «Вопросы философии» // Вопросы философии. – 1982. – № 5–7.

Матюшин Г. Н. У колыбели истории. – М.: Просвещение, 1972.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. – М., 1982.

Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М., 1995.

Моисеев Н. Н. Слово о научно-технической революции. – М., 1985.

Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. – Л.: Изд-во Института народов Севера СССР, 1934.

Мортон А. Л. История Англии / Пер. с англ. – М., 1950.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. – № 10.

Моуэт Ф. Люди оленьего края / Пер. с англ. – М., 1963.

Мулуд Н. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1973.

Мэмфорд Л. Техника и природа человека / Новая техно-кратическая волна на Западе. – М., 1986.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: В 3 т. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977.

Неру Дж. Открытие Индии / Пер. с англ.: В 2 кн. – М.: Политиздат, 1989.

Нефедов С. А. Всемирная история: В 3 т. – М.: Владос, 1996.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. – М.: Наука, 1977.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.

Общественно-экономические формации. Проблемы теории. – М., 1978.

Ойзерман Т. И. Научно-философское мировоззрение марксизма. – М.: Наука, 1989.

Ольдерогге Д. А. Проблемы этнической истории Африки. Этническая история Африки. – М., 1977.

Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия / Пер. с англ. – М., 1980.

Орд-Хьюм. Вечное движение / Пер. с англ. – М., 1980.

Павленко Ю. В. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. – 1997. – № 3.

Периодизация исторического процесса. – Казань, 1984.

Петров А. М. Новые задачи старинной науки и некоторые материалы к изучению экономической истории науки // Народы Азии и Африки. – 1989. – № 2.

Плетников Ю. К. Послесловие к кн. Эххорн В. и др. «Диалектика производительных сил и производственных отношений» / Пер. с нем. – М., 1977.

Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произведения. – М., 1956. – Т. 1.

Пригсжин И. Наука, цивилизация, демократия / Пер. с англ. / Ежегодник: Философия и социология науки и техники. 1988–1989. – М., 1989.

Придо Т. Кроманьонский человек / Пер. с англ. – М., 1979.

Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII конгрессу INQNA. – М.: Наука, 1969.

Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ.: В 2 т. – М., 1992.

Проблемы истории докапиталистических обществ. – М., 1968.

Промышленный переворот и его социально-экономические последствия: (Заседание «круглого стола») // Новая и новейшая история. – 1984. – № 1.

Разложение родового строя и формирование классового общества. – М., 1968.

Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. – СПб., 1899.

Рассел Б. История западной философии: В 2 т. / Пер. с англ. – Новосибирск, 1994.

Рафаэл Б. Думающий компьютер / Пер. с англ. – М.: Мир, 1979.

Робертсон А. Происхождение христианства / Пер. с англ. – М., 1959.

Российская модернизация: Проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1993. – № 7.

Румянцев А. М. Первобытный способ производства (политико-экономические очерки). – М.: Наука, 1987.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ. – М., 1968.

Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. – 1997. – № 1.

Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. – М., 1996.

Семенов Ю. И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. – 1998. – № 3.

Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. – М., 1999.

Сказкин С. Д. Очерки истории западно-европейского крестьянства в средние века. – М.: МГУ, 1968.

Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. – М.; Л., 1935. – Т. 2.

Современная американская социология / Под ред. В. И. Добрењького. – М.: МГУ, 1994.

Солонин Ю. Н. К проблеме единства научного знания // Гуманитарий. – 1995. – № 1.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

Социализм: диалектика производительных сил и производственных отношений. – М., 1975.

Спенсер Г. Основания социологии. – СПб., б/г. Т. 1, 2/ Пер. с англ. / Г. Спенсер. Сочинения. Изд. Иогансона. – Киев; СПб.; Харьков, 1899. – Т. 4.

Структура общественно-экономической формации. – М., 1979.

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики. – М.; Л., 1965.

Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с англ. – М., 1995.

Тейлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. – М., 1939.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер. с фр. – М., 1987.

Текеи Ф. К теории общественно-экономических формаций / Пер. с венг. – М., 1975.

Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. – М., 1979.

Теория общественно-экономической формации. – М., 1983.

Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. – 1990. – № 12.

Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.

Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М., 1965.

Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства // Вопросы философии. – 1982. – № 4.

Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. // США: экономика, политика, идеология. – 1982. – № 7–12.

Трельч Э. Историзм и его проблемы / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.

Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. – Л., 1978.

Тулмин С. Т. Человеческое понимание / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984.

Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990.

Уледов А. К. Общественная идеология и психология. – М., 1985.

Файнберг Л. А. У истоков социогенеза (от стада обезьян к общине древних людей). – М.: Наука, 1980.

Философия и историческая наука // Вопросы философии. – 1988. – № 10.

Философская энциклопедия: В 5 т. – М., 1960–1970.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Философские проблемы исторической науки. – М., 1969.

Формации или цивилизации? // Вопросы философии. – 1989. – № 10 («круглый стол»).

Форстер У. Очерк политической истории Америки / Пер. с англ. – М., 1955.

Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. –Л., 1978.

Хилл К. Английская революция / Пер. с англ. – М., 1947.

Хоцей А. С. Теория общества: В 3 т. – Казань: Матбугат Йорты, 1999–2000 (1–2 тт.); Казань: Дом печати, 2000–2002 (3 т.: кн. 1 и 2).

Цивилизационные модели политогенеза / Под ред. Д. М. Бондаренко и А. В. Коротаева. – М.: Институт Африки РАН и др., 2002.

Чайлд Г. Прогресс и археология / Пер. с англ. – М., 1949.

Чешков М. А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50–80-х гг.). – М., 1988.

Черткова Е. Л. Кризис науки как кризис гуманизма: Первый Российский философский конгресс. – СПб., 1997. – Т. 5.

Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987.

Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. – М., 1977.

Шлезингер А. М. Циклы американской истории / Пер. с англ. – М., 1992.

Шнирельман В. А. Собиратели саго // Вопросы истории. – 1983. – № 11.

Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. – М.: Наука, 1989.

Шпенглер О. Закат Европы / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993.

Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений / Пер. с нем. – М., 1977.

Экономическая история капиталистических стран. – М., 1966.

Экономическая история СССР и зарубежных стран. – М.: Высшая школа, 1978.

Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: В 4 т. – М., 1979. – Т. 3.

Элькин А. Коренное население Австралии / Пер. с англ. – М., 1952.

Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977.

Юнг К. Психология бессознательного / Пер. с нем. – М.: Канон, 1994.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Республика, 1994.

- Аннотация** к книге Collin F. Social Reality. – N. Y., 1997.
- Alternatives** of Social Evolution / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munsk and P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS, 2000.
- Alternative** Pathways to Early State (International Symposium) / Ed. by N. N. Kradin and V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal'nauka, 1995.
- Armstrong J. A.** Nations before Nationalism. – The University of N. Carolina, 1982.
- Bell D.** The Coming of Post-industrial Society. – N. Y., 1973.
- Bell D.** The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y., 1978.
- Bell D.** The End of Ideology. – Harvard Univ. Press, 1988.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E. and Korotayev A. V.** Alternative Pathways of Social Evolution // Social Evolution & History. – 2002. – V. 1, № 1. – P. 54–79.
- Boulding K.** A Primer of Social Dynamics: History as Dialectics and Development. – N. Y., 1970.
- Brzezinsky Z.** Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. – N. Y., 1970.
- Bunzl M.** Real History: Reflections on Historical Practice. – L.; N. Y., 1997.
- Burnham J.** The Managerial Revolution. – N. Y., 1941.
- Carneiro R. L.** On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1967. № 23. P. 234–243.
- Carneiro R. L.** A Theory of the Origin of the State // Science. – 1970. 169. P. 733–738.
- Carneiro R. L.** Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? // Social Evolution & History. – 2002. – V. 1. № 1. P. 80–100.
- Carr E. H.** What is History? – N. Y., 1961.
- Claessen H. J. M.** Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism / Alternatives of Social Evolution. P. 1–11.
- Claessen H. J. M.** Was the State Inevitable? // Social Evolution & History. – 2002. – V. 1. № 1. P. 101–117.

- Collin F.** *Social Reality*. – N. Y., 1997.
- Culotta E.** *A New Human Ancestor? // Science*. Vol. 284. 23 April 1999 (pp. 572–573).
- Dawson D.** *Evolutionary Materialism (about Sanderson S. K. Social Transformations: A General Theory of Historical Development) // History and Theory*. – 1997. – № 1.
- Daniel G.** *The First Civilizations*. – L., 1968.
- Dent H. S.** *The Roaring 2000s: Building the Wealth and Lifestyle You Desire in the Greatest Boom in History*. – N. Y., 1998.
- Deutsch K. W.** *Nationalism and Social Communication an in Inquire into the Foundations of Nationality*. Second Ed. – Mas-sachutets Institute of Technology, 1966.
- Earle T. K.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, Cal: Stanford University Press, 1997.
- Fried M. H.** *The State, the Chicken and the Egg; or What Came First? // Origins of the State / Eds. R. Cohen, E. R. Service*. – Philadelphia, 1978.
- Gadamer H.-G.** *The Universality of the Hermeneutical Problem / Continental Philosophy. An Antology*. Ed. W. McNeill, K. S. Feldman. – Maiden, USA. Oxford, UK. – 1998.
- Gibbons A. Y** *Chromosome Shows That Adam Was an African // Science*. Vol. 278. 31 October 1997 (pp. 804–805).
- Grinin L. E.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. – Volgograd: Uchitel, 2002.
- Grinin L. E.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation / Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN. 2002. Ed. by Beliaev D. D., Bondarenko D. M. and Frantsouzoff S. A. (pp. 86–87).
- Grinin L. E.** *The Early State and its Analogues // Social Evolution & History*. Vol. 2. No. 2, March 2003 (pp. 131–176).
- Holden C.** *No Last Word on Language Origins // Science*. Vol. 282. 20 November 1998 (p. 1455–1458).
- Holscher L.** *The New Annalistic: a Scetch of a Theory of History // History and Theory*. – 1997. – V. 36. – № 3.
- Johnson A. H.** *Europe in the Sixteen Century 1494–1598*. – L., 1955.

Johnson A. W. and Earle T. K. The Evolution of Human Societies: from foraging group to agrarian state. Second Ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.

Kahn H., Wiener A. The Year 2000. N. Y., 1968.

Korotayev A. V. Mountains and Democracy: An Introduction / Alternative Pathways to Early State (pp. 60-74).

Kracauer S. History. The Last Things Before the Last. – N. Y., 1969.

Lament C. Freedom of Choice Affirmed. – N. Y., 1967.

Landesman C. An Introduction to Epistemology. – Cambridge, Mass. USA – Oxford, UK, 1988.

Marcuse H. One-Dimensional Man / Continental Philosophy. An Antology. Ed. W. McNeill, K. S. Feldman. Maiden USA. Oxford, UK, 1998.

McCullagh C. Behan. The Truth of History. – L.; N. Y., 1998.

Modern Humans in the Levant / by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch//Scientific American. April. 1993 (pp. 94–100).

Nisbet R. History of Idea of Progress. – N. Y., 1980.

Paabo S. The Y Chromosome and the Origin of All of Us (Men) / Science. Vol. 268. 26 May 1995 (pp. 1141–1142).

Political anthropology: The state of the art / Eds. S. L. Seaton, H. I. M. Claessen. – The Hague; P., N. Y., 1979.

Rayner R. M. European History 1648–1789. – L. & Colchester, 1964.

Sahlins M. D. Stone Age Economics. – Chicago: Aldine, 1972.

Singer Ch. A Short History of Science to the Nineteenth Century. – Oxford, UK. – 1941.

Service E. R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. – N. Y., 1975.

Social Theory Today. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987.

Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History. – Maiden, USA – Oxford, UK, 1998.

Stavenhagen R. Ethnic Conflicts and Nation-State. – L.; N. Y., 1996.

Stover R. The Nature of Historical Thinking. – N. Carolina, 1967.

Teggart F. J. Theory and Processes of History. – Berkley and Los Angeles, 1941.

The Industrial Revolution 1700–1914 / Ed. C. M. Cipolla. – N. Y., 1976.

The Early State / Eds. Claessen H. J. M. and Scalnik P. – The Hague, 1978.

The Emergence of Modern Humans / by Christopher B. Stringer – Scientific American. – Desember 1990 (pp. 68–74).

The Study of the State / Eds. Claessen H. J. M. and Scalnik – The Hague, 1981.

Theories of Society Foundations of Modern Sociological Theory / Ed. By T. Persons. Two volums of one. – Torpnto-Ontario, 1965.

The Origins of Agriculture / Ed. Ch. A. Reed. The Hague-Paris, 1977.

The Origins of Civilization. – N. Y.; L.; Toronto, 1968.

The Origins of Covilized Societies. – Princeton, New Jersey, 1959.

Tillinghast P. E. Approaches to History. Selections in the Philosophy of History from the Greeks to Hegel. – N. J., 1963.

Toews J. E. A New Philosophy of History? Reflections on post-modern historicizing // History and Theory. – 1997. – № 2.

Toffler A. The Third Wave. – N. Y., 1980.

Van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. – N. Y., Oxford, 1981.

Waller stein I. World-Systems Analysis / Social Theory Today. – Stanford University Press, Stanford, California, 1987.

Wagner P. L. Concept of Environmental Determinism in Cultural Evolution / The Origins of Agriculture. Ed. Ch. A, Reed. – The Hague-Paris, 1977.

Walsh W. H. An Introduction to Philosophy of History. – Bristol, 1992.

Zalejko G. Soviet Historiography as a «Normal Science» / Historiography between Modernism and Postmodernism. Contribution to the Methodology of the Historical Research // Poznan Studies in the Philosophy of the Science and the Humanities. – V. 41. – Amsterdam; Atlanta, GA, 1994.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринин Леонид Ефимович, 1958 года рождения. Закончил историческое отделение Волгоградского пединститута. С 1989 года руководит издательством «Учитель». Женат, имеет троих детей. Доктор философских наук. Кандидатскую диссертацию на тему «Периодизация исторического процесса» защитил в МГУ. Докторскую диссертацию на тему «Роль производительных сил в мировом историческом процессе» защитил в МВТУ им. Баумана.

Является автором книги «Философия, социология и теория истории», выдержавшей уже четыре издания. Публикует с 1997 года в журнале «Философия и общество» очень крупную монографию «Формации и цивилизации», объем которой, хотя произведение еще не закончено, уже в настоящее время составляет более 1200 страниц. С 2001 года публикует монографию «Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства)» в журнале «Философия и общество». Написал ряд интересных статей: «Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета»; «Соотношение развития государства и производительных сил» (в рамках всемирно-исторического процесса); «The Early State and its Analogues» и другие. Помимо этого, Гринин Л. Е. написал ряд работ по отечественной истории.

Леонид Ефимович является издателем журнала «Философия и общество», а также издателем и соредактором международного журнала «Social Evolution & History».

Гринин Леонид Ефимович

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Ответственные за выпуск **Л. Е. Гринин,**
А. В. Перепелкина
Корректоры

Издательство «Учитель»
400067, Волгоград, п/о 67, а/я 32

Сдано в набор 22.02.2004. Подписано в печать 10.04.2004.
Формат 84x108/32. Гарнитура Тайме. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ

